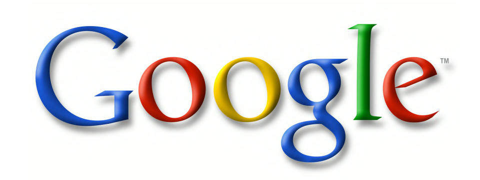

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ

ВЪ

ФИЗИЧЕСКОМЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ

ОТНОШЕНІЯХЪ.

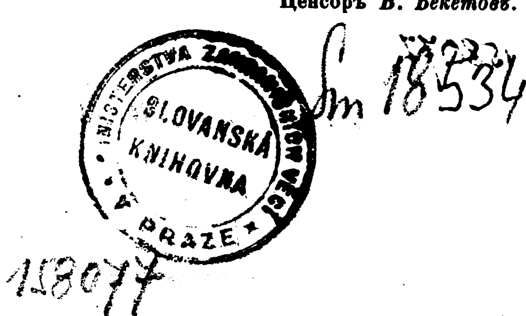
Составилъ В. Лядовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 25 Марта 1861 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

1229

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.[1]

Положеніе и границы. Европейская Россія занимаетъ всю сѣверовосточную, бо́льшую часть Европы. Границами ея на сѣверѣ служитъ—Сѣверный Ледовитый Океанъ, на западѣ — Швеція и Норвегія, Балтійское море, Пруссія, Австрія и Европейская Турція; на югѣ тоже Европейская Турція, Черное море, Кавказъ и Каспійское море,а на востокѣ — Уральскія горы. Такимъ образомъ

(1) Россійская Имперія, по пространству, занимаетъ первое мѣсто между всѣми существующими государствами. Въ составъ ея входятъ: 1) сѣверовосточная Европа, 2) вся сѣверная Азія, 3) сѣверозападная часть сѣверной Америки. Всѣ эти владѣнія вмѣстѣ съ островами, расположенными на сѣверномъ Ледовитомъ морѣ и въ сѣверной части Великого Океана, составляютъ пространство въ 37,000 кв. миль, т. е. въ два раза слишкомъ болѣе Европы или равны $1/6$ всей земной поверхности. Если изъ всего пространства, занимаемаго Россіею исключить страны малонаселенныя, включая въ это число сѣверную часть Сибири, Американскія владѣнія, Архангельскую губернію и Финляндію, то и тогда Россія будетъ больше всей Европы, больше С. А. Соединенныхъ Штатовъ, Бразиліи и Китайской Имперіи. Такое огромное пространство, занимаемое Россіею важно тѣмъ болѣе потому, что всѣ владѣнія ей принадлежащія составляютъ одно цѣлое, а не разбросаны на огромномъ пространствѣ, какъ напр. владѣнія Англичанъ.

За самую южную границу Россіи можно принять среднее теченіе рѣки Аракса, т. е. 38-ю параллель. Таймурскій мысъ составляетъ са-

Европейскую Россію омываютъ четыре моря. Изъ нихъ болѣе важное значеніе имѣетъ *Балтійское*, какъ самый ближайшій путь въ западную Европу. Важность владѣнія Балтійскимъ моремъ сознавали уже Московскіе Государи и потому со временъ Іоанна IV Грознаго постоянно хлопотали о томъ, чтобы пріобрѣсти на немъ хотя одинъ пунктъ, чрезъ который бы можно было входить въ сношенія съ западною Европою. Эти старанія оставались впрочемъ безуспѣшными до начала XVIII столѣтія, когда Петръ Великій, по Ништадтскому договору, заключенному въ 1721 году, присоединилъ къ Россіи всѣ земли, составляющія въ настоящее время Остзейскія губерніи, а также Карелію и часть Финляндіи съ городомъ Выборгомъ.

Балтійское море занимаетъ поверхность въ 8 тысячь квадр. миль. Оно принимаетъ въ себя болѣе 250 рѣкъ, между которыми около 40 весьма значительныхъ, какъ напримѣръ Нева, Западная Двина, Нѣманъ, Висла и

мую сѣверную оконечность Россіи, упирающуюся въ 78-ю параллель. Такимъ образомъ въ ширину Россія протягивается на 40°, что составляетъ пространство въ 4,200 верстъ. Разстояніе между западною и восточною оконечностями Россіи еще громаднѣе. Оно такъ велико, что если бы устроить желѣзную дорогу отъ Калиша, лежащаго на границѣ съ Пруссіею, до Петропавловскаго порта, расположеннаго на восточномъ берегу Камчатки, то для переѣзда съ одного мѣста на другое необходимо было бы употребить почти 20 дней, оставаясь въ дорогѣ день и ночь и проѣзжая каждый часъ пространство въ 30 верстъ. Самое лучшее понятіе объ огромномъ протяженіи Россіи съ запада на востокъ даетъ промежутокъ во времени восхода солнца въ Калишѣ и на восточномъ мысѣ. Эти два пункта находятся между собою на разстояніи почти 175°, слѣдовательно разница въ восходѣ солнца въ двухъ этихъ пунктахъ равняется одинадцати часамъ слишкомъ (11 ч. 40 м). Эта разница увеличится еще, если мы за восточную границу Россіи примемъ меридіанъ, проходящій по крайнимъ предѣламъ С. Американскихъ владѣній.

другія. Отъ такого большого притока прѣсной воды и отъ незначительнаго испаренія, Балтійское море малосольно въ сравненіи съ прочими. Кромѣ этого оно отличается отъ другихъ морей мелководностью. Наибольшая глубина Балтійскаго моря, между Курляндіею и Гатландомъ, доходитъ только до 60 сажень; на сѣверѣ же и югѣ отсюда есть мѣста не глубже 10 сажень и даже меньше. Дно Балтійскаго моря часто измѣняется, а берега постепенно поднимаются. Послѣднее явленіе особенно замѣтно около Швеціи и Финляндіи. Такъ напримѣръ извѣстно, что городъ *Упсала* стоялъ прежде у самого моря, а теперь онъ отдѣляется отъ него болотами и лугами, которыя тянутся на цѣлую милю. Не подалеку отъ *Вазы* въ настоящее время сѣютъ хлѣбъ, а прежде здѣсь были прекрасныя рыбныя тони. Такое повышеніе береговъ Балтійскаго моря давно уже обратило вниманіе и одинъ ученый даже вычислилъ, что берега Балтійскаго моря, со стороны Швеціи и Финляндіи каждое столѣтіе повышаются на пять футовъ, или на $1/_2$ дюйма въ годъ. Его вычисленіе оказалось справедливымъ. Многія гавани мелѣютъ и съ теченіемъ времени дѣлаются неудобными.

Еще большее затрудненіе для мореплаванія по Балтійскому морю представляетъ другая его особенность, а именно—замерзаніе. Это зависитъ отъ удаленности Балтійскаго моря отъ экватора, а также отъ незначительной ширины и отъ малосольности. Что послѣднія двѣ причины имѣютъ вліяніе, то доказательствомъ этого можетъ служить Гренландское море. Оно лежитъ на одинаковой ширинѣ съ Балтійскимъ, однако никогда не замерзаетъ. Впрочемъ, и Балтійское море замерзаетъ на всемъ пространствѣ не болѣе одного раза въ столѣтіе. Въ Финскомъ же и Ботническомъ заливахъ морепла-

ваніе ежегодно прекращается на цѣлые шесть мѣсяцевъ и ледъ бываетъ иногда такъ толстъ, что не только открывается сообщеніе на сѣверѣ между Финляндіею и Швеціею, но даже представляется возможность проводить цѣлое войско съ артиллеріею и обозомъ, какъ это сдѣлалъ Барклай-де-Толи въ 1809 году, перешедши отъ Вазы, чрезъ Кваркенъ, въ Умео.

Черное море важно для Россіи, какъ единственный путь для сбыта естественныхъ произведеній южныхъ губерній и болѣе удобно для мореплаванія, чѣмъ Балтійское. Черное море занимаетъ пространство въ 8,700 квадр. миль. Наибольшая ширина его 570 слишкомъ верстъ, а длина около 1,100. На всемъ этомъ обширномъ пространствѣ нѣтъ ни подводныхъ камней, ни мелей, ни острововъ, а по берегамъ расположены гавани, удобныя для стоянки кораблей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черное море имѣетъ болѣе 100 сажень глубины. Со стороны Турціи и Россіи оно принимаетъ въ себѣ много большихъ рѣкъ и эти рѣки вливаютъ въ него такую огромную массу воды, что море непремѣнно бы вышло изъ береговъ, если бы одна часть вливающейся воды не испарялась, а другая бы не вытекала чрезъ Босѳоръ и Дарданеллы въ Средиземное море.

Теченіе въ Дарданельскомъ проливѣ такъ быстро, что корабли могутъ входить въ него только при сильномъ попутномъ вѣтрѣ.

Берега Чернаго моря, за исключеніемъ сѣвернаго, большею частію высоки и представляютъ не мало удобныхъ гаваней, между которыми особенно важны: Севастопольскій рейдъ и Ѳедосійская гавань. Послѣдняя никогда не замерзаетъ. Древніе называли Черное море *Pontus euxinus*, т. е. гостепріимное море, но это назва-

ніе не справедливо. На Черномъ морѣ бываютъ ужасныя бури, особенно въ періоды равноденствій (1).

Не смотря на то, что Черное море лежитъ подъ одинаковою широтою съ Ліонскимъ и Гасконскимъ заливами, однако зима на немъ бываетъ иногда очень суровая и холодъ, особенно при сѣверовосточномъ вѣтрѣ, доходитъ до 18°. Сѣверные берега почти ежегодно покрываются льдомъ на далекое пространство и плаваніе прекращается мѣсяца на два.

Керчь-Эникольскимъ заливомъ Черное море соединяется съ Азовскимъ, которое можно разсматривать, какъ большой заливъ. Азовское море для судоходства очень неудобно и главная причина этого заключается въ мелководіи. Наибольшая глубина его 6½ сажень, а наименьшая (у Таганрога) 1½ фута. На западной сторонѣ Азовскаго моря находятся Арабатская стрѣлка. Она имѣетъ въ длину 90 верстъ и отдѣляетъ собою Сивашъ или Гнилое море, соединяющееся съ Азовскимъ посредствомъ Геническаго пролива.

Каспійское море представляетъ для Россіи единственный путь къ сношенію съ Персіею и центральною Азіею. Оно занимаетъ поверхность въ 7,375 квадр. м. и на восточной сторонѣ образуетъ два большія залива: *Кара Богазъ и Мертвый Култукъ*. На югѣ также находится *два залива: Астрабадскій и Энзели*. Въ первый изъ нихъ впадаетъ довольно много рѣкъ, берущихъ начало съ пограничнаго хребта *Эльбурсъ*, а потому вода въ немъ малосольна и содержитъ въ себѣ такъ много рыбы, что русскіе промышленники не рѣдко берутъ на откупъ у Персидскаго правительства здѣшнія рыбныя ловли.

(1) Названіе «Черное море» есть буквальный переводъ Турецкого — Кара Deugis. Турки назвали это море Чернымъ не по цвѣту воды, а за его страшныя бури. Значитъ «Черное море» — фигурное выраженіе.

Если провести линію отъ Астрахани къ Тюкъ-Караганскому мысу, то тогда Каспійское море раздѣлится на двѣ неравныя части: сѣверную и южную. Первая нигдѣ не имѣетъ болѣе девяти сажень глубины и содержитъ воду малосольную и мутную; вторая же замѣчательна своею глубиною, даже при берегахъ. Такъ напримѣръ, къ югу отъ устья Терека, въ недалекомъ разстояніи отъ берега глубина доходитъ до 200 сажень.

Въ торговомъ отношеніи Каспійское море приноситъ очень небольшую пользу, и причина этого заключается частію въ самой природѣ, а частію въ характерѣ народовъ, съ которыми Россія ведетъ торговыя сношенія. Главная Каспійская гавань — Астрахань лежитъ въ 120 верстахъ отъ моря; устье Волги мелководно, а потому суда не могутъ входить прямо въ пристань, а должны перегружать свои товары на мелкія барки, что разумѣется требуетъ немало народа, беретъ много времени и тѣмъ увеличиваетъ цѣну товаровъ. Другія гавани Каспійскаго моря, какъ напримѣръ Баку, Ленкоранъ, Энзели болѣе удобны для судовъ, но за то сухопутный путь къ нимъ очень затруднителенъ. Надо пробираться по мѣстности гористой, вовсе лишенной удобныхъ путей сообщенія. Въ слѣдствіе всего этого наши купцы находятъ болѣе выгоднымъ перевозить Азіатскіе товары сухимъ путемъ, но и здѣсь они встрѣчаютъ много затрудненій со стороны грубыхъ, необразованныхъ Бухарцевъ и Хивинцевъ.

Сѣверное Ледовитое море въ торговомъ отношеніи не имѣетъ значенія, а заслуживаетъ вниманія по своей природѣ. Оно омываетъ сѣверные берега не только Европейской, но также Азіатской и Американской Россіи. Длина его береговъ на всемъ этомъ пространствѣ опредѣляется въ 5,000 верстъ, не считая извилинъ.

Круглый годъ Полярный Океанъ покрытъ плавающимъ льдомъ, который образуется или изъ прѣсной воды, вливаемой въ Океанъ рѣками, или изъ воды самаго Океана. Эти два рода полярнаго льда рѣзко отличаются между собою даже по виду. Прѣсный ледъ, плавая въ Океанѣ, кажется чернымъ; вынутый же оттуда имѣетъ видъ чистаго, прозрачнаго стекла. Соленый ледъ не отличается этою прозрачностью и имѣетъ цвѣтъ бѣловатый, или же скорѣе сѣрый. Кромѣ этого прѣсный ледъ отличается отъ соленаго своею плотностью, твердостью. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ путешественниковъ по Ледовитому океану, Скоресби, разсказываетъ, что онъ изъ прѣснаго льда дѣлалъ зажигательное стекло, съ помощію котораго взрывалъ порохъ, а матросы его закуривали трубки.

Ледяныя поля и горы. Льды, плавающіе по Ледовитому Океану представляются въ двухъ главныхъ видахъ: ледяныхъ полей и ледяныхъ горъ. Первыя имѣютъ въ вышину всего только 20 футовъ, изъ которыхъ не болѣе 2-хъ или 3-хъ находится надъ водою. Ледяныя горы не рѣдко достигаютъ 30-ти сажень. Нельзя не удивляться такимъ громаднымъ глыбамъ, особенно, если подумать еще о томъ, что часть, находящаяся въ водѣ, въ восемь разъ болѣе видимой. Нельзя также не задать себѣ вопроса: какъ образуются такія громады? Прежде образованіе ледяныхъ горъ объясняли тѣмъ, что льдины, выплывающія каждую весну изъ устьевъ рѣкъ, сгоняются къ полюсу, тамъ соединяются вмѣстѣ и, съ теченіемъ времени, образуютъ цѣлыя горы. Такое объясненіе несправедливо и опровергается тѣмъ, что рѣчной ледъ весною слишкомъ дряблъ и, конечно, прежде чѣмъ успѣетъ доплыть до полюса, растаетъ отъ солнца. По всей же вѣроятности причина образованія

ледяныхъ горъ на океанѣ общая съ причиною образованія ледниковъ на горахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

Формы льдинъ. Пловучіе льды на Ледовитомъ океанѣ представляются наблюдателю въ разнообразныхъ, чрезвычайно затѣйливыхъ формахъ. Одни не рѣдко имѣютъ видъ готическихъ зданій, другіе кажутся исполинскими человѣческими фигурами, третіе представляютъ цѣлые города и проч. Скоресби разсказываетъ, что ему во время путешествія, не разъ приходилось любоваться ледяными массами, представляющими то бѣлаго медвѣдя, стоящаго на высокомъ пьедесталѣ, то голову льва, или какого нибудь другаго звѣря, то цѣлыя галлереи, составленныя изъ длиннаго ряда колоннъ съ различными украшеніями. Какъ образуются такія фигуры? Случайно. Точно также, какъ и облака случайно принимаютъ тѣ или другія формы и, наблюдаемыя съ различныхъ точекъ зрѣнія, кажутся похожими на тѣ или другіе предметы.

Нечего, кажется, говорить о томъ, что ледяныя массы, плавающія по Ледовитому океану составляютъ главное, непреодолимое препятствіе для мореплавателей. Бѣда кораблю, который попадетъ между двухъ такихъ страшныхъ горъ, изотретъ его въ щепки, и конечно погибнетъ весь экипажъ.

Пловучій лѣсъ. Кромѣ ледяныхъ глыбъ по Ледовитому океану носится огромное количество лѣсу, который прибрежными жителями употребляется на топливо, а также идетъ на различныя подѣлки: изъ него строятъ хижины, дѣлаютъ сани, лодки и проч. Пловучій лѣсъ, состоящій обыкновенно изъ огромныхъ, гладкихъ стволовъ, безъ сучьевъ и безъ коры, представляетъ замѣчательное разнообразіе въ породахъ. Между пловучими деревьями встрѣчаются не только хвойныя, т. е. сосны,

ели, лиственница, но попадаются часто кедры, растущіе на берегахъ Миссисипи, красныя Бразильскія деревья, пальмовыя и другія. Всѣ эти деревья, по всей вѣроятности, приносятся въ Ледовитый Океанъ морскими теченіями. И въ самомъ дѣлѣ: нѣтъ ничего легче дереву, растущему въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ попасть въ Ледовитый океанъ. Этому помогаетъ Гольфштромъ. Отчего же не предположить, что и бразильская пальма можетъ совершить путешествіе по всѣмъ океанамъ и наконецъ попасть въ Ледовитый, гдѣ будетъ плавать, пока не выбросется на берегъ, или пока не сгоритъ, попавъ случайно между двумя ледяными горами.

Полярный туманъ. Послѣ пловучихъ льдовъ и лѣса полярный туманъ и сѣверное сіяніе составляютъ главную характеристическую особенность Ледовитаго Океана. Испаренія, поднимающіяся изъ Океана отъ низкой температуры сгущаются до того, что составляютъ непроницаемую стѣну, непозволяющую видѣть предметы, находящіеся отъ наблюдателя всего только на нѣсколько сажень. Хорошо еще то, что этотъ туманъ никогда не подымается выше 15-ти сажень.

Сѣверное сіяніе. Сѣверное сіяніе составляетъ самое замѣчательное и самое великолѣпное явленіе на Ледовитомъ Океанѣ. Представьте себѣ необозримую поверхность, покрытую снѣгомъ и усѣянную обломками льда. Надъ нею разстилается небо, блестящее яркими звѣздами. Повсюду тишина мертвая. Вдругъ, въ одной сторонѣ неба показалось темное, почти совсѣмъ черное облако; вотъ оно дѣлается все больше и больше, наконецъ принимаетъ форму сегмента, съ верхней стороны ограниченнаго свѣтлою дугою. Изъ этой-то дуги вылетаютъ столбы краснаго, голубаго, желтаго, серебрян-

наго цвѣтовъ, волнуются, какъ будто движимые вѣтромъ, соединяются въ одну массу и, покрывая чуть не половину видимаго неба, льютъ на землю какой-то фантастическій свѣтъ.

Сибиряки называютъ сѣверныя сіянія *сполохами* и увѣряютъ, что иногда во время этого явленія, слышится шумъ, похожій на стрѣльбу изъ ружей (1). Что касается до путешественниковъ, изъ которыхъ инымъ, какъ напримѣръ Франклину, удавалось любоваться сѣвернымъ по нѣскольку сотенъ разъ, то всѣ они говорятъ, что никакого шума при этомъ не бываетъ.

Объяснить настоящую причину сѣверныхъ сіяній трудно. По этому предмету учеными было высказано много мнѣній. Такъ напримѣръ, одни въ сѣверномъ сіяніи видѣли оптическое явленіе и полагали, что оно происходитъ отъ особеннаго преломленія солнечныхъ лучей, когда они проходятъ чрезъ ледяныя частички, плавающія въ воздухѣ; другіе утверждали, что сѣверное сіяніе происходитъ отъ водороднаго газа, который поднявшись въ высшіе слои атмосферы, обращается въ жидкость, воспламеняется и образуетъ сѣверное сіяніе; третіе доказывали, что сѣверное сіяніе происходитъ отъ особеннаго рода испареній, выходящихъ изъ земли и воспламеняющихся въ воздухѣ. Кромѣ этихъ мнѣній было высказано много другихъ; всѣ они интересны до нѣкоторой степени, но не объясняютъ дѣла такъ точно, какъ и новѣйшее мнѣніе, по которому причину сѣверныхъ сіяній видятъ въ магнетизмѣ.

Между многими заливами Ледовитаго Океана особенно замѣчательно Бѣлое море. Оно имѣетъ въ ширину до 150 верстъ слишкомъ и глубоко на столько, что по

(1) Сполохъ, древнее-русское слово и значитъ пожаръ.

немъ могутъ ходить безопасно довольно большія суда. Не смотря однако на это, Бѣлое море судоходно только три мѣсяца съ небольшимъ, а остальное время года покрыто льдомъ и слѣдовательно заперто для судовъ. Впрочемъ, и въ періодъ судоходства мореплаватели встрѣчаютъ довольно значительныя препятствія, происходящія отъ встрѣчи приливовъ и отливовъ. Что же касается до подводныхъ камней и мелей, извѣстныхъ у туземцевъ подъ именемъ *кошекъ*, то онѣ не препятствуютъ судоходству, а скорѣе поддерживаютъ его. Расположенныя при входѣ въ Бѣлое море, они защищаютъ его отъ льдовъ Полярнаго Океана.

ОРОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РОССІИ. Поверхность Европейской Россіи, представляетъ одну обширную равнину, которая однако можетъ быть раздѣлена на нѣсколько частей, до нѣкоторой степени отличающихся между собою.

Средняя часть, границами которой на западѣ служатъ возвышенности Смоленска, на сѣверѣ холмы Валдайскіе, на югозападѣ пороги Днѣпровскіе и на юговостокѣ Волжскіе холмы, проходящіе по Саратовской Губерніи, представляетъ равнину, возвышающуюся надъ остальною поверхностью Европейской Россіи. Сѣверная часть этой равнины почти на всемъ пространствѣ покрыта березовыми, осиновыми и ольховыми лѣсами, которые тянутся отъ Рижского залива до Уральскихъ горъ, оставляя между собою пространства болотистыя или глинистыя, кое-гдѣ только перерѣзанныя безплодными песчаными холмами. Въ южной части этой полосы, представляющей огромную песчаную равнину, лѣсовъ не встрѣчается. Что же касается до средины, расположенной между Окою и верховьями Волги, то она составляетъ какъ бы переходъ отъ сѣверной лѣсистой, къ южной—безлѣсной. Здѣсь встрѣчаются земли, удобныя

для воздѣлыванія, а нѣкоторыя мѣста покрыты лѣсами, которые хотя и не такъ густы, какъ сѣверные, но за то не такъ и однообразны. Таковъ видъ средней части Россіи.

Сѣверная область Европейской Россіи, заключающая въ себѣ губерніи: Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую, а также Финляндію, можетъ быть раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ частей, между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ *страна великихъ озеръ*, расположенная между Бѣлымъ моремъ и Ботническимъ заливомъ. На этомъ пространствѣ, кромѣ Ладожскаго, Онежскаго и Саймы, находится множество другихъ озеръ, менѣе значительныхъ по величинѣ, и изъ нихъ болѣе тысячи приходится на одну Архангельскую Губернію. Сѣверная, болѣе низменная часть этой губерніи, расположенная между Ледовитымъ Океаномъ и Полярнымъ кругомъ и между рѣками Мезенью и Печорою, представляетъ тундру, занимающую здѣсь пространство болѣе Великобританіи. Остальная часть, расположенная къ юго-востоку отъ Бѣлаго моря, имѣетъ видъ равнины, постепенно склоняющейся къ Ледовитому Океану, начиная отъ верхнихъ частей Печоры, Вычегды, Двины и Онеги. На югѣ эта равнина перерѣзана холмистою грядою—Урало-Алаунскою, а на сѣверѣ покрыта полями или болотами.

Сѣверозападную часть разсматриваемой области Россіи занимаетъ *Лапландія*, представляющая также обширную равнину, покрытую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалами и лѣсомъ, наполненную множествомъ озеръ и перерѣзанную быстротекущими рѣчками, которыя, падая со скалы на скалу, однѣ нарушаютъ всеобщую, мертвую тишину ландшафта. Климатъ этой страны суровый, растительность—бѣдная. Зима продолжается здѣсь во-

семь мѣсяцевъ и температура иногда понижается до того, что ртуть замерзаетъ на воздухѣ. Главное характеристическое растеніе Лапландіи составляетъ оленій мохъ (ягель). Онъ обыкновенно желтаго цвѣта, высохшій же дѣлается бѣлымъ и, покрывая поверхность, даетъ ей видъ снѣговой равнины, кое-гдѣ только покрытой зеленѣющими кустарниками. Изъ хлѣбныхъ растеній лучше всего въ Лапландіи созрѣваетъ ячмень, но еще съ большимъ успѣхомъ можно разводить картофель, который до нѣкоторой степени могъ бы замѣнять часто ощущаемый недостатокъ въ хлѣбѣ.

Западная область Россіи, заключающая Польшу, Литву (Ковенская, Виленская и Гродненская) и губерніи: Курляндскую, Лифляндскую и часть Эстляндской, представляетъ также равнину постепенно возвышающуюся къ югу, гдѣ она примыкаетъ къ горамъ Карпатскимъ, а на юговостокѣ доходитъ до Днѣпровскаго бассейна. На всемъ пространствѣ эта равнина имѣетъ почву песчаную или глинистою, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыта болотами и лѣсами. Между первыми особенно замѣчательны *Пинскія*, расположенныя на берегахъ Припети, въ окрестностяхъ Пинска, а между вторыми заслуживаетъ вниманіе *Бѣловѣжская пуща*, занимающая въ сѣверной части Гродненской губерніи пространство въ 50 в. длины и 40 ширины.

Часть южной Россіи, ограниченная на сѣверѣ рѣкою Сеймомъ и заключающая въ себѣ губерніи: Кіевскую, Черниговскую, Полтавскую, часть Волынской и Подольской, составляетъ *полосу черноземную*, земледѣльческую по преимуществу. Рѣкою Днѣпромъ она раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ только западная, покрытая невысокими холмами, представляетъ поверхность доволь-

но разнообразную, а восточная имѣетъ видъ совершенной равнины.

Юговосточная часть Европейской России, расположенная между Днѣпромъ и Волгою, представляетъ огромную *степь* въ 18 т. кв. миль, что болѣе Австрійской Имперіи и Пруссіи, взятыхъ вмѣстѣ. Наши степи имѣютъ почву песчаную, или черноземную и, покрытыя высокою травою, служатъ прекрасными пастбищами. Деревьевъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ и причина этого заключается въ томъ, что почва слишкомъ твердая, или слишкомъ рыхлая не даетъ возможности хорошо укорениться деревьямъ. Расположенныя въ срединѣ умѣреннаго пояса, степи Европейской Россіи имѣютъ климатъ болѣе суровый въ сравненіи съ областями западной Европы, расположенными подъ одинаковою широтою. Декабрь, январь и февраль составляютъ степную зиму, страшную мятелями, нерѣдко прекращающими всякое сообщеніе въ продолженіи двухъ и болѣе сутокъ. Во всю зиму степь представляетъ пустынную равнину, надъ которою разстилается небо, почти постоянно покрытое облаками. Свѣтлыхъ зимнихъ дней степняки почти совсѣмъ не знаютъ. Зимняя температура не постоянна. Иногда снѣгу выпадаетъ такъ мало, что скотъ цѣлую зиму остается на подножномъ кормѣ, иногда же холодъ доходитъ до 30°. Весна, наступающая въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, начинается таяніемъ снѣга, и тогда вся поверхность степи покрывается жидкою грязью. Степная весна характеризуется частыми холодными вѣтрами, и нерѣдко случается, что земля освободившаяся отъ снѣга, покрылась тюльпанами, гіацинтами, подснѣжниками, но вдругъ подулъ сѣверовосточный или сѣверный вѣтеръ и, мигомъ, не осталось ни одного цвѣточка. Въ началѣ мая холодные вѣтры прекращаются,

и степь устилается роскошнымъ зеленымъ ковромъ. Въ это время начинаются грозы, сопровождаемыя довольно обильными дождями, поддерживающими растительность. Въ концѣ іюня грозы становятся сильнѣе, но на поверхность не упадаетъ ни капли воды, и скоро степная трава теряетъ свою свѣжесть, потомъ дѣлается коричневою и наконецъ совершенно черною, какъ будто бы была обожжена пожаромъ. Ручьи высыхаютъ, колодцы истощаются, животныя и люди страдаютъ отъ жара и недостатка воды. Въ Августѣ температура начинаетъ понижаться. По ночамъ бываютъ довольно сильныя росы, воздухъ дѣлается прозрачнѣе, по временамъ перепадаютъ дожди, и скоро увлаженная земля опять покрывается травою, украшенною разнообразными цвѣтами. Сентябрь напоминаетъ май. Весело тогда на землѣ, а взглянешь на небо и — заглядишься. Тамъ плаваютъ облака, живописныя своими разнообразными формами, и края ихъ, освѣщенные заходящимъ солнцемъ, блестятъ точно золотые. Забыто невзгодное лѣто, и степнякъ вполнѣ наслаждается жизнію; но непродолжительно его довольство. Вотъ наступилъ октябрь, повѣяли вѣтры, поднялись густые туманы, пошли дожди, а тамъ, смотришь, и Ноябрь съ своими холодами и вьюгами.

Степная *флора* не отличается ни богатствомъ, ни разнообразіемъ. Тростникъ составляетъ одно изъ главныхъ, характеристическихъ растеній этой полосы Россіи. На берегахъ Днѣстра, Днѣпра и Дона онъ образуетъ цѣлые лѣса, занимающіе въ длину нѣсколько миль, а въ ширину верстъ пять и болѣе. Лѣтомъ тростниковый лѣсъ служитъ жилищемъ разнообразныхъ птицъ; зимою онѣ улетаютъ, а на мѣсто ихъ являются зайцы, волки и другія хищныя животныя. Для степняковъ тростникъ приноситъ огромную пользу. Имъ покрываются крыши,

строятъ даже хижины и, наконецъ, употребляютъ его вмѣсто топлива. Почти на всемъ остальномъ пространствѣ степи покрыты травою и бурьяномъ. Между различными породами бурьяна замѣчательны слѣдующія: 1) *Репейникъ*, растущій здѣсь цѣлыми кустами и такими высокими, что всадникъ легко прячется за ними. 2) *Полынь* достигаетъ вышины человѣческаго роста и болѣе. Листья этого кустарника отличаются особенною горечью и только въ іюлѣ и августѣ, когда все высыхаетъ, служатъ пищею для скота. 3) *Вербишникъ* или *Царская свѣчка*. Эта порода бурьяна наиболѣе распространена и имѣетъ довольно красивый видъ. Высокіе стебли его украшены на верхушкахъ желтыми цвѣтами, сгибаются къ землѣ въ разныя стороны и кажутся огромными канделабрами. 4) *Тысячелистникъ* — самая полезная между всѣми породами. Тысячелистникъ употребляется, какъ горючій матеріалъ, а зола его сучьевъ и листьевъ, содержащая въ себѣ много селитры, идетъ на мыловаренные заводы.

Фауна степная также не разнообразна. Между четвероногими животными *сусликъ* или земляной зайчикъ, какъ его называютъ Нѣмцы (Erdhäschen) — самое распространенное. Это животное встрѣчается на всемъ степномъ пространствѣ, за исключеніемъ очень немногихъ полосъ, поросшихъ кустарникомъ. Наружностію сусликъ походитъ на молодаго зайца съ тою разницею, что уши у него короче, а хвостъ гораздо длиннѣе и пушистый, какъ у бѣлки. Живетъ сусликъ въ земляныхъ норкахъ. Трусливость составляетъ отличительный характеръ этого животнаго. Случится ему завидѣть человѣка, онъ тотчасъ начинаетъ приподниматься на заднія лапки; чѣмъ ближе подходитъ человѣкъ — тѣмъ выше поднимается сусликъ и, наконецъ, вытянувшись совершенно въ пря-

мую линію, начинаетъ поворачивать головку въ разныя стороны. Въ такомъ положеніи остается онъ до тѣхъ поръ, пока не угрожаетъ ему опасность. Замѣтивъ, что человѣкъ идетъ по направленію къ нему, онъ скачетъ къ своей норкѣ, осматривается еще нѣсколько времени, а потомъ скрывается въ свое убѣжище. Живутъ суслики цѣлыми обществами. Питаются травою, луковицами, кореньями, особенно же любятъ сѣмена дынь и арбузовъ. Мѣхъ суслика идетъ на опушку различной женской одежды, а самъ онъ служитъ пищею для волковъ, лисицъ, орловъ и ястребовъ.

Между прочими четвероногими животными обращаютъ на себя вниманіе *волки*. Степные волки ниже, но длиннѣе нашихъ, живутъ также въ земляныхъ норахъ. Особенно много ихъ въ сѣверной части степей. Здѣсь каждая хижина, каждый дворъ обведенъ довольно высокимъ плетнемъ, для защиты отъ волковъ, которые, однако, довольно часто пробираются въ деревни и пожираютъ не только домашнихъ животныхъ, но даже дѣтей. Волкамъ въ численности не уступаютъ *собаки*. Степныя собаки не походятъ на нашихъ. Онѣ обыкновенно большаго роста, съ длинною мордою и длиннымъ хвостомъ. Нравомъ онѣ также не напоминаютъ нашихъ и вовсе не отличаются привязанностію къ человѣку, въ чемъ, впрочемъ, виноваты, можетъ быть, сами обитатели степей. Степнякъ вообще не любитъ собаки, и потому не только не накормитъ ее, но даже не впуститъ къ себѣ въ хату. Послѣ этого не удивительно, что собака, принужденная сама отыскивать себѣ пищу, рыская по степямъ, дѣлается дикимъ животнымъ. Всю весну и лѣто собаки проводятъ въ степяхъ, питаясь крысами, мышами, сусликами, и только позд-

нею осенью, гонимыя стужею и недостаткомъ пищи, появляются цѣлыми стаями въ деревняхъ.

Бѣдныя четвероногими животными степи представляютъ значительное богатство и разнообразіе въ птицахъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ *Драхва* — въ полномъ смыслѣ степная птица. По виду и величинѣ она не отличается отъ обыкновенной и водится здѣсь въ огромномъ количествѣ, особенно въ южныхъ частяхъ. На зимніе мѣсяцы, а именно: съ начала ноября до марта, она улетаетъ отсюда; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ низовьяхъ Днѣпра, Днѣстра и въ окрестностяхъ Одессы, она остается на зиму, и это время года считается самымъ удобнымъ для охоты. Чтобы защититься отъ холода, драхвы скрываются между кустарниками, и часто случается, что, во время изморози, ихъ крылья покрываются цѣлымъ слоемъ льда, отчего онѣ никакъ не могутъ подняться на воздухъ, и, такимъ образомъ, дѣлаются легкою добычею лисицъ, волковъ и людей.

Кромѣ драхвы въ степяхъ водится много другихъ, менѣе полезныхъ птицъ, между которыми жаворонки и соловьи служатъ единственными представителями пѣвчихъ.

Хотя сухая почва степей мало благопріятствуетъ жизни *амфибій*, однако здѣсь ихъ встрѣчается довольно много. Первое мѣсто, по количеству, принадлежитъ лягушкамъ, которыхъ особенно много появляется послѣ дождя. Ящерицъ также много въ степяхъ и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ величины почти въ аршинъ. Лѣтъ за 50 до настоящаго времени, степи изобиловали также змѣями. Ихъ и теперь, впрочемъ, довольно много, особенно въ тростниковыхъ лѣсахъ, растущихъ по берегамъ рѣкъ, и нѣкоторыя достигаютъ величины трехъ и болѣе сажень.

Между степными насѣкомыми самое страшное—*саранча*. Здѣсь водится двѣ породы: одна въ $1^1/_2$, другая въ два дюйма длины. Какъ та, такъ и другая одинаково прожорливы и обѣ образуются изъ яичекъ, которыя осенью кладетъ саранча, числомъ отъ 50 до 70 штукъ, въ ямочки, вырытыя въ землѣ. Яйца саранчи бѣлаго цвѣта и по виду походятъ на муравьиныя. Остаются они въ землѣ всю осень и зиму до конца апрѣля, или до начала мая, а въ это время выходитъ изъ нихъ саранча. Въ началѣ она не имѣетъ крыльевъ, и потому не летитъ, а движется по землѣ огромными массами, истребляя все встрѣчающееся на пути. Чрезъ 4 или 5 недѣль у саранчи выростаютъ крылья. Тогда она поднимается въ воздухъ и летитъ огромными тучами, затемняющими нерѣдко солнечный свѣтъ, держась отъ земли на высотѣ 20-ти или 30-ти сажень. Полетъ ея производитъ шумъ, похожій на дуновеніе вѣтра въ лѣсу. Завидѣвъ издали поле, засѣянное хлѣбомъ, саранча начинаетъ опускаться и, не долетѣвъ сажени до земли, перестаетъ дѣйствовать крыльями и падаетъ на землю, подобно цѣлой грудѣ камней. Что касается до скорости полета саранчи, то она зависитъ отъ вѣтра. Въ тихую погоду саранча пролетаетъ въ часъ около 3 верстъ. Количество ея также различно. Иногда она покрываетъ пространство отъ 2-хъ до 4-хъ верстъ въ длину, и около версты въ ширину. Пищею для саранчи служатъ древесные листья и молодые сучья, трава, хлѣбъ, тростникъ и различныя плодовыя деревья. Все это пожирается саранчею съ удивительною скоростью, и нѣтъ возможности избавиться отъ такого злаго гостя.

Уральскія горы, положеніе и протяженіе. Съ восточной и южной стороны Европейская Россія ограничена горами. Восточную границу ея составляютъ Уральскія горы,

Начинаясь у рѣки Урала, подъ 50° с. ш., т. е. на параллели Кіева, Дрездена и Брюсселя, онѣ протягиваются до 69° с. ш., что составляетъ не менѣе 2,000 верстъ. Занимая такое огромное пространство въ длину, Уральскія горы своею шириною и высотою уступаютъ не только Кавказскимъ, но даже Альпійскимъ. Наибольшая ширина Урала 200 верстъ, а вершины его нигдѣ не достигаютъ снѣжной линіи.

Названіе. У древнихъ народовъ Уральскія горы были извѣстны подъ именемъ *Ривейскихъ*. Между Славянами Новгородцы первые познакомились съ Ураломъ, по крайней мѣрѣ, въ сѣверною его частію и называли ее *Угрскими* горами. Названіе же Урала, по всей вѣроятности, Татарскаго происхожденія. Слово *Уралъ* по Татарски значитъ *поясъ*, какое значеніе имѣемъ также и Башкирское слово *сыртъ*. Мы называемъ Уральскія горы каменнымъ, а также земнымъ поясомъ, и эти названія до нѣкоторой степени подтверждаютъ мнѣніе о заимствованіи слова «Уралъ» съ языка Татарскаго.

Раздѣленіе. Въ физическомъ отношеніи Уральскія горы могутъ быть раздѣлены на три части: южную, среднюю и сѣверную.

Южный Уралъ, ограниченный на сѣверовостокѣ рѣкою Тоболомъ, на югѣ р. Ураломъ съ притокомъ Илекомъ, тянется на сѣверъ до источниковъ рѣчки Уфы, представляя широкую гористую площадь, которая на востокъ и югъ круто спускается въ Киргизскія степи, а на западѣ переходитъ въ плодородную холмистую равнину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрытую лѣсомъ. Между многими рѣками, орошающими долины южнаго Урала, только Бѣлая и Уфа заслуживаютъ вниманія. Долины ихъ, покрытыя, прекрасными лѣсами, представляютъ живописнѣйшую картину во всемъ Уралѣ, а окрест-

ности этихъ рѣкъ — единственныя мѣста довольно густо заселенныя. Выше Златоуста (подъ 56° с. ш.) южный Уралъ дѣлится на три цѣпи. Западная, извѣстная подъ именемъ *Уренгайскихъ горъ*, считается самою высокою. Нѣкоторыя вершины ея имѣютъ въ вышину болѣе версты и извѣстны здѣсь подъ именемъ *сопокъ*, между которыми замѣчательны: *Юрма* и *Таганай* (1). Первая значитъ по-Башкирски неприступная, а вторая — подставка луны. Узкою продольною долиною Уренгайская цѣпь отдѣляется отъ средней, извѣстной подъ именемъ *Урала* собственно, а за этою слѣдуетъ цѣпь восточная или *Ильменскія горы*. Самая замѣчательная вершина южнаго Урала — *Иремель тау* (2), въ западной цѣпи, миль 20 къ востоку отъ Уфы. Иремель состоитъ собственно изъ трехъ горъ, между которыми только средняя называется этимъ именемъ. Вся она сложена изъ гранита, а плоская болотистая ея вершина постоянно покрыта туманомъ. Башкиры, живущіе подлѣ этой горы, увѣряютъ, что на вершинѣ ея рѣдко бываютъ ясные дни и что даже лѣтомъ тамъ довольно часто падаетъ снѣгъ. Иремель поднимается почти на полторы версты и только на іюнь освобождается отъ снѣга. Неподалеку отъ нея лежитъ другая замѣчательная вершина *Иманъ-Тау*, что значитъ злая гора.

Средній Уралъ начинается у источниковъ Уфы и идетъ до источниковъ Печоры, т. е. до 61° с. ш. Южная часть средняго Урала, извѣстная подъ именемъ *Оренбургскихъ* горъ, сохраняетъ характеръ южнаго, въ средней же — *Екатеринбургской* — Уралъ замѣтно умень-

(1) *Юрма* по башкирски значитъ: не ходи, т. е. непреступная гора, а *Таганай* составлено изъ двухъ словъ: *Таганъ* подставка, и *ай* луна. *Таганай* — подставка луны.

(2) *Тау* значитъ гора.

шается въ ширину и высоту, а въ сѣверной—*Верхотурской*—опять является значительною горною цѣпью. Вершины Екатеринбургского Урала очень незначительны и потому не имѣютъ особеннаго названія. Онѣ большею частію покрыты болотами и далеко не такъ густо поросли лѣсами, какъ вершины южнаго. Наиболѣе высокія вершины Верхотурскаго Урала почти постоянно покрыты снѣгомъ. Исполинами между ними считаются: *Кажнаковскій камень* и *Денежкинъ*. Потомъ слѣдуютъ; *Качканаръ* и *Павдинскій камень*. Послѣдній имѣетъ въ вышину около версты и со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсомъ. Верхняя его часть состоитъ изъ каменныхъ обломковъ, безпорядочно набросанныхъ одинъ на другой, а самая вершина представляетъ гранитную площадку, имѣющую въ ширину сажень 30 и только кое-гдѣ покрытую травою и мхомъ.

Сѣверный Уралъ протягивается на разстояніи 700 верстъ, отъ источниковъ Печоры до Ледовитого океана. Онъ носитъ названіе пустыннаго въ отличіе отъ южнаго—лѣсистаго и средняго—богатаго металлами. Весь сѣверный Уралъ состоитъ изъ голыхъ, совершенно безлѣсныхъ вершинъ, постоянно окутанныхъ облаками. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по склонамъ, встрѣчаются кустарники, а рвы наполнены торфомъ и мхомъ. Замѣчательность сѣвернаго Урала заключается въ томъ, что въ нѣкоторыхъ торфяникахъ и теперь еще находятся кости слоновъ и разныхъ допотопныхъ животныхъ, между тѣмъ, какъ въ настоящее время водятся здѣсь только олени, медвѣди, да лисицы. Въ сѣверной части полярный Уралъ, подобно южному, раздѣляется на три вѣтви. Съ восточной стороны, подъ 65° с. ш. отъ него отдѣляются вѣтви, извѣстныя подъ именемъ *Обдорскихъ горъ*, идущихъ въ сѣверовосточномъ направленіи до

устья р. Оби. Съ западной стороны подъ 64° с. ш. отдѣляется другая вѣтвь — *Тиманскія горы*. Онѣ протягиваются въ сѣверозападномъ направленіи до Ледовитаго океана, на разстояніи 500 верстъ, нигдѣ не имѣя болѣе 60-ти верстъ въ ширину.

Минеральное богатство Урала. Между разсмотрѣнными частями Уральскихъ горъ особенное вниманіе заслуживаетъ средняя, по своему минеральному богатству.

Извѣстно, что Іоаннъ Васильевичъ III, вскорѣ послѣ покоренія Новгорода, послалъ на рѣку Печору двухъ Нѣмцевъ для минералогическихъ изслѣдованій. Они были на столько счастливы, что успѣли отыскать здѣсь серебро и мѣдь, но правительство, кажется, не воспользовалось этою находкою. Царь Алексѣй Михайловичъ также посылалъ на Уралъ двухъ Нѣмцевъ. Они возвратились съ нѣсколькими кусками желѣза и мѣди, но не могли дать никакихъ основательныхъ свѣденій о странѣ, еще совершенно дикой въ то время. Горное дѣло на Уралѣ обязано своимъ началомъ Петру Великому. Возвратясь изъ Саксоніи, онъ привезъ съ собою опытныхъ нѣмецкихъ рудокоповъ, и они-то первые открыли въ Уралѣ тѣ сокровища, которыми Россія пользуется въ настоящее время. Построеніе перваго плавильнаго завода, Невьянска, существующаго до сихъ поръ, относится къ послѣднему году XVII столѣтія. Въ 1719 году была основана Петромъ Великимъ Горная Коллегія, и развитіе горной промышленности на Уралѣ пошло такъ быстро, что черезъ три года оказалась необходимость основать городъ Екатеринбургъ, который и былъ назначенъ главнымъ мѣстопребываніемъ завѣдывающаго горными дѣлами. Въ первое время мѣдь и желѣзо были единственными металлами, добываемыми изъ рудниковъ Урала. Открытіе же золотыхъ рудниковъ относит-

ся только къ половинѣ прошлаго столѣтія и приписывается Дорофею Маркову, жителю деревни, лежащей неподалеку отъ Екатеринбурга. Онъ, какъ говорятъ, на берегу рѣчки Березовки нашелъ нѣсколько кусочковъ золота. Канцелярія Главнаго Правленія заводовъ, узнавъ объ этомъ, изслѣдовала мѣсто находки; но когда золота не оказалось, то Марковъ, если вѣрить преданію, подозрѣваемый въ утайкѣ открытаго имъ сокровища, былъ подвергнутъ пыткѣ. Въ настоящее время самыми богатыми рудниками считаются Березовскіе, расположенные верстахъ въ 15-ти къ сѣверу отъ Екатеринбурга. Они занимаютъ четыреугольникъ въ 56 кв. верстъ и раздѣляются на столько же округовъ. Жилы, находящіяся въ этихъ рудникахъ, расположены на глубинѣ 7-ми и болѣе сажень и содержатъ въ себѣ золото въ соединеніи съ различными металлами, а именно: желѣзнымъ колчеданомъ, свинцовымъ блескомъ, мѣднымъ колчеданомъ и другими. Кромѣ Березовскихъ рудниковъ стоитъ упомянуть еще о Златоустовскихъ, Богословскихъ, Верхъ-Исетскихъ, Невьянскихъ и Нижне-Тагильскихъ. Количество золота, содержащагося въ Уральскихъ рудникахъ, незначительно въ настоящее время. Изъ 100 пудовъ руды добывается не болѣе $2^1/_2$ золотниковъ золота. Количество чрезвычайно незначительное, въ сравненіи съ прежнимъ, когда Уральскіе рудники давали 18% чистаго золота. Впрочемъ, такимъ богатымъ былъ только одинъ 1814-й годъ, и съ тѣхъ поръ количество добываемого золота начало уменьшаться.

Гораздо богаче Уральскія горы песчанымъ золотомъ, добываемымъ изъ розсыпей.

Золотоносными розсыпями называются наносы, состоящіе изъ глины, смѣшанной съ пескомъ и различными каменьями. Они простираются въ длину отъ 20-ти

до 200 сажень, а иногда протягиваются на версту и даже болѣе. Ширина розсыпей не велика: рѣдко въ 50 сажень, обыкновенно же въ 15 или 20. Самая большая толщина—три сажени. Въ расположеніи ихъ замѣчается нѣкоторый порядокъ. Такъ, напримѣръ, лежащія по восточную сторону Урала имѣютъ восточное направленіе, а лежащія по западную—западное и встрѣчаются обыкновенно группами, по три и по четыре вмѣстѣ. Весьма рѣдко случается, чтобы розсыпь на всемъ протяженіи была одинаково золотоносна. Большею частію золото расположено въ ней гнѣздами, и часто бываетъ, что въ началѣ розсыпи изъ 100 пудовъ песку добывается до 40 и даже до 50 золотниковъ золота, а потомъ изъ такогоже количества всего только 24 доли, или вовсе не добывается. Золото, добываемое изъ розсыпей, въ противуположность жильному, называемое песчанымъ, заключаетъ въ себѣ небольшую примѣсь серебра (16%), очень мало желѣза и мѣди и получается или въ видѣ круглыхъ зеренъ, блестокъ, или въ видѣ большихъ галекъ, называемыхъ самородками. Нигдѣ, кромѣ Австраліи, до сихъ поръ не находили такихъ крупныхъ самородковъ, какъ въ Уралѣ. Самый замѣчательный между ними былъ найденъ въ 1842 г. Онъ вѣситъ 70 фунтовъ слишкомъ и въ настоящее время хранится въ музеѣ корпуса Горныхъ Инженеровъ.

Въ золотоносныхъ Уральскихъ розсыпяхъ, кромѣ свинца, желѣза и другихъ металловъ, попадаются также минералы, между которыми особенно дорогъ алмазъ, неразлучный спутникъ золотыхъ и платиновыхъ рудъ. Уральскіе алмазы, открытіе которыхъ относится къ 1829 году, не отличаются замѣчательною величиною. Самый большой изъ найденныхъ до сихъ поръ вѣсилъ только $2\frac{1}{2}$ карата (1).

(1) Въ золотникѣ 15 каратовъ, въ фунтѣ 1440.

Кромѣ золота и очень незначительнаго количества серебра въ Уральскихъ горахъ находится еще *платина*. Она добывается также изъ розсыпей, въ видѣ зеренъ свинцово-сѣраго цвѣта. Эти зерна бываютъ различной величины, и, срастаясь вмѣстѣ, образуютъ иногда самородки вѣсомъ отъ 5-ти до 20-ти фунтовъ. До 1824 года платина, получаемая только изъ Америки, считалась рѣдкостью тѣмъ болѣе потому, что ежегодно добывалось ея только до 25-ти пудовъ и никогда не попадались самородки болѣе 2 фунтовъ. Открытіе платины въ Уралѣ понизило ея цѣну и сдѣлало столь обыкновеннымъ металломъ, что наше правительство нашло возможнымъ выпустить платиновой монеты на сумму до 700,000 рублей. Самый богатый годъ, по количеству добытой платины, былъ 1830-й, давшій металла до 122 пудовъ слишкомъ. Послѣ этого розсыпи начали истощаться и въ настоящее время количество добываемой платины незначительно.

Уральскія горы заключаютъ въ себѣ также почти всѣ самоцвѣтные камни и многіе изъ нихъ принадлежатъ исключительно ему. Это опровергаетъ прежде существовавшее мнѣніе, что будто бы драгоцѣнные камни составляютъ исключительную принадлежность жаркаго климата. Мы обратимъ вниманіе только на самые замѣчательные. Первое мѣсто между ними занимаетъ *безцвѣтный топазъ* или *тяжеловѣсъ*. Главное мѣсто его нахожденія— Ильменскія горы. Здѣсь попадались камни, совершенно прозрачные, безцвѣтные или изъ-синя бѣлаго цвѣта, вѣсомъ отъ 6-ти до 7-ми фунтовъ. Самый замѣчательный образчикъ Уральскаго топаза хранится въ Горномъ Музеѣ. Онъ вѣситъ 74½ золотника.

Бериллъ. Этотъ минералъ аквамариноваго цвѣта, или зеленовато-желтаго и также отличается удивительною прозрачностію, если не очень великъ. Въ корпусѣ Горныхъ Инженеровъ хранится бериллъ, оцѣненный въ 150,000 р. Онъ имѣетъ цвѣтъ зеленовато-желтый, совершенно прозраченъ и вѣситъ слишкомъ 6 фунтовъ. Длина его 5½, а окружность 6½ вершковъ.

Уральскій изумрудъ. Кристаллы его имѣютъ форму шестисторонней призмы и бываютъ иногда до 10-ти дюймовъ длиною и до 3-хъ въ поперечникѣ. Цвѣтъ ихъ въ лучшихъ образцахъ также хорошъ, какъ и въ Перуанскихъ, но прозрачность вообще меньшая. Весьма замѣчательно, что лучшіе Уральскіе изумруды всегда попадались небольшими гнѣздами и ближе къ поверхности, а тѣ изъ нихъ, которые лежатъ глубоко, большею частію, многочисленны, но худшей воды и худшаго цвѣта. Кромѣ названныхъ минераловъ въ Уралѣ находится много другихъ. Не считая необходимымъ перечислять ихъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію лѣснаго богатства Уральскаго хребта.

Лѣсное богатство Урала. Десятая часть поверхности, занятой Уральскими горами, покрыта лѣсомъ. Особенно богатъ въ этомъ отношеніи Средній Уралъ. Верхніе склоны его густо поросли хвойными лѣсами, состоящими большею частію изъ елей и сосенъ. Сосны осо-особенно распространены и служатъ строительнымъ матеріаломъ, а также топливомъ. Къ сѣверу отъ Тагильска, встрѣчаются довольно обширные лѣса сибирскаго кедра—дерева также очень полезнаго. Высокій и стройный стволъ сибирскаго кедра употребляется какъ строительный матеріалъ, а изъ вкусныхъ орѣховъ этого дерева приготовляется хорошее масло.

Между лиственными деревьями первое мѣсто занимаетъ береза, растущая въ западныхъ долинахъ Урала даже до 69° с. ш. Потомъ слѣдуетъ липа, встрѣчающаяся только до 63°. Дубы попадаются только на западныхъ склонахъ южнаго Урала и то въ незначительномъ количествѣ. Что же касается до плодовыхъ деревьевъ, то ихъ совсѣмъ нѣтъ на Уралѣ, и всѣ попытки развести ихъ остались тщетными. Главная помѣха — климатъ, характеристическую особенность котораго составляетъ рѣзкая разница между температурою лѣта и зимы, чего никакъ не могутъ выносить плодовыя деревья.

Уралъ въ этнографическомъ отношеніи. Въ этнографическомъ отношеніи Уралъ можетъ быть раздѣленъ также на три части. Южная часть Уральскихъ горъ заселена Башкирами, средняя — народомъ, извѣстнымъ въ прежнее время подъ именемъ Перьми или Чуди, и наконецъ третья занята Вогулами. Между этими народами Башкиры и Вогулы заслуживаютъ особеннаго вниманія. Ихъ еще до сихъ поръ не коснулась русская цивилизація, между тѣмъ какъ Чудь почти совершенно смѣшалась съ Русскими.

Башкиры. Башкиръ должно считать коренными обитателями южной части Урала, чему могутъ служить доказательствомъ названія многихъ рѣкъ, долинъ и лѣсовъ. Что же касается до происхожденія слова «башкиръ», то его трудно объяснить. Сами себя Башкиры называютъ *Башкуртъ*, что значитъ пчеловодъ и, по всей вѣроятности, составлено изъ двухъ турецкихъ словъ: *башъ*—голова и *куртъ*-пчела или вообще насѣкомое. Башкиры считаютъ себя потомками Ногайцевъ, которые въ продолженіи XIV и XV столѣтій были господствующимъ народомъ въ южной части Урала. Между Башкирами сохранилась также память о томъ, что они находились подъ властію трехъ хановъ: Сибирскаго, Казанскаго и Ногайскаго, а потому и раздѣлялись на Зауральскихъ, Бѣльскихъ и Горскихъ. Во все время своей зависимости отъ этихъ хановъ Башкиры терпѣли страшныя притѣсненія, а потому, скоро послѣ паденія Казанскаго царства, они признали надъ собою власть русскаго правительства. Иванъ Васильевичъ Грозный не только не отнялъ земель имъ принадлежавшихъ, но далъ еще новыя, обязавъ за это платою ежегодной дани, незначительной, впрочемъ, въ сравненіи съ прежнею. Съ тѣхъ поръ Башкиры находятся въ русскомъ подданствѣ и занимаютъ пространство, ограниченное на сѣверѣ Екатеринбургомъ, на западѣ Уфою, а на востокѣ и югѣ Киргизскими степями.

Земля, занимаемая въ настоящее время Башкирами, дѣлится на четыре главныя области или дороги. Области эти слѣдующія. 1) *Ногайская*, или южная дорога, заключающая въ себѣ десять волостей, между которыми одна до сихъ поръ носитъ названіе Кипчакской, что напоминаетъ о Золотой Ордѣ, когда-то процвѣтавшей въ нижнихъ частяхъ Волги. 2) *Казанская*, или запад-

ная, 3) сѣверная или *Осинская*, названная такимъ именемъ отъ города Осы, расположеннаго на Камѣ между устьями Чусовой и Бѣлой, и наконецъ 4) *Сибирская* или восточная. Во всѣхъ этихъ четырехъ областяхъ въ настоящее время Башкиръ считается до 150,000 слишкомъ. Каждая изъ областей раздѣляется на волости, управляемыя старшинами, съ которыми русское правительство находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Помощниками старшинъ служатъ сотники. Во главѣ всѣхъ этихъ властей, содержимыхъ на счетъ волостей, стоитъ капитанъ-исправникъ.

До времени подчиненія Русскимъ и даже послѣ, Башкиры вели кочующую жизнь, въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ настоящее же время они представляются народомъ полуосѣдлымъ, т. е. кочуютъ только лѣтомъ, а зимою живутъ въ деревняхъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ 10-ти или 15-ти деревянныхъ хижинъ, выстроенныхъ по образцу русскихъ. Впрочемъ, еще до сихъ поръ въ Башкирахъ ясно высказывается любовь къ бродячей жизни. Своихъ деревень они не только не любятъ, но даже боятся, думая, что хижины ихъ въ лѣтнее время служатъ мѣстопребываніемъ злыхъ духовъ. Послѣ этого можно себѣ представить, съ какою радостью встрѣчаютъ они весну, представляющую возможность отправиться на кочевье. Весну, лѣто и часть осени Башкиры съ своими стадами проводятъ въ горныхъ долинахъ, питаясь молокомъ, рѣдко мясомъ и никогда хлѣбомъ. Главное занятіе Башкиръ-скотоводство. Земледѣліе распространено между ними до очень незначительной степени. Оставляя свои деревни весною, они засѣваютъ окрестныя поля хлѣбомъ въ количествѣ, едва достаточномъ для собственнаго продовольствія. Богатство Башкиръ составляютъ лошади. На разведеніе дру-

гихъ домашнихъ животныхъ, какъ, напримѣръ: рогатаго скота, овецъ, козъ, они мало обращаютъ вниманія. Нѣкоторые, болѣе богатые Башкиры, держатъ верблюдовъ, впрочемъ, въ незначительномъ количествѣ. Послѣ скотоводства охота и пчеловодство составляютъ главное занятіе Башкиръ и немало найдется между ними такихъ, которые ежегодно достаютъ изъ своихъ ульевъ до 100 пудовъ меду.

Одеждою и обрядами семейной жизни Башкиры очень походятъ на Татаръ. Религію они исповѣдываютъ также магометанскую, придерживаясь, впрочемъ, до сихъ поръ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ, что и составляетъ ихъ главное отличіе отъ Магометанъ.

Вмѣстѣ съ Башкирами живетъ еще два народа: Мещеряки и Тептяри.

Мещеряки, занимающіе западныя и восточныя окраины южнаго Урала, до конца XV столѣтія вмѣстѣ съ Мордвою и Черемисами, жили въ нижнихъ частяхъ Оки, откуда переселились по причинамъ, положительно неизвѣстнымъ. Они во многомъ схожи съ Башкирами и также занимаются преимущественно скотоводствомъ и пчеловодствомъ, не пренебрегая, впрочемъ и земледѣліемъ.

Тептяри, что по Турецки означаетъ людей, немогущихъ платить дани, составились изъ Черемисовъ, Вотяковъ, Чувашъ и Татаръ, которые, послѣ покоренія Казанскаго царства русскими, не хотѣли оставаться на прежнемъ мѣстѣ своего жительства и переселились въ южную часть Урала, гдѣ вскорѣ смѣшались въ одинъ народъ. Въ настоящее время число Тептярей доходитъ до 100 тысячъ слишкомъ. Подобно Башкирамъ и Мещерякамъ, они занимаются скотоводствомъ, пчеловодствомъ и охотою, а также перевозятъ соль изъ Илецкой защиты на р. Бѣлую.

Вогулы. Вогуловъ должно считать коренными обитателями сѣверной части Урала. Сами себя они называютъ *Манзи* и говорятъ, что въ прежнее время составляли съ Остяками, живущими по Оби, одинъ народъ. На этомъ основаніи ихъ должно считать Финскаго происхожденія, что доказывается также ихъ физіономіею. Вогулы маленького роста, лице у нихъ круглое съ выдавшимися скулами, волосы длинные, чернаго или темнокоричневаго цвѣта, борода рыжая и рѣдкая, глаза свѣтлые. Характеръ Вогуловъ отъ природы флегматическій, но постоянное занятіе охотою сдѣлало ихъ дѣятельными и ловкими. По образу жизни Вогулы представляютъ примѣръ народа кочеваго. Занимаясь охотою, живутъ они постоянно въ лѣсу, въ маленькихъ грязныхъ хижинахъ, отдѣльными семьями, въ разстояніи верстъ на 15 другъ отъ друга. Нѣкоторые изъ нихъ довольно зажиточны, но, не смотря на это, не измѣняютъ своему образу жизни. Лосье мясо, разрѣзанное на тонкіе пластинки и высушенное составляетъ ихъ обыкновенную пищу вмѣстѣ съ кедровыми орѣхами и нѣкоторыми ягодами, растущими на болотахъ. Кромѣ охоты Вогулы занимаются также торговлею съ Остяками, Самоѣдами и Русскими.

Южные Вогулы, живущіе по рѣкамъ Турѣ и Тавдѣ до нѣкоторой степени отличаются отъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ, и находясь въ довольно частыхъ сношеніяхъ съ Русскими, заняли отъ нихъ многіе обычаи и даже языкъ. Образъ жизни южныхъ Вогуловъ можно назвать переходнымъ къ осѣдлому. Они занимаются земледѣліемъ, а зимою живутъ по деревнямъ. Главнымъ занятіемъ, впрочемъ, и для южныхъ Вогуловъ служитъ охота. Нѣкоторые изъ нихъ приняли Христіанскую вѣру, что однако не мѣшаетъ имъ сохранять

до сихъ поръ нѣкоторые языческіе обряды. Что же касается до сѣверныхъ Вогуловъ, то они все еще остаются вѣрны шаманской религіи — общей всѣмъ сѣвернымъ языческимъ народамъ, т. е. имѣютъ множество божковъ, изображающихъ людей или животныхъ и имъ приносятъ жертвы. Всѣхъ этихъ божковъ они прячутъ въ пещерахъ, скалахъ или на высокихъ соснахъ. Главное божество Вогуловъ *Торомъ*, живущій въ солнцѣ или въ лунѣ. Въ честь его каждую весну Вогулы устраиваютъ праздникъ, которымъ начинается у нихъ новый годъ.

Южную границу Европейской Россіи составляетъ Кавказъ. *Кавказскія горы*, протягиваясь между Чернымъ и Каспійскимъ морями, въ юговосточномъ направленіи, составляютъ исполинскій перешеекъ, въ 170 миль длины и 30-ть ширины. Онѣ раздѣляются на двѣ главныя вѣтви; южную и сѣверную. Южныя, или черныя горы почти нигдѣ не достигаютъ снѣжной линіи, между тѣмъ большая часть вершинъ сѣверныхъ, или бѣлыхъ горъ постоянно покрыты снѣгомъ. Особенно живописными представляются Кавказскія горы изъ степи, расположенной около Георгіевска. Отсюда въ ясную погоду видна вся горная цѣпь, внизу поросшая густымъ лѣсомъ, а вверху изрѣзанная остроконечными вершинами, чрезвычайно разнообразной формы. Однѣ изъ нихъ представляются въ видѣ пирамидъ, другія высятся огромными столбами, третія, наконецъ, набросаны одна на другую, въ видѣ громадныхъ каменныхъ обломковъ, и между ними гордо поднимается гигантъ Кавказа — *Эльборусъ*. Эта гора возвышается на пять верстъ слишкомъ и оканчивается двумя коническими вершинами, постоянно покрытыми снѣгомъ.

Эльборусъ извѣстенъ подъ различными названіями.

Персы называютъ его *Кафъ-Дагъ*, Русскіе — *Шатеръ гора*, а Горцы — *Джинъ-Падитахъ*, т. е. Царь духовъ. Послѣднее названіе Эльборусъ получилъ, вѣроятно, на основаніи того вѣрованія, что его ущелья служатъ входомъ въ *джинистанъ* — страну духовъ, гдѣ обитаютъ воздушныя пери, вѣчно блистая молодостью и красотою.

Кавказскія горы имѣютъ огромное историческое значеніе. Первыя историческія преданія большей части древнихъ народовъ связаны съ воспоминаніемъ о Кавказскихъ горахъ. Такъ, по вѣрованію Грековъ, къ вершинѣ Эльборуса Зевесъ приковалъ Прометея за похищеніе небеснаго огня. До сихъ поръ у одного изъ Кавказскихъ народовъ сохранилось преданіе, напоминающее Греческій миѳъ о Прометеѣ. Абхасцы, живущіе въ окресностяхъ Эльборуса, разсказывая о томъ, что въ ущельяхъ Казбека, часто слышатся стоны и звуки цѣпей, прибавляютъ, что, когда-то, одинъ изъ ихъ соплеменниковъ рѣшился спуститься въ эти страшныя мѣста и былъ пораженъ неожиданнымъ зрѣлищемъ. Онъ увидалъ гиганта, прикованнаго цѣпями, который обратился къ нему съ вопросомъ о томъ, какъ живутъ люди на землѣ; попрежнему ли супруги любятъ другъ друга и дѣти повинуются родителямъ, и когда услыхалъ, что на землѣ люди живутъ въ согласіи между собою, то страшно заскрежеталъ зубами и, съ какою то непонятною злостью и отчаяніемъ, провопилъ: «такъ мнѣ еще долго придется мучиться здѣсь».

Кромѣ этого преданія между Кавказскими народами сохранилось много другихъ. Такъ напр. о вершинѣ Эльборуса расказываютъ, что тамъ обитаетъ Симургъ, сѣдовласый царь птицъ, однимъ окомъ озирающій прошедшее, а другимъ проникающей въ будущее.

Когда летитъ этотъ старикъ, то отъ ударовъ его крыльевъ потрясается земля, поднимается буря, море бушуетъ и страшнымъ шумомъ своихъ волнъ будитъ духовъ, дремлющихъ въ неизмѣримой глубинѣ. По временамъ съ вершины горы раздаются плачь и стоны. Тогда умолкаетъ пѣніе птицъ въ лѣсахъ, цвѣты блекнутъ, горные потоки съ шумомъ и ревомъ несутъ свои волны, а вершины горъ одѣваются облаками, будто трауромъ. Иногда же вмѣсто стона и плача, отъ трона грознаго старика приносятся гармоническіе звуки пѣнія блаженныхъ духовъ. Тогда небо сіяетъ прозрачною синевою, ледяныя вершины горъ блестятъ на солнцѣ, какъ алмазы, ручьи текутъ покойно, цвѣты наполняютъ воздухъ благоуханіемъ; — повсюду миръ, счастіе, блаженство.

Между прочими преданіями о Кавказскихъ горахъ особенно важно одно, имѣющее политическое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ курана Магометъ говоритъ; «По ту сторону Кавказскихъ горъ живутъ Гогъ и Магогъ. Наступитъ время — они перейдутъ черезъ эту стѣну и уничтожатъ Царство правовѣрныхъ». Для Кавказскихъ Мусульманъ это предсказаніе пророка почти уже сбылось. Къ юговостоку отъ Эльборуса высится другой исполинъ Кавказскихъ горъ — *Казбекъ*. Эта гора, равная по высотѣ Монблану, окружена многими другими и особенно замѣчательна своею вершиною, похожею на верблюжій горбъ. Между прочими вершинами обращаетъ на себя вниманіе *Бештау*, или правильнѣе, *Бешъ-Дагъ*, что значитъ пять горъ. Въ ясную погоду, къ югозападу отъ Георгіевска, ясно видны четыре горы, окруженныя горнымъ хребтомъ, образующимъ огромную котловину, изъ средины которой возвышается пятая гора — самая высокая. Ея вершина, почти постоянно окутанная облаками, образуетъ площадку такого малаго раз-

мѣра, что на ней съ трудомъ могутъ помѣститься десять человѣкъ.

Кавказская цѣпь горъ, справедливо названная древними тысячевершинною, поражая каждаго путешественника своими грозными красотами, не менѣе удивляетъ также богатствомъ и разнообразіемъ растительности. Природа щедро надѣлила эту страну, соединивъ въ ней произведенія обоихъ умѣренныхъ климатовъ. Верхніе склоны Кавказскихъ горъ поросли богатыми лѣсами елей, сосенъ, ясеней, буковыхъ, дубовыхъ и другихъ деревьевъ. Эти лѣса осѣняютъ плодородныя долины, расположенныя въ ущельяхъ, а подошвы горъ покрыты стройными кипарисами, красивыми пиніями, платанами, орѣховыми и другими плодовыми деревьями. Главное богатство Кавказа составляетъ виноградъ. Виноградная лоза достигаетъ здѣсь изумительныхъ размѣровъ въ толщину и высоту. Въ 1848 г. въ Тифлисѣ показывали виноградную кисть вѣсомъ въ 14 фунтовъ. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ провинцій начали заниматься разведеніемъ тутовыхъ деревъ, хлопчатника и сахарнаго тростника. Первые опыты оказались удачными и теперь надо только желать, чтобы Русскіе скорѣе окончательно утвердились на Кавказѣ. Тогда разовьется тамъ и земледѣліе, и промышленность, и торговля.

Къ естественнымъ богатствамъ Кавказа должно причислить также и минеральное. Можно сказать положительно, что никакія горы Европы не богаты до такой степени минеральными источниками, какъ Кавказскія. Всѣ Кавкавзскія воды расположены въ окресностяхъ Пятигорска и имѣютъ передъ водами западной Европы то преимущество, что различные ихъ источники находятся другъ отъ друга на разстояніи только нѣсколь-

кихъ верстъ, а это очень важно для больныхъ. Случается нерѣдко, что для больного, начавшаго пользоваться однимъ источникомъ, оказывается необходимость замѣнить его другимъ. Исполненіе этого на Кавказѣ очень легко. Больному стоитъ проѣхать нѣсколько часовъ, и онъ—на мѣстѣ новаго лѣченія, гдѣ, однако, можетъ пользоваться совѣтами прежняго доктора, что также очень важно.

Между Кавказскими источниками особенно замѣчателенъ *Нарзанъ*, находящійся въ Кисловодскѣ. Нарзанъ, что по Черкесски значитъ напитокъ гигантовъ или духовъ, кипя и клокоча, бьетъ изъ глубины $2^1/_2$ сажень и разливается по шестиугольному бассейну, сажени полторы въ діаметрѣ. Едва ли гдѣ нибудь на землѣ можно найти бо́льшую массу клокочащей воды. Видя сильное волненіе на поверхности бассейна, думаешь, что водяной столбъ поднимается изъ одного жерла, между тѣмъ, какъ въ самомъ дѣлѣ вся эта масса воды выходитъ изъ тысячи маленькихъ отверзстій, находящихся на днѣ бассейна. Черкесы называютъ этотъ источникъ напиткомъ гигантовъ, и это названіе вполнѣ оправдывается силою его кипѣнія и медицинскаго дѣйствія. На довольно значительномъ разстояніи отъ источника можно слышать шумъ его воздушныхъ пузырьковъ, которые поднявшись на поверхность, лопаются съ шумомъ. Ночью, посреди всеобщей тишины, шумъ Нарзана походитъ на человѣческій, сильный, но сдержанный голосъ, будто голосъ гиганта, глухо произносящаго угрозы.

Нарзанъ полезенъ въ болѣзняхъ происходящихъ отъ истощенія силъ и сопровождаемыхъ нервною раздражительностію. Дѣйствіе его очень сильно и потому онъ долженъ быть употребляемъ съ осторожностью. Употребляютъ Нарзанъ такимъ образомъ: зачерпнувъ ста-

канъ, выпиваютъ только четверть или полъ стакана, чтобы углеродъ не имѣлъ времени улетучиться. Потомъ черпаютъ второй и третій разъ. Вкусъ Нарзана походитъ на шампанское съ примѣсью зельтерской воды. Употребляютъ его также наружно, какъ укрѣпляющее средство.

Кромѣ Нарзана на Кавказѣ есть много другихъ источниковъ и каждый годъ открываются еще новые. Что касается до металловъ, то Кавказскія горы и въ этомъ отношеніи представляются очень богатыми, но всѣмъ этимъ богатствамъ суждено покуда лежать нетронутыми,

Южный берегъ Таврическаго полуострова ограниченъ также горами, извѣстными подъ названіемъ Крымскихъ.

Крымскія горы, или хребетъ Яйла, представляютъ высокую известковую стѣну, протягивающуюся вдоль южнаго берега Таврическаго полуострова, на разстояніи 150 верстъ въ длину и отъ 10 до 40 верстъ въ ширину. Эта цѣпь раздѣляется на два отломка; западный, называемый Яйла, и восточный, или Карабай Яйла. По средини двухъ этихъ отломковъ возвышается *Чатырдагъ* или *Шатеръ гора*, имѣющая въ вышину около двухъ верстъ. Вершина этой горы образуетъ площадку, похожую на столъ, почему древніе и называли эту гору—mons trapezus. Съ Чатырдага открывается видъ на всю окрестную страну

Финляндскія горы. Почти половина всего пространства, занимаемаго Финляндіею, покрыта большими и малыми озерами, соединенными между собою естественными каналами. Эти озера окаймлены гранитными скалами, которыя, впрочемъ, нигдѣ не подымаются выше 180 саженъ. Изъ всѣхъ горныхъ цѣпей, проходящихъ по Финляндіи, замѣчательна цѣпь, извѣстная подъ име-

немъ *Маансельке*. Она начинается у источниковъ рѣки Таны и идетъ сперва на востокъ, до границъ Архангельской губерніи, потомъ поворачиваетъ на югъ, составляя границу между Архангельскою и Улеоборгскою губерніями, и наконецъ, измѣнивъ направленіе на юго-западное, доходитъ до Ботническаго залива, оканчиваясь у мыса Кристинестада. Отъ этой главной вѣтви отдѣляются въ разныя стороны отроги, которые раздѣляютъ Финляндскія воды на нѣсколько отдѣльныхъ системъ.

Гидрографическій очеркъ. Въ гидрографическомъ отношеніи Европейская Россія можетъ быть раздѣлена на семь главныхъ бассейновъ, а именно: Волжскій, Днѣпровскій, Донской, Днѣстровскій, Западно-Двинскій, Сѣверо-Двинскій и Ладожско-Невскій. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ Волжскій.

Волжскій бассейнъ. Волжскій бассейнъ, составляемый рѣкою Волгою съ ея притоками, вмѣщаетъ въ себѣ почти всю восточную часть Европейской Россіи и, по занимаемому пространству, равняется Франціи, Германіи и Испаніи, взятымъ вмѣстѣ.

Волга. Длина, ширина и глубина. Главная рѣка этого бассейна — Волга, по длинѣ своего теченія, занимаетъ первое мѣсто между Европейскими рѣками. Она протекаетъ на разстояніи почти 3,300 верстъ, слѣдовательно длиннѣе Рейна на 1,070 и Дуная — на 630 верстъ. Ширина и глубина ея различны, смотря по времени года. Лѣтомъ, Волга, въ верхнихъ частяхъ, при ширинѣ въ три сажени, имѣетъ глубину не болѣе полутора аршина, а въ нижнихъ (около Саратова, напримѣръ) въ ширину она достигаетъ 300 саженъ, а въ глубину имѣетъ до 10-ти (около Астрахани).

Дно. Дно Волги почти повсюду песчаное. Она не-

сетъ съ собою столько песку, что малѣйшее препятствіе, напримѣръ, оставшееся бревно отъ разбитаго судна, можетъ образовать мель, которая, съ теченіемъ времени, обращается въ островъ. Образованію мелей много способствуетъ также и незначительное паденіе Волги. Источники Волги на 120 сажень выше уровня океана, а устье на $11^1/_2$ сажень ниже уровня Азовскаго моря; слѣдовательно, паденіе Волги составляетъ только $131^1/_2$ сажень. Въ слѣдствіе такого незначительнаго паденія, особенно въ сравненіи съ рѣками западной Европы, теченіе Волги очень медленно и фарватеръ постоянно заносится песчаными мелями. Такъ, напримѣръ, отъ Твери до Рыбинска насчитываютъ до 70-ти мелей.

Берега. Берега Волги довольно разнообразны. Въ началѣ они низменны и болотисты, а потомъ начинаютъ возвышаться. На всемъ пространствѣ отъ Тверцы до Оки возвышенности смѣняются низменностями, которыя впрочемъ, нигдѣ не переходятъ въ болота, а повсюду имѣютъ почву сухую. Отъ устья Оки характеръ Волжскихъ береговъ измѣняется. Правый берегъ покрытъ возвышенностями, почему и носитъ названіе *горнаго*, а лѣвый остается ровнымъ, даже низменнымъ и называется *луговымъ*. Волжскіе холмы доходятъ почти до самаго Черноярска. Отсюда берегъ, мало по малу, переходитъ въ холмистую равнину, а потомъ обращается въ болотистую низменность.

Флора и Фауна. Флора Волжскаго побережья и окрестностей довольно богата и разнообразна. У Астрахани, напримѣръ, и даже немного выше, созрѣваетъ виноградъ, разводятся миндальныя, шелковичныя деревья и даже хлопчатникъ, а у Осташкова яблони требуютъ очень заботливаго ухода и нерѣдко страдаютъ отъ мороза. На всемъ пространствѣ, отъ истоковъ до Черно-

ярска, довольно успѣшно занимаются земледѣліемъ; за Черноярскомъ же прибрежье принимаетъ степной характеръ, и только кое гдѣ поросло низкорослыми ивами, да кустарникомъ. Фауна приволжская не отличается ни богатствомъ, ни разнообразіемъ. Острова, расположенные въ низовьяхъ Волги и поросшіе камышемъ, достигающимъ въ вышину сажени полторы и болѣе, населены волками, лисицами и дикими свиньями. Въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода водится много выхухоли, и лѣтъ за 70 до настоящаго времени каждый прилежный и довольно искусный охотникъ могъ приносить ежегодно до 500 шкурокъ этихъ звѣрковъ. По временамъ въ устьяхъ Волги показываются тюлени, но это случается очень не часто, а въ окрестностяхъ Саратова водится особенная большая порода кротовъ. Этими животными почти и ограничивается число приволжскихъ млекопитающихся. Что касается до птицъ, то кромѣ обыкновенныхъ болотныхъ породъ, въ низовьяхъ Волги попадается иногда пеликанъ, и также залетаетъ красная каспійская утка. Водяныхъ птицъ всякаго рода водится много, особенно на тростниковыхъ островахъ.

Между амфибіями первое мѣсто, по количеству, занимаетъ большая каспійская лягушка. Она водится по всему побережью, начиная отъ Суры до низовьевъ, которыя изобилуютъ также черепахами.

Воды Волжскія изобилуютъ рыбою. Вообще, надо замѣтить, что по богатству рыбою, Волга безспорно занимаетъ первое мѣсто не только между Европейскими рѣками, но, можно сказать, всего земнаго шара. Рыбная ловля въ Волгѣ составляетъ источникъ обогащенія прибрежныхъ жителей, начиная съ Симбирска, а правительству доставляетъ ежегодно значительный доходъ. Между множествомъ разнообразной рыбы, ловимой въ

Волгѣ, особенно замѣчательна *Бѣлуга*, достигающая до трехъ сажень длины и до 40 пудовъ вѣсу. Въ 1808 году поймано было 10 бѣлугъ. Всѣ онѣ вмѣстѣ вѣсили 410 пудовъ и каждая изъ нихъ была такого огромнаго размѣра, что человѣкъ, сидя верхомъ, не доставалъ ногами до земли. Бѣлуга — хищная рыба. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что не разъ въ ея внутренности находили члены человѣческаго тѣла, лошадиныя ноги, и даже обломки оружія. Второе мѣсто, по величинѣ, занимаютъ осетры, достигающіе нерѣдко вѣса въ 20 и въ 25 пудовъ. За ними слѣдуютъ: севрюга, стерляди, лососи, сомы и другія обыкновенныя породы рѣчной рыбы. Мѣста, гдѣ производится постоянная рыбная ловля, называются *ватагами*. Онѣ начинаются у Симбирска и особенно многочисленны на Ахтубѣ. Здѣсь есть деревни, жители которыхъ ежегодно ловятъ рыбы на сумму до 18,000 рублей. Бóльшая часть наловленной рыбы отправляется въ Петербургъ и Москву, а также значительное количество, чрезъ Донъ и Черное море, идетъ въ Константинополь и Малую Азію. Цѣна на рыбу въ настоящее время довольно значительна, особенно въ сравненіи съ прежнею. Шоберъ — медикъ Петра Великаго, въ своихъ замѣткахъ говоритъ, что въ его время на Волгѣ цѣлый возъ различной мелкой рыбы можно было купить за двѣ копейки; осетръ средней величины цѣнился въ 90 коп., а за фунтъ икры никогда не платили больше шести.

Послѣ этого общаго замѣчанія о Волгѣ, мы переходимъ къ подробному ея разсмотрѣнію.

Все теченіе Волги можетъ быть раздѣлено на три части: *верхнее*—отъ истоковъ до впаденія Оки, *среднее*—отъ Оки до впаденія Сарпы, и *нижнее* — отъ Сарпы до Каспійскаго моря.

Верхнее теченіе. Источники Волги находятся не въ горахъ, какъ большей части Европейскихъ рѣкъ, а въ болотистой равнинѣ, перерѣзанной холмами, извѣстными еще въ древности подъ именемъ *Волхонскаго бора.* Многія изъ болотъ, питающихъ Волгу, до сихъ поръ носятъ особенныя названія, глубоки, и были, вѣроятно, въ прежнее время, озерами, а, можетъ быть, вся страна представляла одно обширное озеро, и Селигеръ, вмѣстѣ съ другими мелкими озерами, разбросанными по всему этому пространству, не болѣе какъ только остатки великаго, когда-то, водовмѣстилища. Многія изъ этихъ мшистыхъ болотъ до сихъ поръ ничто иное, какъ скрытыя озера, покрытыя тонкимъ слоемъ мха и другихъ ростеній; добраться длинными шестами до ихъ дна часто нѣтъ никакой возможности. Волга беретъ начало въ Тверской губерніи, въ Осташковскомъ уѣздѣ, изъ небольшаго колодезя, называемаго окрестными жителями Іорданомъ. Подлѣ него стояла когда-то часовня и онъ привлекалъ множество богомольцевъ, потому что вода его, какъ говорили въ народѣ, помогала отъ накожныхъ болѣзней. Теперь же она не только не цѣлительна, но даже негодна къ употребленію. Въ началѣ Волга течетъ въ видѣ небольшаго ручья, прокладывая себѣ путь чрезъ маленькія озера, и наконецъ, по выходѣ изъ послѣдняго — *Волго,* является довольно значительною рѣкою. Верхнимъ теченіемъ Волга орошаетъ губерніи: Тверскую, Ярославскую, Костромскую и часть Нижегородской. На этомъ пространствѣ она принимаетъ съ обѣихъ сторонъ значительные притоки, между которыми три лѣвые: Тверца, Молога и Шексна — самые важные, потому что служатъ началомъ трехъ главнѣйшихъ системъ искусственныхъ сообщеній Европейской Россіи: Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской.

Искусственныя водяныя сообщенія. Въ Европейской Россіи два рода водныхъ сообщеній: естественныя и искусственныя. Естественные, т. е. самою природою образованные пути, могутъ быть раздѣлены на судоходные и сплавные. Судоходными считаются рѣки, имѣющія глубину достаточную для хода судовъ; сплавными — рѣки, по которымъ суда ходить не могутъ, а сплавляется лѣсъ въ плотахъ и розсыпью. Къ искусственнымъ принадлежатъ каналы, проведенные для соединенія бассейновъ и рѣкъ, на которыхъ судоходство поддерживается гидротехническими сооруженіями.

Водяные пути Европейской Россіи составляютъ въ сложности до 27 тысячь верстъ. На этомъ протяженіи передвигается ежегодно, среднимъ числомъ, до 400 милліоновъ пудовъ различныхъ товаровъ и до пяти милліоновъ деревъ, всего на сумму отъ 150 до 200 милліоновъ руб. Строится ежегодно, среднимъ числомъ, до 12 тысячь разныхъ рѣчныхъ судовъ, которыхъ стоимость простирается до 4 милліоновъ рублей. Если до такой степени развито у насъ внутреннее судоходство, то важность водяныхъ сообщеній Европейской Россіи, становится очевидною для каждаго такъ точно, какъ и необходимость подробнаго, на сколько возможно, описанія каждаго изъ этихъ сообщеній. До времени Петра Великаго въ Россіи не было искусственныхъ водяныхъ сообщеній. Великій преобразователь Россіи, сознавая, что промышленность и торговля служатъ главнымъ источникомъ благосостоянія народа, видѣлъ необходимость въ устройствѣ удобныхъ водяныхъ путей, которые бы давали возможность болѣе легкому и скорому перевозу произведеній. Убѣжденный въ этой необходимости, Петръ Великій обратилъ свое вниманіе на югъ и думалъ устроить каналъ между Волгою и Дономъ, что-

бы такимъ образомъ доставить русской торговлѣ удобный путь къ сношенію съ Европою по Азовскому и Черному морямъ; но политическія обстоятельства воспрепятствовали исполненію этого намѣренія и начатыя работы были оставлены.

Основавъ Петербургъ, Петръ Великій поставилъ чрезъ это прибалтійскія страны Европейской Россіи въ близкія торговыя сношенія съ Европою, но чтобы они приносили бо́льшую пользу, для этого нужно было соединить внутреннія, отдаленныя страны Европейской Россіи съ Петербургомъ, чтобы облегчить къ нему доставку различныхъ произведеній внутреннихъ губерній и дать, въ то же время, способы къ провозу иностранныхъ товаровъ изъ Петербурга внутрь Россіи. Первымъ приступомъ къ достиженію этой цѣли было устройство Вышневолоцкаго канала, которымъ открывался непрерывный путь между морями Балтійскимъ и Каспійскимъ, между Петербургомъ и Астраханью, на пространствѣ около 4000 верстъ. Вскорѣ потомъ, для избѣженія труднаго и опаснаго плаванія по Ладожскому озеру, былъ начатъ обводный Ладожскій каналъ. Но обратное плаваніе по Вышневолоцкому каналу встрѣчало непреодолимыя препятствія отъ пороговъ на Мстѣ. Петръ Великій видѣлъ, что это обстоятельство повлечетъ за собою огромное истребленіе лѣсовъ для барокъ, которыя, приходя въ Петербургъ, должны тамъ продаваться на дрова или на какія нибудь мелкія постройки, и поэтому тотчасъ же задумалъ провести другіе, болѣе удобные пути сообщенія Балтійскаго и Каспійскаго морей. Осмотрѣвъ лично источники рѣкъ Вышеры и Ковжи, онъ назначилъ даже мѣсто для соединенія этихъ рѣкъ каналомъ и положилъ, такимъ образомъ, начало Маріинской системы. Около того же времени онъ повелѣлъ осмотрѣть

мѣсто между Тихвинкою и Соминою, которыя также предполагалось соединить каналами для открытія третьяго пути между Каспійскимъ и Балтійскимъ морями. Эти два дѣла были совершены уже преемниками Великаго.

Въ настоящее время Балтійское море соединяется съ Каспійскимъ посредствомъ трехъ системъ: Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской. Эти системы представляются болѣе важными, въ сравненіи съ прочими, и потому мы на нихъ обратимъ особенное вниманіе.

Составъ и протяженіе Вышневолоцкой системы. Вышневолоцкая система начинается отъ сліянія рѣки Тверцы съ Волгою и идетъ по направленію къ Петербургу до устья рѣки Волхова. Систему эту составляютъ: рѣка Тверца, Вышневолоцкій (Тверецкій) каналъ, рѣка Цна съ каналомъ, озеро Мстино, рѣка Мста, обходные при озерѣ Ильменѣ каналы: Вишерскій и Сиверсовъ и рѣка Волховъ, до впаденія въ Ладожское озеро. Изъ Волхова суда идутъ въ обводный Ладожскій каналъ, чрезъ него входятъ въ Неву и такимъ образомъ достигаютъ до Петербурга. Протяженіе Вышневолоцкой системы составляетъ слишкомъ 800 верстъ.

Историческій очеркъ. Изъ рѣкъ, составляющихъ Вышневолоцкую систему прежде всего упоминается Волховъ. Названіе Волхова встрѣчается у Нестора, который говоритъ, что первоначально эта рѣка, по нечистотѣ воды своей, называлась Мутною, а названіе Волхова получила отъ старшаго сына Словена, прозывавшагося этимъ именемъ. Близъ истока и устья Волхова лежатъ два древнѣйшіе города: Новгородъ и Ладога.

Новгородъ существовалъ еще въ V столѣтіи и названъ новымъ для отличія отъ стараго, прежде тутъ бывшаго. По преданію, старый назывался Славенскомъ и находился въ 7-ми верстахъ выше Новгорода, на островѣ, составляемомъ Волховомъ и двумя его рукавами.

Старая Ладога основана въ 862 г. первымъ русскимъ княземъ Рюрикомъ, въ 12-ти верстахъ отъ Ладожскаго озера и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Въ 1114 году при великомъ князѣ Мстиславѣ, городъ выстроенъ при рѣкѣ и обнесенъ стѣною.

Волховъ въ древности служилъ для провоза товаровъ изъ Чернаго моря въ Балтійское, которое тогда называлось Варяжскимъ. Несторъ говоритъ, что изъ Чернаго моря суда поднимались по Днѣпру до самаго верховья; отсюда товары перевозились сухопутьемъ до рѣки Ловати, потомъ опять нагружались на суда и входили въ Ильмень озеро, изъ Ильменя въ Волховъ, потомъ въ Ладожское озеро, въ Неву и наконецъ въ море Балтійское. Чрезъ море Балтійское производились тогда сношенія не только съ Западною Европою, но также съ Средиземнымъ моремъ, Архипелагомъ, Дарданелами, Мраморнымъ моремъ, Константинопольскимъ проливомъ и Чернымъ моремъ.

Иноземцы, начавшіе торговлю съ Новгородомъ уже въ IX ст. приходили обыкновенно черезъ Неву, которою шли до Ладожскаго озера, потомъ по Волхову до Новгорода. Новгородъ, ведя торговлю, пріобрѣлъ значеніе между прочими русскими городами и владѣлъ множествомъ земель. Въ XIII ст. торговля Новгорода была потрясена набѣгами Литовскихъ князей и Шведами и съ этихъ поръ постепенно падала. Наконецъ Іоаннъ Васильевичъ III сравнилъ Новгородъ съ прочими городами русскими и тѣмъ положилъ конецъ значенію его торговли.

Судоходство производилось въ древности также и по прочимъ рѣкамъ, входящимъ въ составъ Вышневолоцкой системы. Въ лѣтописяхъ мы находимъ свидѣтельста о томъ, что Новгородцы спускались по Тверцѣ въ Волгу и доходили до Булгаръ, столицы Булгарскаго царства, находящейся на лѣвомъ берегу Волги, въ 145 в. къ югу отъ Казани. Городъ Торжокъ, котораго одно названіе доказываетъ торговое значеніе, расположенный на Тверцѣ и извѣстный съ начала XI столѣтія, принадлежалъ къ владѣніямъ Новгорода и былъ пограничнымъ пунктомъ земель Новгородскихъ и княжества Тверского.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ особенно была важна торговля на Мологѣ. При устьѣ этой рѣки существовалъ Холопій городокъ, куда съѣзжались лѣтомъ на ярмарку купцы Нѣмецкіе, Польскіе, Литовскіе, Италіянскіе, Греческіе и Персидскіе. Тавары съ ярмарки отправлялись вверхъ по Мологѣ до г. Устюжны, откуда перевозились сухимъ путемъ прямо въ Новгородъ, или отправлялись по Мстѣ, въ Ильмень.

По Цнѣ отъ Вышняго-Волочка товары отправлялись на судахъ или на плотахъ, входили въ озеро Мстино, потомъ въ р. Мсту, по которой шли до Боровицкихъ пороговъ. Здѣсь суда выгружались и товары перевозились сухимъ путемъ до селенія Волока-Держкова, находившагося въ 20-ти верстахъ ниже нынѣшней Потерпѣлицкой пристани.

Петръ Великой, основавъ Петербургъ, хотѣлъ привести внутреннія губерніи Европейской Россіи въ сообщеніе съ столицею, а также и съ западными державами. Для этого, въ 1703 г. онъ повелѣлъ строить въ Вышнемъ-Волочкѣ каналъ, извѣстный тепеперь подъ именемъ Тверецкаго. Для копки канала было набрано до шести тысячъ рабочихъ, а изъ Голландіи выписано десять иноземныхъ мастеровъ. Вмѣстѣ съ устройствомъ въ Вышнемъ-Волочкѣ канала, Государь обратилъ вниманіе на улучшеніе Боровицкихъ пороговъ. Въ 1704 года была произведена первая разчистка пороговъ; но она не удовлетворила ожиданіямъ. Это видно изъ того, что Петръ Великій хотѣлъ отыскать средство для обхода Боровицкихъ пороговъ, но, такъ какъ этого средства не нашлось, то опять занялись уничтоженіемъ препятствій, встрѣчаемыхъ на Боровицкихъ порогахъ. Въ 1719 г. было повелѣно поставить для работъ на порогахъ до 1300 работниковъ. Что было сдѣлано этими людьми — неизвѣстно; но Государь не переставалъ заботиться объ этомъ важномъ дѣлѣ и потому для установленія бо́льшаго порядка при переѣздѣ чрезъ Боровицкіе пороги, въ 1720 г. издалъ указъ, которымъ управленіе Вышневолоцкою системою поручалось особому лицу (Льву Челищеву) и предписывались слѣдующія правила:

1) Выбрать искусныхъ людей въ лоцманы, которые должны быть раздѣлены на двѣ или на три части и постоянно, по очереди, находиться при порогахъ.

2) Лоцманы обязывались проводить суда чрезъ пороги тотчасъ же послѣ ихъ прибытія, если была къ тому возможность, за что имъ съ каждаго судна, исключая казенныя, опредѣлялась извѣстная плата.

3) Дозволялось желающимъ обходиться безъ лоцмановъ и самимъ спускать свои суда, не обязывая ихъ при этомъ ни къ какой платѣ.

4) Если случится несчастіе и судно будетъ разбито, то всѣ лоцманы, находящіеся при порогахъ и посторонніе обязаны тотчасъ же, безъ всякихъ отговорокъ, подать нужную помощь, за что каждый изъ нихъ получалъ отъ хозяина судна пол-алтына съ куля. При переноскѣ товаровъ на берегъ должно было наблюдать, чтобы ничего не пропало. Осмѣлившагося присвоить себѣ что нибудь тайно повелѣно было казнить смертію, а лоцмановъ, приводившихъ разбитое судно, сѣчь кнутомъ для того, чтобы никто изъ людей неискусныхъ не брался за это дѣло.

5) Наконецъ самому управляющему Вышневолоцкою системою предписывалось исполнять свою обязанность ревностно, никому не наносить обидъ, а главное — не брать взятокъ. За нарушеніе

этихъ правилъ ему грозилось отнятіемъ движимаго и недвижимаго имущества и ссылкою на галеры.

Мастера, выписанные изъ Голландіи, плохо исполнили свое дѣло. Вышневолоцкій каналъ, чрезъ 10 лѣтъ послѣ устроенія, пришелъ въ худое состояніе. Съ этого времени получаетъ извѣстность человѣкъ, сдѣлавшій многое для улучшенія Вышневолоцкой системы. Этотъ человѣкъ былъ Новгородскій гражданинъ, Михайло Ивановъ Сердюковъ. Государь, въ бытность свою въ Астрахани, осматривалъ лавки пріѣзжихъ купцовъ и, распрашивая каждаго, обратилъ особенное вниманіе на молодого Калмыка Сердюкова, бывшаго прикащикомъ у Московскаго купца Еврейнова. Отвѣты Сердюкова на вопросы Монарха были основательны. Государь велѣлъ ему придти къ себѣ на другой день и, изъ разговора, замѣтилъ въ немъ расторопность, познаніе въ торговлѣ и склонность къ механикѣ. По возвращеніи въ Москву Государь спросилъ у Еврейнова, «доволенъ ли онъ Калмыкомъ своимъ Сердюковымъ?» Еврейновъ отозвался съ похвалою и получилъ приказаніе отпустить его. Затѣмъ Государь записалъ Сердюкова въ Новгородское купечество и поручалъ ему разные коммиссіи, а въ 1719 г. отдалъ ему указомъ въ содержаніе Вышневолоцкую систему. Сердюковъ обязывался привести ее въ лучшее состояніе, за что имѣлъ право пользоваться многими привиллегіями.

Сердюковъ тотчасъ же принялся за дѣло съ усердіемъ и, не смотря на всѣ препятствія, представляемыя не только природою, но и окрестными обитателями, успѣлъ сдѣлать многое. Главною помѣхою въ дѣлѣ, начатомъ Сердюковымъ, были Вышневолоцкіе ямщики, которые, будучи недовольны уничтоженіемъ гужевой перевозки товаровъ, доставлявшей имъ значительные выгоды, ни за какія деньги не шли на работу къ Сердюкову и даже нарочно портили его сооруженія, истребляли матеріалы, расхищали инструменты, засаривали каналъ. Такіе поступки побудили Сердюкова къ жалобѣ, въ слѣдствіе которой, въ 1722 г. былъ данъ ему охранительный указъ.

Пользуясь такимъ покровительствомъ правительства, Сердюковъ устроилъ многія сооруженія, между которыми первое мѣсто занимаетъ *Цнинскій каналъ*, прокопанный для кратчайшаго обхода рѣки Цны, имѣющей въ этомъ мѣстѣ крутое колѣно. Въ началѣ этотъ каналъ назывался Сердюковымъ.

Сердюковы завѣдывали Вышневолоцкою системою до 1765 г. Передъ этимъ временемъ по судоходству открылись большіе безпорядки. Суда подвергались крушенію и потому возникли жалобы купечества. Обвиняли Сердюкова, что онъ, пользуясь различными привиллегіями, мало заботится о поддержаніи каналовъ.

за которыми уже нѣтъ прежняго надзора. Поэтому была назначена слѣдственная коммиссія, которая жалобы нашла справедливыми. Каналъ былъ запущенъ дотого, что для приведенія его въ надлежащее состояніе требовалось до 85 т. р., что явно доказывало, какъ плохо исполнялъ свою обязанность Сердюковъ. Поэтому, указомъ 1774 года повелѣно взять каналы въ казенное вѣдомство.

Вышневолоцкая система, по пріобрѣтенію ея казною, поступила въ управленіе графа Сиверса, который занялся разчисткою Боровицкихъ пороговъ и рѣкъ, входившихъ въ Вышневолоцкую систему, а также и тѣхъ, которыя въ настоящее время составляютъ системы: Тихвинскую и Маріинскую.

Въ предшествовавшія управленію графа Сиверса 50 лѣтъ, плоты и барки, на которыхъ перевозились товары вмѣщали въ себѣ количество груза въ половину меньшее противъ настоящаго времени; часто разбивались въ порогахъ и, что самое главное, строились изъ топорныхъ досокъ, которыхъ выдѣлывалось изъ бревна вдвое менѣе противъ пильныхъ. Слѣдствіемъ этого было значительное истребленіе лѣсовъ, цѣна на которые могла съ теченіемъ времени сдѣлаться очень высокою, что было бы невыгодно, какъ для людей торговыхъ, такъ и для обитателей, которые нуждались въ лѣсѣ, какъ въ строительномъ матеріалѣ и какъ въ топливѣ. Нужно найти было средства, которыя бы предупредили недостатокъ въ лѣсѣ. Для достиженія этой цѣли Сиверсъ почелъ необходимымъ въ числѣ прочихъ мѣръ ввести слѣдующія: 1) Заставить судохозяевъ возвращаться изъ Петербурга на тѣхъ же баркахъ, на которыхъ были привезены товары, за что должна быть выдаваема имъ награда. Такъ барка, пришедшая изъ Петербурга къ Новгороду, получала награжденія 20 рублей, барка, возвратившаяся въ Боровичи — 50 рублей. 2) Воспретить чрезъ Боровицкіе пороги пропускъ лѣсу, досокъ и судовъ безъ груза, и 3) Запретить строить барки длиннѣе 17-ти сажень, съ наложеніемъ штрафа по 2 рубля за каждый, лишній по длинѣ аршинъ.

Императрица Екатерина II повелѣла Сенату разсмотрѣть представленія Сиверса, которыя скоро и были утверждены. Въ 1785 году Императрица сама осматривала судоходный Вышневолоцкій путь. Ее сопровождала многочисленная свита, въ числѣ которой между прочими были: князь Потемкинъ и французскій посланникъ Сегюръ. Государыня ѣхала въ крытомъ суднѣ, за которымъ слѣдовало 30 другихъ судовъ. Всѣ эти суда были оснащены, снабжены лоцманами и рабочими, одѣтыми въ новые зеленые кафтаны съ серебряными галунами, въ шляпахъ съ крас-

5

выми лентами. По прибытіи Императрицы въ Новую Ладогу, послѣдовалъ писменный указъ, которымъ повелѣвалось произвести различныя работы по Вышневолоцкой системѣ. Для производства этихъ работъ было назначено 2000 плѣнныхъ Шведовъ, взятыхъ при одержанной побѣдѣ надъ Шведскимъ флотомъ. По заключеніи мира, этимъ плѣннымъ было позволено возвратиться въ отечество, но нѣкоторые, избравъ родъ жизни, поселились въ Новгородской и Тверской губерніяхъ.

При преемникѣ графа Сиверса, генералѣ Архаровѣ, были утверждены предположенія его предшественника, а именно: была запрещена отправка за границу лѣсу, котораго въ продолженіи 10 лѣтъ, отъ 1786 до 1796, было вывезено на сумму свыше пяти милліоновъ рублей и былъ удвоенъ сборъ съ судовъ, проходившихъ чрезъ Вышневолоцкую систему для того, чтобы имѣть средства для проведенія канала между Мстою и Волховымъ. Этотъ каналъ, важный, какъ средство для обхода бурнаго Ильменя озера, начатый графомъ Сиверсомъ былъ оконченъ въ 1803 году и по высочайшему повелѣнію названъ Сиверсовымъ.

Съ окончаніемъ всѣхъ этихъ работъ Вышневолоцкая система доведена была до значительной степени совершенства. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія по ней проходило до 4,600 судувъ въ годъ. Путь по Тверцѣ суда стали совершать, вмѣсто семи или восьми недѣль, въ 14 и даже въ 10 дней. На каждую барку помѣщалось вмѣсто двухъ тысячь до пяти тысячь, пудовъ клади и расходы за доставку отъ Рыбинска до Петербурга сократились на половину. Въ послѣднее время, начиная съ 1803 года, когда директоромъ водяныхъ сообщеній былъ назначенъ герцогъ Георгъ Голштейнъ Ольденбургскій, до 1855 года, въ который былъ отставленъ графъ Клейнмихель, сдѣланы многія улучшенія, вполнѣ обезпечивающія въ настоящее время судоходство по Вышневолоцкой системѣ.

Судоходство по Вышневолоцкой системѣ. После этого краткаго историческаго очерка устройства Вышневолоцкой системы, прослѣдимъ ходъ барокъ отъ Твери до Ладожскаго канала. Вышневолоцкая система начинается Тверцою. Тверца, длиною верстъ около 180-ти, имѣетъ въ ширину отъ 20 до 40 саженъ. Глубина ея незначительна до такой степени, что въ лѣтнее или, какъ говорятъ, въ меженное время, она мелѣетъ до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуются броды.

При такомъ небольшомъ запасѣ воды Тверца сама по себѣ не судоходна и недостотокъ ея водъ пополняется изъ окружающихъ ее резервуаровъ. По Тверцѣ производится только взводное судоходство. Каждую барку, имѣющую не болѣе трехъ человѣкъ прислуги, тянутъ десять лошадей. При этой помощи суда, отъ Твери до Вышняго Волочка, легко бы могли доходить въ восемь дней, но какъ на Тверцѣ встрѣчается много пороговъ, отмелей и песчаныхъ косъ, то они эту путину дѣлаютъ въ двѣ, а весною, при болѣе быстромъ теченіи, только въ три недѣли. Въ Вышнемъ Волочкѣ перемѣняется прислуга. Каждая барка беретъ лоцмана и отъ 14 до 15 работниковъ, а, вмѣсто тяжелаго длиннаго руля, 4 длинныя потеси (отъ 7-ми до 10 саж.), которыя служатъ веслами. Изъ Вышняго Волочка суда переходятъ чрезъ Вышневолоцкій каналъ въ рѣку Цну, въ озеро Мстино и, наконецъ, въ самую Мсту. Путь по Мстѣ самый опасный. Эта рѣка наполнена множествомъ пороговъ, между которыми главные Боровицкіе, протягивающіеся между пристанями: Опеченскою и Потерпѣлицкою, на разстояніи 30-ти верстъ. Какъ только Мста очистится отъ льда и стояніе воды не препятствуетъ ходу барокъ, суда собираются у Опеченской пристани. Здѣсь свидѣтельствуютъ ихъ прочность, измѣряютъ длину, ширину и глубину хода въ водѣ, а потомъ отправляютъ по очереди. Отправка и плаваніе происходятъ слѣдующимъ порядкомъ: на барку отряжается очередный лоцманъ, и за него судохозяиномъ вносится 6 рублей въ общую кассу, которая потомъ распредѣляется между всею артелью лоцмановъ. Изъ собирающейся на берегу толпы рабочаго народа берутъ 20 и даже 40 человѣкъ въ помощь судовщикамъ. Всѣ они распредѣляются поровну у четырехъ потесей. Мѣ-

сто лоцмана на носу, у праваго потеся. Во время плаванія ничьи приказанія не дѣйствительны, кромѣ его. Помощникъ его — концевой, всегда находится на кормѣ, у праваго потеся. Сначала барка идетъ довольно тихо, но скоро попадаетъ на порогъ *Загоску* и отсюда съ быстротою несется по пѣнящимся порогамъ до Потерпѣлицкой пристани. Весь этотъ путь барка проходитъ въ три и даже въ одинъ часъ. Лишь только барка придетъ въ Потерпѣлицы, хозяинъ пристани вноситъ ее въ списокъ; лоцманъ получаетъ отъ него свидѣтельство, а отъ хозяина барки добровольное награжденіе. Съ рабочими производится разсчетъ также въ Потерпѣлицахъ, и отсюда они возвращаются сухимъ путемъ, что составляетъ 20 верстъ.

Опасности. Опасности, встрѣчаемыя при переѣздѣ чрезъ Боровицкіе пороги разнообразны. Одни происходятъ отъ неопытности или невниманія лоцмана, другія же такого рода, что человѣческая предусмотрительность не въ состояніи избѣжать ихъ. Иногда въ баркѣ дѣлается течь отъ того, что она какъ змѣя вьется по порогамъ, трещитъ во всемъ своемъ составѣ и теряетъ конопать. Мѣста, на которыхъ такія несчастія чаще случаются, извѣстны; ниже ихъ стоятъ толпы женщинъ съ ведрами и ожидаютъ только знака, чтобы вспрыгнуть на барку и откачивать изъ нея воду. Если доска въ днищѣ повреждена не такъ далеко отъ края, то отыскиваются смѣльчаки, которые опускаются подъ барку, въ воду, чтобы на время заткнуть течь рогожею. Обыкновенно стараются дойти до Потерпѣлицъ, гдѣ производится починка. Поврежденіе другаго рода состоитъ въ томъ, что барка отъ неправильнаго маневра, или отъ удара вѣтра выходитъ нѣсколько изъ должнаго направленія и садится на самомъ фарватерѣ. Въ

такомъ случаѣ отъ Опеченскаго посада немедленно посылаютъ на помощь лоцмановъ, и засѣвшую барку стараются сдвинуть съ мѣста воротами и другими способами; потомъ приводятъ къ берегу, разгружаютъ и, смотря по обстоятельствамъ, чинятъ или замѣняютъ новою. Иногда на крутыхъ поворотахъ барка отъ удара въ берегъ теряетъ потесь; если она сама не повредится, то стараются пройти, сколько можно, съ тремя потесями, или на мѣсто потеряннаго, поставить новый изъ запасныхъ. Иногда случается, что барка въ минуту опасности отурится, т. е. повернется кормою впередъ; если она въ этомъ положеніи придетъ къ пристани, то встрѣчаютъ ее крикомъ и смѣхомъ, чего всякій лоцманъ старается избѣгнуть.

Для уменьшенія опасностей при проходѣ чрезъ Боровицкіе пороги употреблены разныя средства: срыты береговые углы, фарватеръ очищенъ отъ находившихся на немъ камней, устроены въ разныхъ мѣстахъ плотины. Но главное охранное средство заключается въ береговыхъ упругихъ заплавяхъ, которыхъ дѣйствіе состоитъ въ томъ, что барка, набѣгающая на нихъ не только не повреждается, но и возвращается на фарватеръ почти безъ помощи лоцмана. Заплави ставятся на изгибахъ рѣки, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сила теченія прибиваетъ суда къ берегу и гдѣ искусство лоцмана не можетъ предохранить ихъ отъ сильнаго удара въ берегъ. Кромѣ заплавей, на самомъ берегу устроены телеграфы. Это ничто иное, какъ простые сигнальные шесты съ знаками трояваго рода. Большой бѣлый шаръ означаетъ совершенно свободный фарватеръ, и суда могутъ отправляться безпрепятственно; красный шаръ означаетъ крушеніе судна и закрытіе фарватера. Ближайшій къ мѣсту крушенія барки, телеграфъ первый

подымаетъ красный шаръ, а за нимъ и ниже стоящіе. Такимъ образомъ, извѣстіе въ нѣсколько минутъ получается въ Опеченской пристани, гдѣ немедленно спускается съ сигнальнаго шеста флагъ, означающій каждое утро начало и каждый вечеръ окончаніе отправленія судовъ. Шаръ съ бѣлымъ флагомъ означаетъ, что хотя разбившееся судно и неснято съ мели, но фарватеръ свободенъ; тогда отправленіе снова начинается. Всѣ телеграфы расположены такъ, что съ каждаго можно видѣть фарватеръ на значительное протяженіе. Въ этомъ отношеніи важное препятствіе судоходству представляютъ туманы.

По Мстѣ суда доходятъ до Ильменя озера. Въ это озеро они не входятъ, а идутъ въ Волховъ; лѣтомъ по Сиверсову (Новгородскому), а весною по Вишерскому каналу. Волховъ вытекаетъ изъ Ильменя озера, въ пяти верстахъ выше Новгорода, и течетъ до Ладожскаго озера въ сѣверовосточномъ направленіи. При впаденіи рѣки въ озеро лежитъ городъ Новая Ладога. Здѣсь оканчивается Вышневолоцкая система, и суда по Ладожскому каналу и по Невѣ добираются до Петербурга. Волховъ, въ сравненіи со Мстою, представляетъ гораздо меньше затрудненія для плаванія. На этой рѣкѣ только въ двухъ мѣстахъ находятся пороги: Пчевскіе и Волховскіе. Какъ тѣ, такъ и другіе занимаютъ пространство по 9-ти верстъ слишкомъ. Степень опасности на нихъ зависитъ или отъ вѣтра, или отъ мелководія. Довольно сильный вѣтеръ, особенно боковой, препятствуетъ удобному сплаву тяжело нагруженныхъ судовъ тѣмъ, что сноситъ ихъ на каменья; поэтому, плывущія суда должны останавливаться и ожидать благопріятной погоды. Въ сухое же лѣто вода упадаетъ въ порогахъ до такой степени, что судно, которое сидитъ въ водѣ

на 9 и даже на 8 вершковъ, никакъ не пройдетъ по нимъ. Въ такомъ случаѣ или сваливаютъ лишній грузъ на малыя суда, которыя легко проходятъ по порогамъ, или выгружаютъ кладь на берегъ для зимовки, или же наконецъ отправляютъ въ Петербургъ сухопутьемъ. Въ настоящее время судоходство по Волхову до того улучшилось, что барокъ разбивается очень мало. Для провода ихъ чрезъ пороги есть приставленные отъ правительства лоцмана, на Пчевскихъ 100 и на Волховскихъ 150. Смотря потому болѣе, или менѣе предвидится опасности, барки въ порогахъ берутъ, или, какъ говорятъ прихватываютъ еще рабочихъ кромѣ тѣхъ, которые на нихъ уже находятся. Число людей въ самыхъ опасныхъ случаяхъ бываетъ не болѣе 15-ти. Если же все обѣщаетъ счастливый проѣздъ, то кромѣ лоцмана, берутъ въ помощь ему только одного концеваго.

Главныхъ пристаней, расположенныхъ на Вышневолоцкой системѣ считается тринадцать. Между ними главныя: Тверь и Торжокъ на Тверцѣ, Вышній Волочекъ на Цнѣ, Боровичи на Мстѣ и на Волховѣ—Новгородъ и Новая Ладога, которою оканчивается система. По этому пути ежегодно проходитъ около $6^1/_2$ тысячъ судовъ, съ грузомъ на сумму до 26 милліоновъ рублей. Провозимые товары преимущественно состоятъ изъ муки, крупы, сала, вина и спирту, овса, пеньки, сальныхъ свѣчъ, масла конопляннаго и постнаго, деревянныхъ издѣлій и дровъ, соли, сѣна и соломы, механическихъ издѣлій и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ.

Составъ и протяженіе Тихвинской системы. Тихвинская система начинается отъ впаденія рѣки Мологи въ Волгу и идетъ по направленію къ Ладожскому озеру. Въ составъ ея входятъ рѣки: Мологa, Чагодоща или Чагода, Горюнъ, озеро Вожанское, рѣка Сомина, озеро Сомино,

рѣка Волчина, озеро Крупино, рѣка Тихвинка, Тихвинскій каналъ, Сясь, Сясьскій каналъ, Ладожскій и Нева. Этотъ путь составляетъ съ небольшимъ 830 верстъ.

Историческій обзоръ. Рѣки Молога, Чагодоща, Горюнъ, Сомина и Волчина входили въ составъ владѣній великаго Новгорода и были рѣками судоходными. При устьѣ р. Мологи въ XIV и XV вѣкахъ существовалъ *Холопій городокъ*, извѣстный своею ярмаркою. На эту ярмарку, какъ видно изъ одного сочиненія XVI в. собирались купцы изъ отдаленныхъ странъ и цѣнность привозимыхъ товаровъ была такъ велика, что одной пошлины собиралось до 180,000 пудовъ серебра. Товары съ Моложской ярмарки отправлялись въ Новгородъ, вверхъ по р. Мологѣ до Устюжны, откуда шли сухимъ путемъ до Волока Держкова, а далѣе опять по водѣ. По прочимъ рѣкамъ, входящимъ въ составъ Тихвинской системы, т. е. по Чагодощѣ, Горюну, Волчинѣ, Тихвинкѣ и Сяси, также производилось судоходство, что дѣлается несомнѣннымъ тѣмъ болѣе потому, что всѣ эти рѣки, протекая между лѣсами, въ настоящее время почти несуществующими, получали въ притокъ изъ ближайшихъ озеръ и болотъ, теперь большею частію осушенныхъ, гораздо большую массу воды и потому были рѣками судоходными. Въ XVI в., когда торговля Новгорода значительно уже пала, судоходство по Мологѣ все еще было значительно до того, что Правительство имѣло на этой рѣкѣ таможенныя заставы.

Въ началѣ XVIII ст. Петръ В., съ основаніемъ Петербурга, обратилъ особенное вниманіе на развитіе судоходства по рѣкамъ, соединяющимъ Волгу съ Ладожско-Невскимъ бассейномъ. Первымъ трудомъ Великаго было устройство Вышневолоцкой системы. Но такъ какъ ходъ по этой системѣ былъ сопряженъ со многими неудобствами и могъ быть совершаемъ только въ одну сторону, то Государь старался отыскать новые пути для соединенія внутреннихъ губерній съ столицею. Поэтому въ 1710 году былъ назначенъ, для изслѣдованія мѣстности между Ладожско-Невскимъ и Волжскимъ бассейнами, Англійскій инженеръ Джонъ Перри, который осмотрѣлъ всѣ рѣки, входящія теперь въ составъ Тихвинской системы. По изслѣдованію его оказалось, что отъ Ладожскаго озера, по рѣкамъ Сяси и Тихвинкѣ, можно дойти до верховьевъ послѣдней, за которыми лежитъ отдѣльно озеро Крупино, а далѣе, въ противуположную сторону текутъ Волчина, Сомина, Горюнъ, Чагодоща и Молога, впадающая въ Волгу около Рыбинска. Поэтому, при устройствѣ по этимъ рѣкамъ судо-

ходной системы, озеро Крупино должно составлять раздѣльный пунктъ, отъ котораго направятся двѣ вѣтви: одна — къ Ладожскому озеру, а другая къ Волгѣ. Въ послѣдствіи, Петръ Великій самъ нѣсколько разъ осматривалъ этотъ путь и назначилъ даже линію для проведенія канала, а также думалъ о прорытіи канала Сясьскаго, который назначался для того, чтобы изъ рѣки Сяси плита, известь, сѣно, лѣсъ и разные другіе товары, доставляемые въ Петербургъ чрезъ Ладожское озеро, могли проходить безопасно по этому каналу. Ранняя смерть преобразователя помѣшала осуществить на дѣлѣ оба эти предположенія. Только въ 1802 г. былъ утвержденъ проэктъ Тихвинской системы и построеніе ея поручено генералу Деволанту. Въ 1811 г., хотя не всѣ работы были окончены, но судоходство, по случаю предстоявшей войны, открыто. При этомъ оказалось много неудобствъ, для устраненія которыхъ требовалось устройство новыхъ лишнихъ шлюзовъ, плотинъ, очищеніе фарватера и проч. Все это было исполнено уже послѣ 12-го года.

По причинѣ небогатаго запаса воды по Тихвинской системѣ могутъ ходить только суда небольшого размѣра, но этотъ путь имѣетъ преимущество передъ Вышневолоцкимъ въ томъ, что представляетъ судамъ возможность проходить изъ С. Петербурга къ Волгѣ. Изъ С. Петербурга этихъ путемъ отправляется ежегодно до 4.300 судовъ. На нихъ провозится соль, пшено, кофе, сахаръ, виноградныя вина, фрукты, табакъ, разные колоніальные товары, всего на сумму до 12 милліоновъ рублей.

Количество судовъ, приходимыхъ ежегодно въ Петербургъ съ Волги и съ пристаней, расположенныхъ по Тихвинской системѣ, простирается до 7,000. Товары, привозимые на этихъ судахъ состоятъ изъ пшеницы, ржи, мяса, рыбы, вязиги и другихъ съѣстныхъ припасовъ, а также полотняныхъ и шерстяныхъ товаровъ, мѣховъ, пуху, желѣза, чугуна и проч. всего на сумму также до 12 милліоновъ рублей.

Маріинская система. Каспійское море соединяется съ

Балтійскимъ еще посредствомъ третьей — Маріинской системы. Исходнымъ пунктомъ Маріинской системы служитъ Шексна, вытекающая изъ Бѣлаго озера, которое составляетъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ системы. Оно лежитъ на пересѣченіи 60-й параллели и 55 меридіана и замѣтно издали своею бурѣющеюся поверхностью, вѣчно волнующеюся бѣлыми *баранами*, отчего полагаютъ, и произошло названіе Бѣла-озера. Повѣрье говоритъ, что озеро особенно бурно волнуется тогда, когда чуетъ въ себѣ утопленника, котораго старается выкинуть на берегъ своими сердитыми волнами. Не смотря на то, что въ Бѣлое озеро впадаетъ 26 большихъ и маленькихъ рѣчекъ, а выходитъ только одна Шексна, глубина его незначительна и, даже въ срединѣ, не достигаетъ трехъ сажень. Берега озера песчаны, или глинисты и почти вовсе лишены растительности. Маріинская система, начало которой положено еще Петромъ Великимъ, въ 1711 г. окончена только въ 1818. Въ настоящее время судоходство по ней совершается слѣдующимъ порядкомъ: суда сначала идутъ по Шекснѣ, а отсюда вступаютъ въ Бѣлозерскій каналъ. До устроенія этаго канала суда должны были входить въ Бѣлое озеро и часто страдали отъ бурь и отмелей. Съ прорытіемъ канала открылся новый, удобный и безопасный путь въ Ковжу, а отсюда въ Вытегру, впадающую въ самый юговосточный уголъ Онежскаго озера. Отсюда имъ предстоялъ бы еще путь по Онежскому озеру до Свири, впадающей въ Ладожское озеро, но, для предотвращенія несчастій на бурномъ озерѣ, еще при Павлѣ Петровичѣ былъ начатъ обходный Онежскій каналъ и оконченъ въ 1820 г. Изъ Онежскаго канала суда входятъ въ Свирь, протекающую пространство въ 190 верстъ, а изъ нея переходятъ въ Свирскій каналъ, который сое-

диняется съ Сясьскимъ и образуетъ такимъ образомъ, сѣверосточное продолженіе Ладожскаго канала, такъ что весь юговосточный берегъ огромнаго озера, начиная отъ устья Свири до истока Невы, опоясанъ одною непрерывною линіею каналовъ, въ 154 версты длиною. Маріинскою системою Волга захватываетъ въ свою область далекій сѣверъ. Этою системою она соединяется съ рѣчною областью Двины, при помощи Александровскаго канала, оконченнаго въ 1828 г. и соединяющаго Шексну съ Кубинскимъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ западный притокъ Сѣверной Двины. Этотъ водяной путь въ началѣ обѣщалъ многое. По немъ предполагалось вести изъ Архангельска лѣсъ и рыбу, изъ Тотьмы и Яренска богатые запасы соли, а изъ Усть-Сысольска желѣзо и чугунъ. Предположенія эти однако не оправдались по мелководью и каменистости Сухоны, судоходной только нѣсколько недѣль въ году, во время весенняго полноводія. Съ начала іюня тяжелыя суда уже не могутъ ходить по ней, а въ іюлѣ и маленькія лодки встрѣчаютъ препятствія, почти на каждыхъ десяти саженяхъ, отъ выдающихся изъ подъ воды камней и мелей. Намоины и гряды песковъ пересѣкаютъ эту рѣку въ разныхъ направленіяхъ, представляя рѣшительную невозможность безопаснаго судоходства. Впрочемъ, одинъ изъ Устюжскихъ спекулянтовъ затѣялъ для Сухоны легкій буксирный пароходецъ, съ каютами для пассажировъ; заказанъ уже и механизмъ въ Костромѣ на одномъ изъ тамошнихъ литейныхъ заводовъ и, говорятъ, съ будущимъ лѣтомъ начнутся уже рейсы пароходства. На долго ли — сказать трудно.

Маріинской системой въ настоящее время доставляется въ С. Петербургъ преимущественно хлѣбъ всякого рода, сало, желѣзо, корабельный лѣсъ, которымъ

богаты берега Шексны, рыба и нѣкоторые другіе товары, всего на сумму до 18 милліоновъ рублей.

Первое мѣсто между пристанями, расположенными по Маріинской системѣ, занимаетъ богатый *Рыбинскъ*. До открытія водяныхъ сообщеній, Рыбинскъ былъ слободой и только въ 1772 г. обратили его въ уѣздный городъ, а въ настоящее время онъ безспорно занимаетъ первое мѣсто послѣ Нижняго и Астрахани. Въ Рыбинскъ приходятъ всѣ суда съ верхней Волги; сюда же свозятся всѣ товары съ нижнихъ частей этой рѣки. Вся дѣятельность рыбинской пристани заключается въ выгрузкѣ и перегрузкѣ; послѣдняя особенно необходима для отправленія товаровъ къ верхнимъ частямъ Волги и по каналамъ, гдѣ большія суда, приходящія изъ Нижняго и другихъ мѣстъ не могутъ ходить, а потому должны передавать свой грузъ болѣе мелкимъ судамъ. Рыбинская пристань тянется, на нѣсколько верстъ и подраздѣляется на нѣсколько частей. Въ самый разгаръ судоходства, весною и лѣтомъ, Волга, ширина которой достигаетъ въ Рыбинскѣ 230 саженей, покрывается сплошною массою судовъ, такъ что по этому мосту легко перейти съ одного берега на другой. Зимою городъ тихъ и малолюденъ. Въ немъ считается не болѣе 6,000 жителей, но за то лѣтомъ это число увеличивается до 100 тысячь и даже болѣе. Большую часть этого прихлынувшаго населенія составляютъ *бурлаки* — народъ сильный, здоровый и смѣлый. Почти всѣ бурлаки приволжскіе уроженцы, или съ рѣкъ впадающихъ въ Волгу. Они составляютъ прислугу на баркахъ, тянутъ барки и находятъ много работы во всѣхъ пристаняхъ на Волгѣ, гдѣ суда останавливаются Бурлаки нанимаются цѣлыми артелями и уговариваются или на весь путь— отъ Астрахани до Рыбинска, или отъ пристани до при-

стани. Исполнивъ свое обязательство, бурлаки возвращаются домой пѣшкомъ, часто за 700 и 1,000 верстъ. Каждый бурлакъ получаетъ за путь отъ Самары до Рыбинска рублей 20, а отъ Нижняго до Рыбинска рублей 15. Много ли онъ можетъ заработать — это зависитъ отъ случая. Изъ Нижняго въ Рыбинскъ можно прибыть въ двѣ недѣли, но случается нерѣдко, что суда остаются въ дорогѣ и шесть недѣль. Посчастливится бурлаку — онъ можетъ сдѣлать въ лѣто три рейса и заработать чистой прибыли рублей 20, но нерѣдко приходится ему проѣсть весь заработокъ и возвратиться домой ни съ чѣмъ. Въ Рыбинскѣ ежегодно бываетъ двѣ ярмарки, но обороты ихъ до того незначительны, что объ нихъ почти и упоминать нечего. За то нельзя не обратить вниманія на связь Рыбинска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и области Волги, съ Архангельскомъ и съ рѣчною областью Двины посредствомъ Александровского водянаго сообщенія, соединяющаго Шексну съ Кубинскимъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ Сухона, западный притокъ Сѣверной Двины. Этотъ водный путь соединяетъ съ Архангельскомъ Москву и Нижній, а также Петербургъ, и могъ бы доставлять огромныя выгоды, если бы Сухона была судоходна. Въ центрѣ этого воднаго пути лежитъ Вологда—городъ почти невѣдомый для жителей центральной Россіи, хотя это одно изъ самыхъ древнѣйшихъ поселеній Новгородцевъ въ Заволочьѣ. Вологда играла важную роль въ торговлѣ Великого Новгорода и обѣщаетъ занять и въ наше время одно изъ главныхъ мѣстъ между торговыми городами Россіи, какъ главный посредникъ между странами Приволжскими и Двинскимъ бассейномъ.

Отъ сѣвернаго своего изгиба у Мологи, Волга продолжаетъ свой путь прямо къ юговостоку. Широкой

рѣкой течетъ она по губерніямъ Ярославской и Костромской и вступаетъ въ Нижегородскую, гдѣ подъ самымъ Нижнимъ соединятся съ Окою.

Среднее теченіе. Съ принятіемъ Оки начинается среднее теченіе Волги. Еще не доходя до Нижняго, Волга имѣетъ въ ширину около версты. Правый ея берегъ на всемъ этомъ пространствѣ и далѣе покрытъ довольно значительными холмами и называется нагорный, а лѣвый, представляющій ровную песчаную поверхность, извѣстенъ подъ названіемъ луговаго. Теченіе Волги на этомъ пространствѣ довольно спокойно, что, впрочемъ, не ручается за безопасное судоходство, потому что въ лѣтніе время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуются мели, довольно опасныя для плаванія судовъ. Направленіе своего теченія она почти не измѣняетъ, но за то образуетъ здѣсь много рукавовъ, называемыхъ *волошками.* Изъ Нижегородской губерніи Волга вступаетъ въ Казанскую и скоро принимаетъ въ себя съ одной стороны *Суру*, а съ другой *Каму*. Первая изъ этихъ рѣкъ, уступая въ величинѣ второй, важна, какъ этнографическая граница между Славянскими, Татарскими и Финскими племенами. Перейдя Суру, оставляешь Славянскій край и вступаешь совершенно на иноплеменную почву. Правда, еще въ Нижегородской губерніи встрѣчаются Чуваши и Черемисы, но они обрусѣли; за Сурой же эти народцы до сихъ поръ сохранили свои обычаи и вѣру почти неприкосновенными. Вообще Казанская губернія въ этнографическомъ отношеніи представляетъ явленіе чрезвычайно интересное. Населеніе ея состоитъ изъ трехъ племенъ Славянскаго, Турецкаго и Финскаго.

Татары. Представителями Турецкаго племени служатъ Татары. Казанскіе Татары, составлявшіе когда-то могущественное

царство и имѣвшіе потому важное историческое значеніе, по словамъ г-на Фукса, сохранили такъ много собственнаго, національнаго, что заслуживаютъ особеннаго вниманія наблюдательнаго этнографа. Въ настоящее время они, въ числѣ 300,000 человѣкъ, населяютъ преимущественно Казанскій и Тетюшскій уѣзды.

Наружность. Въ наружности Казанскихъ Татаръ нѣтъ ничего Татарскаго или Монгольскаго. Они высокаго роста, стройны, цвѣтъ кожи бѣлый, лицо продолговатое, глаза большіе, черные или сѣрые, носъ съ горбомъ, борода черная. Татарки, большею частію, средняго роста, довольно толсты, держатъ себя также прямо, какъ и мущины, но ходятъ плохо, и причина этого не заключается въ ихъ неловкости, а въ мѣшковатой одеждѣ. Молодость ихъ проходитъ скоро оттого, что онѣ рано выходятъ замужъ и портятъ свое лицо различными притираніями.

Характеръ. Въ характерѣ Казанскихъ Татаръ, какъ и каждаго другаго народа, замѣчается смѣсь добрыхъ и дурныхъ качествъ. Гордость, честолюбіе, сребролюбіе, хвастливость и вкрадчивость составляютъ худыя стороны Казанскаго Татарина; дружелюбіе, умѣренность и трудолюбіе — его добрыя качества. Главную же характеристическую черту Казанскихъ Татаръ составляетъ безграничное гостепріимство. Позвавъ къ себѣ гостя, Татаринъ старается запоить и закормить его до нельзя. Этою слабостію Татаръ особенно пользуются русскіе сосѣдніе мужики. Случится въ татарской деревнѣ праздникъ, они непремѣнно отправляются туда, заходятъ къ знакомымъ и незнакомымъ Татарамъ, ѣдятъ и пьютъ у нихъ на сколько силъ хватитъ, а потомъ, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо, бранью отплачиваютъ за радушный пріемъ. Вечеромъ праздничнаго дня нерѣдко можно встрѣтить мужичка, едва переплетающаго ногами и очень недовольнаго собою за то, что напировался до такой степени, какъ будто вина отродясь не видалъ.

Одежда. Одежда зажиточныхъ Татаръ состоитъ изъ шелковаго архалука, перетянутаго широкимъ поясомъ. Поверхъ архалука надѣвается широкій халатъ, обыкновенно свѣтлаго цвѣта. Ноги они обуваютъ въ сафьяные сапоги, а выходя на улицу надѣваютъ еще *бабуши* — родъ калошъ безъ задниковъ. Голова всегда выбрита и прикрыта маленькою шапочкой, вышитою золотомъ и серебромъ. Костюмъ простыхъ Татаръ отличается отъ этого только тѣмъ, что поверхъ шапки они обматываютъ кусокъ бѣлаго полотна, а вмѣсто халата носятъ рубашку, вышитую цвѣтною бумагой на рукавахъ и около ворота.

Жилище. По мѣсту жительства, казанскіе Татары раздѣляются также на городскихъ и деревенскихъ. Жилье городскаго не

отличается рѣзко отъ русскаго, и комнаты зажиточнаго Татарина уставлены такою же мебелью, какую привыкли мы видѣть во всей Европѣ. Деревни татарскія по виду походятъ на русскія, но отличаются отъ нихъ бо̀льшею опрятностію. Татары имѣютъ обыкновеніе бѣлить печь по нѣскольку разъ въ годъ; избы всегда вымыты; на широкихъ скамьяхъ постланы перины, по стѣнамъ развѣшаны лучшія женскія платья, халаты и множество разноцвѣтныхъ полотенецъ, а столы накрыты скатертями съ красными узорами.

Пища. Пища небогатыхъ Татаръ не разнообразна. Утромъ они пьютъ чай, большею частію кирпичный, съ калачами, а за обѣдомъ ѣдятъ похлебку или болтушку, состоящую изъ воды, въ которой намѣшана мука съ солью. Эта же болтушка подается и къ ужину, а за обѣдомъ является *салма*, т. е. крошеное тѣсто съ бараньимъ жиромъ — зимою, а лѣтомъ — кислое молоко, или *кайманъ* (густыя вареныя сливки) и лепешки изъ гречневой муки, въ скоромномъ маслѣ. По праздникамъ деревенскіе Татары позволяютъ себѣ полакомиться бараниной, а также лошадинымъ мясомъ, которое для нихъ составляетъ самое лакомое блюдо.

Занятія. Деревенскіе Татары, подобно русскимъ мужикамъ, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; но между ними, вѣроятно отъ лѣности, образовался классъ людей безлошадныхъ. Такіе Татары вовсе не имѣютъ домашняго хозяйства, но отдаютъ всю свою пахатную землю и луга въ наемъ. Въ ихъ домахъ живутъ только женщины и ребята, а мущины нанимаются на заводы или живутъ въ работникахъ у русскихъ мужиковъ. Главнымъ занятіемъ городскихъ Татаръ служитъ торговля. Кто имѣетъ хотя небольшой капиталъ, старается обратить его въ товаръ и ведетъ мелочную торговлю. Другіе же, владѣющіе значительнымъ капиталомъ, вступаютъ въ торговыя сношенія съ Китайцами и Персіанами.

Образованіе. Хорошо одаренные отъ природы, казанскіе Татары, считаютъ образованіе необходимымъ для каждаго, и въ этомъ отношеніи они стоятъ гораздо выше не только русскихъ поселянъ, но и купцовъ. Татаринъ, незнающій грамоты презирается всѣми. При каждой мечети находится непремѣнно и школа. Она состоитъ обыкновенно изъ довольно просторной комнаты, раздѣленной на двѣ части. Бо̀льшая половина возвышена на двѣ ступени, на ней помѣщается учитель съ учениками, изъ которыхъ каждый имѣетъ ящикъ съ книгами и особую чернильницу. Такъ какъ учитель не можетъ одинъ справиться съ своими обязанностями, тѣмъ болѣе потому, что онъ, въ то же время, исполняетъ должность муллы, то между учениками избирается

нѣсколько старшихъ, которымъ поручается надзоръ и обученіе вновь поступающихъ. Поступаютъ въ училище лѣтъ 7-ми или 8-ми, и остаются тамъ не менѣе 5-ти лѣтъ. Если же кто изъ учениковъ хочетъ сдѣлаться со временемъ муллою, тотъ остается и долѣе, или отправляется въ Бухару. Обученіе начинается, разумѣется, азбукой, послѣ которой читаютъ книгу, содержащую извлеченія изъ курана, а потомъ занимаются чтеніемъ различныхъ татарскихъ книгъ, напечатанныхъ въ Казани и заключающихъ изъясненія на куранъ въ стихахъ или въ прозѣ. Книга, извѣстная подъ названіемъ Мухамедъ-Эфенди, составляетъ окончательный курсъ ученія. Въ ней изложены различныя наставленія, полезныя въ дѣлахъ торговли. Кромѣ чтенія и основаній магометанской религіи, Татары знакомятся еще съ арабскимъ языкомъ, на сколько это нужно для пониманія курана, а также съ бухарскимъ и персидскимъ, для облегченія сношеній въ торговлѣ. Татарскому языку въ училищахъ не учатъ, на томъ основаніи, что каждый Татаринъ долженъ своему языку выучиться отъ матери, а потому и не должно платить за это деньги учителю. Замѣчательно, что казанскіе Татары, находясь въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ Русскими, совсѣмъ не стараются знать русскій языкъ, и нѣтъ почти ни одного между ними, кто бы хорошо говорилъ по-русски и, еще менѣе, кто бы умѣлъ писать. Учитель, вмѣстѣ и мулла мечети, не получаетъ никакого опредѣленнаго жалованья, но довольствуется подарками учениковъ, состоящими въ мукѣ, медѣ, чаѣ и въ небольшомъ количествѣ денегъ. Иногда къ большому празднику подарятъ ему халатъ. Вообще, годовой доходъ учителя незначителенъ.

Ученіе начинается съ разсвѣтомъ. По четвергамъ повторяютъ пройденное, и кто не хорошо отвѣчаетъ, того сѣкутъ или сажаютъ въ подполье. Гулящаго времени для учениковъ немного. Ученіе прекращается въ четвергъ, около полудня, и начинается опять въ субботу. Татары учатся, сидя на подушкѣ, съ поджатыми подъ себя ногами, и читая на распѣвъ свои уроки. Оставаясь цѣлую недѣлю безвыходно въ школѣ, ученики выбираютъ по жребію, кто изъ нихъ долженъ готовить кушанье. Женщинъ въ школѣ никогда не бываетъ.

Татарки также получаютъ нѣкоторое образованіе, и между ними мало найдется такихъ, которыя бы не умѣли ни читать, ни писать. Такое явленіе даетъ право думать, что между Татарами женщина пользуется бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ на Востокѣ, гдѣ она не больше, какъ раба, вполнѣ покорная деспотической волѣ своего мужа. Казанскія Татарки хозяйничаютъ у себя дома, ходятъ въ городъ за покупками, хотя и подъ покры-

валомъ, но часто съ полуоткрытымъ лицомъ и закрываются только при встрѣчѣ съ Татариномъ. Имъ позволяется также присутствотать на общественныхъ праздникахъ. Впрочемъ, такой свободой пользуются только деревенскія жительницы; богатыя же цѣлую жизнь проводятъ въ затворничествѣ, посвящая все время на наряды и сплетни. Жизнь богатыхъ татарокъ однообразна и скучна. Богатая татарка какъ встанетъ, тотчасъ нарядится въ шелковое платье, набѣлитъ и нарумянитъ лице, какъ возможно болѣе и, поджавъ ноги, сидитъ на диванѣ. Передъ нею кипитъ самоваръ. Заваривъ чай, она пьетъ его до тѣхъ поръ, пока потъ сгонитъ всѣ бѣлила и румяна съ лица. Время между чаемъ и завтракомъ посвящается на вторичное раскрашиваніе физіономіи. Послѣ завтрака принимаетъ она визиты своихъ подругъ, угощаетъ ихъ, и угощается сама чаемъ, отчего лице снова надо подмалевать, чтобы за обѣдомъ передъ мужемъ явиться въ полной красѣ. Послѣ обѣда Татарки опять упиваются чаемъ, увѣряя, что этотъ напитокъ необходимъ для сваренія жирной пищи. Иногда, вечеромъ, Татарка вздумаетъ отправиться въ гости. Нарядившись въ новое платье, закутанная съ ногъ до головы садится она въ повозку и ѣдетъ къ своей знакомой, гдѣ опять вдоволь напьется чаю, и наболтается разныхъ пустяковъ. Такимъ образомъ и проходитъ день за днемъ жизнь богатой Татарки, которая нерѣдко не прочь бы была отдать всѣ свои богатства за ту свободу, какою пользуется ея землячка, неимѣвшая несчастья родиться богатой.

О религіи казанскихъ Татаръ распространяться нечего. Вѣрованія и обряды Ислама конечно одни и тѣ же для всѣхъ его послѣдователей. Во главѣ духовенства казанскихъ Татаръ стоитъ *Муфти*. Онъ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ Уфѣ, получаетъ содержаніе отъ русскаго Правительства и признается верховнымъ судьею во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ. Въ зависимости отъ муфти находятся *Ахуны* и *Муллы*. Послѣдніе обыкновенно выбираются изъ купеческаго сословія и утверждаются въ своемъ санѣ муфти, но не иначе, какъ по экзамену. Живутъ они на счетъ своей паствы. Каждый татаринъ отдаетъ ежегодно изъ своего дохода 2 или 3% и, кромѣ этого, мулла при бракосочетаніи получаетъ 1% съ приданаго невѣсты. При каждой мечети находится одинъ мулла и два или три *Азанчи*, т. е. крикуна, обязанность которыхъ—созывать правовѣрныхъ на молитву въ опредѣленные для этаго сроки. Мечеть татарская представляетъ обыкновенно четыреугольное строеніе, сажень въ 16 иногда длиною и 8 шириною. Крыша покрыта досками, черепицею или желѣзомъ. На ней поднимается башня сажени въ 3 или 6

вышины, окруженная галлереею и украшенная на верху позолоченнымъ пололуньемъ. Это — минаретъ, съ котораго каждый день, по 5 разъ, раздается призывный голосъ Азанчи. Самая мечеть состоитъ обыкновенно изъ 2-хъ этажей. Въ первомъ — кладовая, а вторая состоитъ изъ 2-хъ комнатъ. Первая изъ нихъ служитъ переднею, гдѣ молящіеся оставляютъ свою обувь, вторая—молельня. Убранство молельни очень просто. Полъ устланъ коврами или просто соломенными плетенками. Въ задней стѣнѣ сдѣлана ниша, гдѣ обыкновенно сидитъ мулла, а по правую сторону отъ нея стоитъ небольшая каѳедра. Стѣны увѣшаны кусками черной и пестрой матеріи, на которыхъ написаны различныя изрѣченія изъ курана. Вотъ и вся бѣдная обстановка мечети, бѣдная, впрочемъ, не по недостатку матеріальныхъ средствъ, а вслѣдствіе строгаго исполненія заповѣди Магомета, который, желая отклонить своихъ послѣдователей отъ идолопоклонства, не только запретилъ имѣть изображенія Аллаха, но даже не позволилъ украшать свое жилище картинами или статуями, говоря, что Ангелы никогда не войдутъ въ домъ, гдѣ есть такія украшенія, а художники на страшномъ судѣ должны будутъ оживить свои произведенія или вѣчно мучиться. Религіозные обряды казанскихъ Татаръ одинаковы со всѣми прочими послѣдователями Магометанской религіи и болѣе или менѣе извѣстны, а потому, не распространяясь объ этомъ предметѣ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію прочихъ инородцевъ Казанской губерніи.

Послѣ Татаръ главное населеніе Казанской губерніи составляютъ *Черемисы*.

Слово Черемисъ, по всей вѣроятности, русскаго происхожденія. Сами Черемисы называютъ себя *мери*, или *мари*, что значитъ люди, человѣкъ. Жена, напримѣръ, никогда не называетъ своего мужа по имени, а обращается къ нему съ словомъ—*мари*; такъ точно и онъ зоветъ ее *фата*, т. е. женщина.

Наружность. Черемисы большею частію средняго роста, но довольно стройнаго и крѣпкаго тѣлосложенія. Лицо у нихъ широкое, носъ вздернутый, ротъ большой, глаза темные, борода и волосы очень черные. Черемисянки малы и некрасивы.

Костюмъ. Мужская одежда Черемисъ почти ничѣмъ не отличается отъ русской, а женскій костюмъ состоитъ изъ бѣлой сорочки, вышитой на груди и на рукавахъ шерстью, а иногда и шелкомъ, и подпоясанной широкою тесьмой. На спинѣ виситъ пребольшая кисть съ побрякушками, а черезъ плечо перекинута перевязь, унизанная бѣлыми раковинами, извѣстными у русскихъ подъ именемъ *змѣиныхъ головокъ*. Головной уборъ Черемисянокъ состоитъ изъ *шарпана* и *нашмака*. Шарпаномъ называется узкая

полоса холста, или просто полотенце, которымъ онѣ обертываютъ голову подъ шею. Поверхъ шарпана надѣваютъ родъ повязки, вышитой узоромъ. Это — нашмакъ. Дѣвушки ходятъ съ непокрытою головой, заплетая волосы въ двѣ косы, а, по выходѣ замужъ, тотчасъ же надѣваютъ шарпанъ и нашмакъ. На ноги Черемисянки навертываютъ очень много черныхъ онучь, и чѣмъ Черемисянка богаче, тѣмъ толще у ней ноги. Главное украшеніе женщинъ состоитъ изъ ожерельевъ, составленныхъ изъ стеколъ, монетъ и лентъ, и изъ проволочныхъ длинныхъ серегъ.

Жилища. Живутъ Черемисы по деревнямъ въ 10, 20 и 30 домовъ. Двѣ или три деревни составляютъ общину, владѣющую землей безъ раздѣла. Каждая изъ деревень носитъ особенное названіе, которое Черемисы скрываютъ отъ каждаго посторонняго, по какимъ-то суевѣрнымъ предразсудкамъ. Отличіе Черемисскихъ деревень отъ русскихъ заключается въ томъ, что избы въ нихъ не выстраиваются въ одну прямую линію, а разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и непремѣнно обсажены густо деревьями, чего также нѣтъ у русскихъ. Но если избы Черемисъ, по наружности, пригляднѣе русскихъ, то нельзя этого сказать объ ихъ внутреннемъ устройствѣ. «Боже мой, какая отвратительная картина представилась глазамъ моимъ», говоритъ г-жа Фуксъ, «когда я вошла въ хижину знакомаго мнѣ мельника-черемиса! Черная, закоптѣлая отъ дыма изба, гдѣ полъ, кажется, никогда не былъ мытъ, столы и скамейки были покрыты пылью на цѣлый палецъ. Мельничиха, въ грязной одеждѣ, сидѣла въ углу и нюхала табакъ. Одинъ ребенокъ рылся въ корытѣ и бралъ изъ него кормъ, приготовленный для куръ; другой висѣлъ въ лубочной коробкѣ. По угламъ были разбросаны чашки, ложки и другая посуда, а куры безпрепятственно разгуливали по полу, по скамейкамъ и даже по столу. Отъ непріятнаго запаха я не могла пробыть въ избѣ болѣе двухъ минутъ.» Вотъ образчикъ внутренняго убранства черемисскихъ избъ. Конечно, у богатыхъ онѣ опрятнѣе, но, вообще, чистыхъ избъ у Черемисъ найдется немного.

Пища. Пища Черемисъ не роскошна. Хлѣбъ, овсяная каша и кислое молоко, да нѣкоторыя огородные овощи составляютъ ихъ обыкновенныя кушанья. До вина Черемисы большіе охотники, и запастись имъ къ празднику каждый изъ нихъ считаетъ своею непремѣнною обязанностію. Не случится у него денегъ, онъ продастъ овцу, но безъ вина никакъ не обойдется.

Характеръ. Главную отличительную черту характера разсматриваемаго народа составляетъ честность. Воровство въ глазахъ Черемисъ—самое важное преступленіе, и потому воръ всегда подвергается строжайшему наказанію. Его тотчасъ же отдаютъ въ

солдаты, или онъ, по неволѣ, дѣлается нищимъ. Никто не только не поможетъ ему въ нуждѣ, но даже не захочетъ съ нимъ знаться. Вслѣдствіе такого строгаго преслѣдованія каждаго вора, случаи воровства между Черемисами очень рѣдки. Оттого они ничего не держатъ подъ замкомъ, и къ каждому можно войти во дворъ кому вздумается. Никто не только не посмотритъ на него подозрительно, но даже не обратитъ вниманія. Нельзя также не похвалить Черемисъ за ихъ привязанность къ обычаямъ предковъ. Уважая все старое, они не допускаютъ у себя никакихъ нововведеній и наказываютъ рекрутчиной каждаго, кто бы вздумалъ перемѣнить бѣлый цвѣтъ одежды, или выкрасить избу.

Занятія. Главныя занятія Черемисъ—земледѣліе, скотоводство и охота. Земледѣліемъ, впрочемъ, Черемисы, особенно луговые (живущіе по лѣвому берегу Волги), занимаются неохотно, и причина этого заключается не въ лѣнности, а скорѣе въ томъ, что почва большею частію песчана или болотиста, а потому и неудобна для воздѣлыванія. Труды земледѣльца не только не вознаграждаются, но нерѣдко не собирается даже сѣмянъ, употребленныхъ на посѣвъ. Послѣ этого неудивительно, что Черемисы съ большею охотою занимаются другими промыслами, между которыми первое мѣсто занимаетъ охота. До сихъ поръ еще лѣса, растущіе по луговому берегу Волги, изобилуютъ медвѣдями, лисицами, волками, зайцами, бѣлками, куницами, а также рябчиками, тетеревами и другою дичью. Каждый Черемисъ ежегодно успѣетъ настрѣлять значительное количество разныхъ звѣрей и птицъ и, если живетъ по близости къ Казани, то везетъ туда самъ свою добычу, а иначе — продаетъ на ближайшемъ базарѣ, куда обыкновенно являются казанскіе барышники. Весною Черемисы приготовляютъ рогожи и кулье и также отправляютъ эти произведенія въ Казань, или же нанимаются у подрядчиковъ рубить дрова, плотить лѣсъ и, такимъ образомъ, заработываютъ порядочныя деньги.

Семейный бытъ Черемисъ не походитъ на русскій. У нихъ нѣтъ той патріархальности, какая характеризуетъ каждую русскую семью, и положеніе женщины очень близко подходитъ къ тому, въ какомъ она находится на востокѣ. Свадебные обряды Черемисъ, впрочемъ, не лишены интереса. Молодой Черемисянинъ, задумавшій жениться, отправляется съ пожилымъ родственникомъ или съ сосѣдомъ къ родителямъ невѣсты и дѣлаетъ предложеніе. Если женихъ не нравится родителямъ невѣсты, то они отказываютъ ему, говоря, что дочь ихъ еще молода и потому они не намѣрены выдавать ее замужъ; если же онъ придется по нраву старикамъ, то они тотчасъ же даютъ согласіе, и сватъ

отправляется отыскивать спрятавшуюся невѣсту, чтобы узнать также ея волю. На вопросъ: любъ ли ей женихъ, она отвѣчаетъ молчаніемъ, которое и служитъ знакомъ согласія. Если же она не намѣрена выйдти замужъ за сватывающагося, то запрячется такъ, что ея и не отыщетъ сватъ.

Получивъ согласіе родителей и невѣсты, женихъ отправляется домой, а на другой день, въ сопровожденіи свата и свахи, является на помолвку. Особенныхъ церемоній при помолвкѣ не наблюдается. Отецъ невѣсты, въ ожиданіи жениха, накрываетъ столъ и кладетъ на него каравай хлѣба и блюдо топленаго масла. Невѣста стоитъ тутъ же, у печки. Какъ только женихъ войдетъ въ избу, отецъ отрѣзываетъ ломтикъ хлѣба и намазываетъ его масломъ. Женихъ первый беретъ этотъ ломтикъ и подаетъ невѣстѣ, а та, откусивъ немного, передаетъ отцу. Отъ отца ломтикъ переходитъ къ матери, потомъ къ свату, къ невѣстѣ и наконецъ опять возвращается къ жениху, и онъ съѣдаетъ оставшійся кусочекъ.

На третій день къ родителямъ невѣсты являются родственники жениха и уговариваются о калымѣ (1) о приданомъ со стороны невѣсты, о днѣ свадьбы и проч. Цѣна, платимая за дѣвушку, зависитъ отъ состоянія жениха и никогда не превышаетъ сотни рублей. Приданое же, приносимое невѣстою, ограничивается нѣсколькими сорочками, нашмаками, онучами, да суконнымъ кафтаномъ и плисовой шапкой. Послѣдніе два предмета идутъ въ подарокъ жениху.

Въ день, назначенный для совершенія обряда, рано утромъ, къ жениху собирается весь свадебный поѣздъ. Напившись достаточно пива, всѣ разсаживаются по кибиткамъ, лучшая между которыми назначается для жениха съ дружкой, и, при звукахъ барабана и гуслей, акомпанируемыхъ неистовымъ крикомъ молодежи и хлопаньемъ въ ладоши, отправляются къ невѣстѣ. Въ ожиданіи жениха, невѣста, одѣтая въ бѣлую, красиво вышитую сорочку, сидитъ въ избѣ окруженная подругами, и плачетъ, если найдутся слезы. Какъ только крики и шумъ возвѣстятъ о пріѣздѣ жениха, въ избѣ начинается суматоха: кто пляшетъ, кто кричитъ. Невѣста же покуда остается на своемъ мѣстѣ, потомъ встаетъ и начинаетъ угощать пивомъ всѣхъ присутствующихъ. Подавая ковшикъ, передъ каждымъ изъ гостей она отворачивается и зажмуриваетъ глаза; подчуемый пьетъ и за угощеніе опускаетъ въ ковшъ серебряную или мѣдную монету. Въ то время,

(1) Калымъ — деньги, платимыя за невѣсту.

какъ въ избѣ идетъ подчиванье пивомъ, на дворѣ дѣлаются приготовленія къ особой церемоніи. Въ одномъ изъ угловъ двора ставится столъ, убранный нѣсколькими десятками бураковъ пива и разными кушаньями. За столъ садится женихъ съ своимъ поѣздомъ, и начинается угощеніе, доводящее многихъ изъ гостей до невозможности ходить иначе, какъ на четвереинькахъ. Пока жениховы гости пируютъ на дворѣ, невѣста успѣетъ угостить своихъ и опять садится на прежнее мѣсто. Отдохнувъ немного, она начинаетъ одѣваться въ свадебное платье, состоящее изъ кафтана, плисовой шапки и бѣлаго покрывала, потомъ, распростившись съ подругами, въ сопровожденіи свахи и дружекъ идетъ за приданымъ и сама передаетъ его жениху. Приданое, сложенное въ кожаные мѣшки, кладется подлѣ стола, за которымъ пировалъ женихъ и куда теперь садится невѣста, съ своими родителями. Посидѣвъ немного, она вынимаетъ изъ сундучка, принесеннаго вмѣстѣ съ приданымъ, двѣ шитыя сорочки и одну передаетъ отцу, а другую — матери, за что тѣ отдариваютъ деньгами. Послѣ этого слѣдуетъ выкупъ приданаго. Женихъ подходитъ къ мѣшкамъ, на которыхъ, въ знакъ того, что приданое еще не выкуплено, сидитъ дѣвочка, и предлагаетъ ей нѣсколько денегъ. Та, послѣ переговоровъ, принимаетъ ихъ и передаетъ невѣстѣ, а приданое относится въ кибитку. Женихъ, съ невѣстою и съ свахою, садится въ другую. Ихъ примѣру слѣдуютъ гости, и всѣ отправляются по близъ-лежащимъ деревнямъ, останавливаясь въ каждой, чтобы попить пива. Послѣ двухъ или трехдневнаго странствія по деревнямъ, женихъ привозитъ невѣсту въ свой домъ. Здѣсь уже давно все приготовлено для пріема. Въ избѣ, на столѣ, лежатъ хлѣбъ, соль и жареная курица, ногами вверхъ, а за столомъ сидятъ родители жениха. Дружка вводитъ молодыхъ и, поставивъ ихъ на колѣни передъ столомъ, самъ помѣщается на концѣ стола. Отецъ обращается къ дружкѣ и велитъ спросить невѣсту: «будетъ ли она почитать своего свекра?» Та отвѣчаетъ: да, и, въ свою очередь, спрашиваетъ: «будетъ ли онъ любить ее, какъ дочь?» Свекръ говоритъ: «да, если только она будетъ не лѣниво работать, ткать, прясть, жать, ходить за скотиной.» По окончаніи переговоровъ, невѣста подноситъ пиво свекру, свекрови и всей жениховой роднѣ, становясь передъ каждымъ на одно колѣно. За это подчиванье, соединяемое обыкновенно съ незначительными подарками, невѣсту благодарятъ деньгами. Затѣмъ женихъ и невѣста садятся опять въ кибитку и отправляются въ церковь, гдѣ совершается брачный обрядъ, а послѣ него опять слѣдуетъ пиръ.

Свадебныя церемоніи некрещеныхъ Черемисъ почти тѣ же

самыя. Разница заключается только въ томъ, что въ день помолвки невѣста даритъ жениха перстнемъ. Самый обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: на дворѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, только непремѣнно на открытомъ воздухѣ, нѣсколько сажень огораживаютъ досками, за которыми разбиваютъ палатку, а подлѣ нея ставятъ столъ съ караваемъ хлѣба, солью, буракомъ пива и съ двумя зажженными свѣчами. Потомъ картъ (жрецъ) беретъ жениха и невѣсту за руки, подводитъ ихъ къ столу и, ставъ впереди, читаетъ вѣнчальныя молитвы, въ которыхъ проситъ Юму (главное божество) послать имъ счастіе и любовь. Во время молитвы женихъ, невѣста и всѣ присутствующіе кланяются въ землю. По окончаніи этаго обряда, сваха ведетъ молодую въ палатку и, надѣвъ ей на голову женскій уборъ, выводитъ обратно, и тогда только картъ позволяетъ поцѣловаться новобрачнымъ. Поздравивъ другъ друга, молодые начинаютъ подносить гостямъ пиво, женихъ — женщинамъ, а молодая — мужчинамъ, становясь предъ каждымъ на колѣни.

Появленіе на свѣтъ ребенка также соединяется съ нѣкоторыми церемоніями. Какъ только родится ребенокъ, тотчасъ же посылаютъ за картомъ, который долженъ дать новорожденному имя. Картъ беретъ ребенка на руки, читаетъ молитвы и трясетъ его, чтобы заставить заплакать, а потомъ начинаетъ качать и, вмѣсто молитвъ, перебираетъ разныя имена. При какомъ имени ребенокъ перестанетъ плакать, то и даютъ ему. Если же не смотря на всѣ старанія карта, ребенокъ молчитъ, тогда онъ беретъ кремень и огниво, высѣкаетъ огонь и даетъ ребенку то имя, при произнесеніи котораго зажжется трутъ.

Религія. Большая часть Черемисъ обращена уже въ Христіанскую религію. Религіозныя понятія некрещеныхъ Черемисъ выражаются въ слѣдующихъ вѣрованіяхъ:

Богъ одинъ, но люди вѣруютъ въ него различно и каждый народъ имѣетъ свою вѣру, подобно тому, какъ каждое дерево въ лѣсу имѣетъ свои листья. Всѣхъ вѣръ на землѣ семьдесятъ семь, потому что люди говорятъ 77-ю языками.

Всѣ вѣры угодны Богу, потому что Онъ самъ каждому народу далъ свою вѣру, и перемѣна вѣры никогда не остается безъ наказанія.

Черемисы должны поклоняться благому существу—*Юма-Ланѣ* и злому — *Кереметю.*

По вѣрованію Черемисъ Юма есть творецъ міра и человѣка. Онъ управляетъ вселенною, почему и называется *Куружа*, что значитъ вседержитель. У Юмы есть семья, состоящая изъ слѣдующихъ членовъ:

Юмань-Аба — божія мать. Отъ нея зависитъ продолженіе человѣческой жизни.

Мландэ-аба — земная мать, управляющая землею.

Шочень-аба — мать рожденія. Отъ нея зависитъ увеличеніе числа членовъ семьи, а также приплодъ домашняго скота.

Кереметь, младшій братъ Юмы, существо также безначальное и вѣчное. Онъ долженъ былъ служить Юмѣ при созданіи міра и человѣка. По гордости, захотѣлъ Кереметь самъ дѣлать тоже, что дѣлалъ Юма, но, не будучи равенъ ему силами, только искажалъ твореніе Юмы. Такъ, когда Юма захотѣлъ создать сушу, то приказалъ Кереметю достать земли изъ подъ воды. Кереметь исполнилъ приказаніе Юмы, но, отдавая ему землю, часть ея оставилъ у себя во рту. Когда Юма, дунувъ на поданную Кереметемъ землю, велѣлъ ей покрыть воды, то и Кереметь выплюнулъ скрытую землю. Куда она попала — тамъ явились горы.

При созданіи человѣка Кереметь также испортилъ дѣло Юмы. Сотворивъ тѣло человѣка, Юма пошелъ въ другое мѣсто, въ намѣреніи создать душу, а чтобъ Кереметь, въ отсутствіи его, не насмѣялся надъ твореніемъ, велѣлъ псу, который былъ созданъ безъ шерсти, стеречь тѣло. По удаленіи Юмы, Кереметь дѣйствительно явился у бездушнаго тѣла и, чтобы склонить на свою сторону пса, произвелъ такой холодъ, что песъ чуть не замерзъ. Кереметь далъ ему шерсть, а онъ, въ благодарность, допустилъ своего спасителя къ тѣлу. Кереметь, изъ зависти, оплевалъ его и этимъ положилъ въ человѣкѣ зародышъ всѣхъ болѣзней.

Юма и вся его семья имѣютъ у себя докладчиковъ, называемыхъ Черемисами *Сакче*. Они созданы изъ камня, находившагося на небѣ. Каждый разъ, какъ ударялъ Юма въ этотъ чудесный камень, вылетали искры, обращавшіяся въ Сакчевъ. Сотворивъ Сакчевъ, Юма легъ отдохнуть, а въ это время Кереметь, подсмотрѣвшій за Юмою, началъ ударять въ тотъ же камень. Отъ его ударовъ также вылетали искры и также обращались въ Сакчевъ, но не добрыхъ, а злыхъ, недоброжелательствующихъ Черемисамъ.

Между религіозными праздниками языческихъ Черемисъ особенною торжественностію отличается *Суремъ*, или *Шуремъ*, отправляемый въ концѣ іюня мѣсяца. На немъ присутствуютъ только мужчины, и если покажется женщина, то всѣ приходятъ въ наступленіе и готовы наказать дерзкую даже смертью. Лѣтъ двадцать назадъ былъ такой случай: одна Черемисянка, недовольная своимъ сыномъ, который не только не почиталъ ее, но и бивалъ нерѣдко, рѣшилась пожаловаться на него Юмѣ въ то самое время, когда праздновался Суремъ. Придя на мѣсто мо-

ленія, она стала въ уединенномъ мѣстѣ и начала возсылать свои справедливыя жалобы. Погода до начала праздника была прекрасная; но вдругъ подулъ вѣтеръ, по небу заходили тучи, заблистала молнія, загремѣлъ громъ; началась страшная буря. Дождь залилъ священные костры; всѣ Черемисы пришли въ смятеніе и, увидя молящуюся женщину, бросились на нее, вѣря, что ея появленіе разгнѣвало бога грома. Если бы не случился здѣсь же непокорный сынъ, то бѣдная женщина, вѣрно, не осталась бы въ живыхъ.

Суремъ состоитъ въ томъ, что всѣ жители деревни собираюся въ лѣсу, около священнаго дерева, стоящаго обыкновенно посреди очищеннаго мѣста, окруженнаго высокимъ заборомъ. Собравшіеся Черемисы остаются здѣсь три дня, впродолженіе которыхъ имъ запрещается: курить и нюхать табакъ, пить вино и пиво. На четвертый день приносится жертва, въ которой долженъ участвовать каждый изъ присутствующихъ. Картъ раскладываетъ семь костровъ. Одинъ посвящается Юмѣ, другой—его женѣ, третій—сыну, и т. д. Потомъ, разложивъ передъ каждымъ изъ присутствующихъ бѣлую скатерть съ различными жертвенными яствами, онъ беретъ въ одну руку тарелку съ хлѣбомъ, а въ другую—кубокъ, наполненный медомъ или виномъ, и, подойдя къ костру, вожженному въ честь Юмы, начинаетъ читать молитвы. Участвующіе въ праздникѣ стоятъ сзади него, съ покрытыми головами и по временамъ падаютъ на колѣни. Послѣ этой вступительной молитвы, приводятъ къ огню коровъ и барановъ, назначенныхъ для принесенія въ жертву. Картъ беретъ воду и вспрыскиваетъ животныхъ. Вздрогнувшее семь разъ съ ряду приносится въ жертву, т. е. закалается жрецомъ, такъ, чтобы первые потоки крови пролились на священный огонь. Затѣмъ мясо убитаго животнаго возлагается на костеръ, а жрецъ подходитъ къ священному дереву и прилѣпляетъ къ нему зажженную свѣчку. Его примѣру слѣдуютъ всѣ присутствующіе и, иллюминовавъ дерево, бросаются въ послѣдній разъ на землю и молятъ Юму о ниспосланіи различныхъ благодѣяній [1]. По окончаніи молитвы, картъ

---

[1] Вотъ нѣкоторыя изъ моленій возсылаемыхъ Черемисами: «Родившимся дѣтямъ въ деньгахъ, хлѣбѣ, пчелахъ и скотоводствѣ счастіе дай? Птицъ и звѣрей ловить счастіе дай! Серебромъ и золотомъ надѣли и счастіе дай! Помоги государственныя подати заплатить! — Нѣкоторыя моленія замѣчательны особенною наивностію. Такъ напримѣръ: дай счастіе взять тройную цѣну за товаръ? Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастіе дай.»

беретъ голову, сердце и легкія жертвеннаго животнаго и бросаетъ въ огонь. Мясо съѣдается всѣми присутствующими.

Чествуя Юму различными праздниками и жертвами, Черемисы не менѣе боятся злаго духа. Они увѣрены, что Юма и другіе всегда добры къ человѣку и не дѣлаютъ ему ничего худаго; всѣ же бѣды и болѣзни причиняетъ злой духъ. Поэтому они посвящаютъ ему также рощи и, проѣзжая мимо нихъ, въ знакъ почтенія, непремѣнно сходятъ съ лошади и падаютъ ницъ. Случится кому изъ Черемисянъ занемочь, тотчасъ кто нибудь изъ его родственниковъ отправляется къ *мужлану* (колдуну), который смотря по достатку больнаго, велитъ принести злому духу въ жертву курицу, утку, гуся или овцу. Если надо помочь опасно больному, тогда приносится въ жертву баранъ. Его приводятъ въ кереметь (1), привязываютъ тамъ къ дереву на длинную веревку и, въ то время, когда бѣдное животное бѣгаетъ кругомъ, въ него тычатъ ножемъ, до тѣхъ поръ, пока оно испуститъ послѣднее дыханіе. Мясо убитаго барана варится тутъ же въ котлѣ, нарочно принесенномъ, и потомъ съѣдается, за исключеніемъ головы, носа и внутренностей, которыя бросаютъ въ огонь.

Если какое нибудь несчастіе постигнетъ всю деревню, тогда жители складываются и покупаютъ корову, которую приносятъ въ жертву такимъ же варварскимъ образомъ.

Въ заключеніе очерка быта Черемисъ, остается сказать объ ихъ погребальныхъ обрядахъ, которые, впрочемъ, очень просты. Тотчасъ послѣ смерти, тѣло покойника выносятъ на дворъ, обмываютъ и одѣваютъ въ чистое бѣлье и платье; затѣмъ вносятъ опять въ избу, кладутъ въ гробъ и зажигаютъ передъ нимъ одну или нѣсколько восковыхъ свѣчъ. Вечеромъ этого же дня, если покойникъ умеръ утромъ, или на другой день, относятъ гробъ на кладбище и зарываютъ въ могилу, при чемъ картъ читаетъ молитвы. Третій, седьмой и сороковой дни посвящаются на поминовеніе умершаго. Кромѣ этого, каждый годъ, въ апрѣлѣ, Черемисы поминаютъ своихъ умершихъ родственниковъ у себя дома. Поминки эти состоятъ въ томъ, что въ назначенный день въ каждой избѣ варятъ пиво, покупаютъ вино, пекутъ блины, ватрушки и разныя другія кушанья. Какъ только сядетъ солнце, берутъ восковыя свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ палкѣ, воткнутой въ стѣну у дверей. Каждому покойнику назначается особенная свѣчка, и, притомъ, отцу и матери большія, женѣ или мужу поменьше, а дѣтямъ самыя маленькія. Подъ свѣчами ставятъ пиво, вино, и

(1) Кереметь—мѣсто, посвященное злому духу.

двѣ чашки: одну пустую, а другую наполненную разнымъ кушаньемъ. Послѣ этихъ предварительныхъ приготовленій, начинаются поминки. Старшій изъ родственниковъ подходитъ первый, отщипываетъ блина, кладетъ его въ пустую чашку и молитъ Юму и адскаго судью, чтобы они успокоили усопшихъ, чтобъ имъ было весело, свѣтло и тепло. Потомъ онъ дѣлаетъ то же самое съ ватрушками, прихлебываетъ немного пива и вина и льетъ также въ чашку. Затѣмъ подходятъ прочіе родственники, по старшинству, и повторяютъ ту же церемонію. Въ заключеніе хозяинъ беретъ чашку, наполненную кушаньемъ, и, въ сопровожденіи всего собранія, несетъ ее на дворъ, гдѣ и выбрасываетъ кушанье собакамъ. Если онѣ ѣдятъ мирно, то это значитъ, что покойникамъ на томъ свѣтѣ хорошо, а если разгрызутся, то знакъ дурной. Послѣ этого возвращаются опять въ избу и начинаютъ пить и плясать.

Кромѣ этихъ частныхъ, семейныхъ поминокъ, бываютъ еще большія, отличающіяся только тѣмъ, что, въ заключеніе, карты, главные распорядители, надѣваютъ на себя платье покойниковъ и пляшутъ, а послѣ нихъ повторяютъ это всѣ гости. Оканчиваются большія поминки также ѣдою и питьемъ.

Чуваши. Въ сосѣдствѣ съ разсмотрѣннымъ нами народомъ живутъ Чуваши. Чуваши, извѣстные у Черемисъ подъ именемъ *курьмари*, то есть горцы, занимаютъ преимущественно правый берегъ Волги. По происхожденію они не принадлежать къ финскому племени, а скорѣе къ турецко-татарскому, чему служитъ доказательствомъ ихъ физіономія и языкъ. Нравами же, обычаями, религіею они вовсе не похожи на татаръ, хотя и находились подъ ихъ властію довольно долгое время, а походятъ на Черемисъ, съ которыми никогда не смѣшивались и не смѣшиваются.— Явленіе исключительное и необъяснимое.

Наружность и характеръ. Роста Чуваши обыкновенно маленькаго и не такъ стройны, какъ Черемисы. Лицо блѣдное и широкое, глаза сѣрые, волосы и борода рѣдкіе, но у всѣхъ черные, какъ смоль. Отличительную черту характера Чувашъ, народа вообще чрезвычайно робкаго и суевѣрнаго, составляютъ доброта и терпѣніе. Чувашинъ только тогда вступается за обиду, когда пьянъ. Въ такомъ случаѣ, обидѣвшій и обидчикъ садятся на телѣгу, оборотясь другъ къ другу спиной, и ѣдутъ судиться къ ближайшему волостному писарю. До суда, впрочемъ, дѣло никогда не доходитъ. Первый попавшійся на дорогѣ питейный домъ заставляетъ поссорившихся остановиться: они складываются, покупаютъ вина, напиваются, поклонятся другъ другу въ ноги,

опять садятся въ телѣгу, но уже рядомъ, и съ пѣснями возвращаются на мѣсто ссоры (¹).

Образъ жизни. Живутъ Чуваши, подобно Черемисамъ, въ деревняхъ, расположенныхъ на возвышеніяхъ и обсаженныхъ деревьями. Избы ихъ довольно грязны, но въ сравненіи съ черемисскими гораздо опрятнѣе. Земледѣліе, скотоводство и разведеніе куръ составляютъ главное занятіе Чуващъ. Куриныя яйца составляютъ самый важный предметъ торговли, и милліоны ихъ отправляются ежегодно въ Петербургъ. Образъ жизни Чуващъ однообразенъ и простъ. Встаютъ они съ зарею, умываются коекакъ, утираются грязною тряпицею, завтракаютъ хлѣбомъ и кислымъ молокомъ съ водою, а потомъ мужчины идутъ на полевыя работы, а женщины занимаются домашнимъ хозяйствомъ и приготовляютъ кушанье. Обѣдъ Чуващъ состоитъ обыкновенно изъ похлебки, сваренной изъ какихъ-то травъ, съ прибавкою небольшаго количества молока и масла, изъ мучныхъ лепешекъ и изъ курятины съ чеснокомъ. Послѣднее кушанье появляется, впрочемъ, только по праздникамъ. Мяса употребляютъ они мало, но за то любятъ всякаго рода дичину и не брезгаютъ также лисицами, особенно же любятъ рыбу, извѣстную у русскихъ подъ названіемъ бѣшенки. Вечеромъ мужчины занимаются плетеніемъ лаптей, а женщины ткутъ холстъ. Такъ проходитъ у Чуващъ день за днемъ, и только какой нибудь семейный или религіозный праздникъ нарушаетъ этотъ порядокъ.

Свадебные обряды. Между различными обрядами семейной жизни Чуващъ съ большею подробностью извѣстны намъ свадебные. Выборъ невѣсты находится въ полномъ распоряженіи родителей жениха. Задумавъ женить сына, отецъ отправляется къ родителямъ невѣсты, дѣлаетъ предложеніе и получивъ согласіе, торгуется о калымѣ (²). Цѣнность калыма бываетъ различна, но никогда не превышаетъ 80 рублей, къ которымъ прибавляется еще ведро водки и пудъ меда. Родители невѣсты, съ

(¹) Г-жа Фуксъ обвиняетъ Чуващъ въ мстительности, которая, по ея словамъ, доходитъ нерѣдко до того, что обиженный, желая, во что бы то ни стало, отмстить своему обидчику, идетъ къ нему во дворъ и вѣшается, единственно для того, чтобы навлечь на своего ненавистника самую страшную бѣду — слѣдственное дѣло.

(²) Невѣста всегда берется изъ чужой деревни на томъ основаніи, что бракъ съ знакомою дѣвушкою не принесетъ счастія, да и посторонніе подумать могутъ, что молодые люди были знакомы и любили другъ друга до свадьбы, а это нехорошо.

своей стороны, даютъ приданое. состоящее изъ коровы, нѣсколькихъ овецъ, домашнихъ птицъ и бѣлья. Дня за три до свадьбы невѣста отправляется прощаться съ своими знакомыми и подругами и разъѣзжаетъ до самаго вѣнца. Въ день свадьбы, у родителей невѣсты, на дворѣ, разставляются скамейки и къ одной изъ нихъ прикрѣпляются двѣ березки. Подъ ними помѣщаются родители невѣсты, а гости разсаживаются на остальныхъ скамьяхъ. Пріѣздъ жениха возвѣщается звономъ колокольчиковъ и страшнымъ крикомъ. Въѣхавъ на дворъ, женихъ, со всею свитою объѣзжаетъ скамейки и, сдѣлавъ три круга, останавливается. Дружка слѣзаетъ съ лошади, подходитъ къ отцу невѣсты и отдаетъ ему калымъ, а тотъ указываетъ мѣсто, назначенное для жениха. Потомъ начинается подчиванье пивомъ и водкою, привезенными женихомъ, а черезъ часъ или черезъ два новые крики и звуки колокольчиковъ возвѣщаютъ возвращеніе невѣсты съ прощальныхъ визитовъ. Женихъ тотчасъ же вскакиваетъ съ своего мѣста, высаживаетъ невѣсту изъ кибитки и ведетъ, или, лучше, несетъ въ избу, гдѣ начинается довольно плачевная церемонія. Невѣста беретъ пиво, подходитъ къ каждому гостю и, обънявъ его, плачетъ, на сколько достанетъ силы. Затѣмъ, какъ гость опустилъ уже деньги въ кружку съ пивомъ, она отходитъ къ другому и такимъ образомъ продолжаетъ до послѣдняго. По окончаніи этой церемоніи, невѣсту, одѣтую въ синій кафтанъ и прикрытую бѣлымъ, длиннымъ покрываломъ, подруги выводятъ на дворъ проститься съ отцомъ и матерью. При этомъ опять начинаются слезы и вопли. Распрощавшись съ родителями, невѣста садится верхомъ на лошадь, покрытую широкимъ и длиннымъ покрываломъ, украшеннымъ на концахъ вышивкою и кистями, и, въ сопровожденіи свахъ и нѣкоторыхъ изъ гостей, отправляется въ женихову деревню. По выѣздѣ изъ полевыхъ воротъ, весь поѣздъ останавливается; женихъ, ѣдущій по лѣвую сторону невѣсты, вынимаетъ плеть и ударяетъ три раза довольно больно свою будущую подругу, въ знакъ того, что она должна забыть дѣвичью волю и привыкать къ чужой сторонѣ. Въ жениховой деревнѣ поѣздъ останавливается на часъ или менѣе, чтобы дать время невѣстѣ надѣть женскій головной уборъ, а гостямъ — доставить случай выпить лишній разъ пива, а потомъ отправляется въ церковь. По окончаніи брачнаго обряда, всѣ собираются опять въ деревню жениха. Въ особой избѣ, приготовленной для пріема молодыхъ, ставится столъ украшенный по концамъ березками, и за него садятся родители жениха. Молодая, подъ большимъ покрываломъ, сопровождаемая свахами, входитъ въ избу и садтися у печки. Чрезъ нѣсколько минутъ

является женихъ, а за нимъ дружка, съ длинною палкою, къ концу которой привязанъ большой крючекъ. Обѣжавъ кругомъ избы три раза, дружка становится противъ невѣсты и крючкомъ приподнимаетъ съ нея покрывало, а свекръ подводитъ къ ней жениха и говоритъ ему: «Смотри на свѣтъ! Дай Богъ вамъ богатства въ хлѣбѣ и въ дѣтяхъ.» Затѣмъ невѣста наливаетъ пива въ небольшія чашки, разставленныя по скамьямъ, и, положивъ въ каждую какую нибудь мелкую монету, беретъ одну изъ нихъ, и подойдя къ свекру, подаетъ вмѣстѣ съ сшитою для него сорочкою. Пока свекръ пьетъ, она отходитъ къ печкѣ и становится на одно колѣно, потомъ принимаетъ пустую чашку, беретъ другую и подноситъ къ свекрови. Такая церемонія повторяется со всѣми родными, послѣ чего начинается пиръ, т. е. попойка, чѣмъ и оканчивается свадебный обрядъ.

Спустя недѣлю или дней десять, молодая отправляется къ деревенскому колдуну (іомзѣ). Іомза встрѣчаетъ ее съ ковшомъ пива, въ который положена серебряная монета. Молодая, ставъ на одно колѣно, пьетъ пиво, а монету беретъ себѣ и хранитъ ее, какъ святыню. Потомъ она посѣщаетъ своихъ родственницъ и, набравъ семь замужнихъ женщинъ и шесть дѣвушекъ, опять является къ іомзѣ. Всѣ замужнія, а также молодая становятся на колѣни, а дѣвушки наклоняютъ только головы. Іомза подходитъ къ молодой и, положивъ руку на ея голову, говоритъ:

«Дай тебѣ Тора (Богъ) счастія и здоровья.»

«Дай тебѣ Тора полонъ дворъ птицъ и скотины.»

«Дай тебѣ Тора долгой жизни.»

«Дай тебѣ Тора дѣтей и дождаться внучатъ.»

«Дай Тора, чтобы невѣстка тебѣ покорялась, такъ же, какъ ты должна теперь покоряться свекру и свекрови.»

«Живи тихо и смирно, бойся и люби мужа.»

Эта церемонія съ іомзой совершается обыкновенно у одной изъ старшихъ родственницъ молодой и оканчивается, какъ и всѣ другія, подчиваньемъ пивомъ, которое на этотъ разъ подноситъ сама хозяйка дома, а молодая, съ пришедшими съ нею чувашинками, все время стоитъ на колѣнахъ. По окончаніи подчиванья молодая встаетъ, присѣдаетъ, и этимъ оканчивается праздникъ.

Религія. Еще въ 1792 году началось обращеніе Чувашъ въ Христіанскую религію, и теперь большая часть изъ нихъ крещена. Что касается до миѳологіи некрещеныхъ Чувашъ, то о ней довольно трудно дать ясное понятіе, тѣмъ болѣе, что Чуваши вообще очень скрытны, не любятъ распространяться о своей религіи да, кажется, и сами очень плохо понимаютъ ее. Спросите у любаго Чувашина: «кто ихъ Богъ и какой онъ?» навѣрно

получите отвѣтъ: «не знай, бачка! Какъ можно знать, какой Богъ! мы Богъ не видалъ.» Впрочемъ, о миѳологіи Чувашъ можно замѣтить, что въ общихъ чертахъ она сходна съ черемисской. Разница заключается только въ томъ, что боги чувашскіе носятъ другія имена и число ихъ гораздо значительнѣе. Первое мѣсто между ними занимаетъ Тора, потомъ его супруга Тора-Амишъ, или Тора-Амоша, Торкуль—богъ хлѣба, и проч. Кромѣ добрыхъ боговъ, есть еще злой, также съ супругою. Его, какъ виновника всего злаго, очень боятся, и потому часто устраиваютъ въ честь его праздники и приносятъ жертвы.

Между религіозными праздниками самымъ важнымъ считается *Синзя*. Это тоже, что черемисскій Суремъ, и отправляется также передъ Петровымъ днемъ, въ то время, когда цвѣтетъ хлѣбъ. Во все это время Чуваши не работаютъ, думая, что всякій трудъ можетъ повредить хлѣбному цвѣту.

Погребальные обряды. Погребальными обрядами Чуваши также во многомъ напоминаютъ Черемисъ. Покойника, тотчасъ послѣ смерти, выносятъ на дворъ, моютъ, одѣваютъ въ праздничное платье и, положивъ въ гробъ, вносятъ опять въ избу. Въ гробъ кладутъ трубку, табакерку, различные инструменты, если покойникъ былъ ремесленникъ, а если женщина или дѣвица, то холстъ, пряжу и другія принадлежности женскаго рукодѣлья. Кромѣ всѣхъ этихъ предметовъ, необходимыхъ, по мнѣнію Чувашъ въ загробной жизни, каждому покойнику кладутъ деньги, и тѣмъ болѣе, чѣмъ богаче оставшіеся въ живыхъ родственники. Окрестные русскіе мужики знаютъ о такомъ обыкновеніи Чувашъ и потому нерѣдко похищаютъ изъ гроба деньги и еще подсмѣиваются надъ простодушными суевѣрами. Г-жа Фуксъ приводитъ по этому случаю одинъ забавный разсказъ. «Въ богатой семьѣ— говоритъ она — умеръ отецъ; его похоронили съ должною почестью, положивъ въ гробъ 100 рублей денегъ. Нѣкоторые проказники, узнавъ объ этомъ, разрыли могилу, раскрыли гробъ, вынули деньги и, чтобы позабавиться еще надъ дѣтьми покойника, посадили его и въ одну руку дали карты, а въ другую—штофъ водки; потомъ отправились къ дѣтямъ и объявили, что отецъ ихъ въ могилѣ играетъ въ карты и пьетъ вино. Дѣти сначала не повѣрили этому, но, придя на кладбище и, увидѣвъ своего отца сидящимъ, съ картами и водкою, начали увѣщевать его оставить это, потомъ положили еще денегъ и зарыли могилу. Деньги опять были похищены, а дѣтей увѣдомили, что отецъ не перестаетъ ни пить, ни играть. Чуваши опять отправились на могилу, но, вмѣсто увѣщаній, закопали гробъ покойника и

плотию завалили могилу? Безденежный покойникъ болѣе не раскрывался и не игралъ въ карты.»

Поминки. Всѣ Чуваши вѣрятъ, что покойники по временамъ выходятъ изъ могилъ и смущаютъ живущихъ. Поэтому, чтобы избавиться отъ такихъ выходцевъ, они хоронятъ покойниковъ обыкновенно въ дубовыхъ гробахъ, обитыхъ желѣзными обручами, а если покойникъ былъ злой человѣкъ, то вбиваютъ въ него два кола. Поминовеніе считается между Чувашами лучшимъ средствомъ умилостивить умершихъ и заставить ихъ оставаться въ могилахъ. Поэтому поминовеніе считается необходимостію и устроивается нѣсколько разъ въ году. Состоитъ оно въ томъ, что Чуваши пріѣзжаютъ на кладбище и привозятъ съ собою пиво, вино и различныя кушанья. Когда всѣ соберутся, тогда четыре іомзы выходятъ на средину кладбища, становятся на колѣни и просятъ Тору объ успокоеніи умершихъ. Въ этой молитвѣ принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, а по окончаніи ея каждый втыкаетъ у могилъ своихъ родственниковъ палки съ длинными платками или полотенцами и разстилаетъ холстъ, на который ставятся двѣ большія чашки. Въ одну изъ нихъ складываются всѣ съѣстные припасы, а другая остается пустою. Послѣ этихъ приготовленій начинаются поминки. Каждый изъ родственниковъ, начиная со старшихъ, подходитъ къ могилѣ и откусывая отъ каждаго кушанья, говоритъ: «мы поминаемъ васъ, ничего не жалѣемъ для васъ, молимъ Тору за васъ; но вы за то будьте смирны, не бранитесь въ могилахъ, не безпокойте насъ, не ходите къ намъ». Откусанные кусочки кладутся въ пустую чашку, куда вливается также немного пива и вина, и все это потомъ выбрасывается на могилы, при чемъ опять произносятся слова: «вставайте ночью, наѣдайтесь досыта, и вотъ вамъ полотенце утираться». Послѣ этой церемоніи, начинается попойка, сопровождаемая всегда отвратительными сценами, въ которыхъ особенно отличаются женщины. Однѣ изъ нихъ, опечаленныя воспоминаніемъ объ умершемъ мужѣ или родственникѣ и потерявшія уже разсудокъ отъ вина, кидаются на могилы, горько плачутъ, рвутъ на себѣ волосы, потомъ вдругъ вскакиваютъ и начинаютъ пляску. Другія же, недовольныя за что нибудь покойникомъ, бранятъ его, топчутъ могилу, плюютъ на нее и дѣлаютъ разныя другія непристойности. Такія отвратительныя сцены продолжаются довольно долго. Уходя съ кладбища, нѣкоторые изъ Чувашъ, кромѣ разнаго кушанья, оставляютъ на могилахъ рубашки, онучи, лапти и даже кафтаны. Все это остается на могилахъ очень недолго, потому что, какъ кладбище опустѣетъ, являются мужики и уносятъ оставленное. Впрочемъ, носитъ какую нибудь одежду, взя-

тую съ чувашскихъ могилъ, считается предосудительнымъ, и если мужикъ скажетъ другому: *на тебѣ, видно, и рубашка съ чувашскихъ мазарокъ»*, то это принимается за самую оскорбительную брань.

Образованіе. Что̀ касается до умственнаго образованія Чувашъ, то оно находится до того на низкой степени развитія, что одинъ изъ путешественниковъ увѣряетъ, будто бы они незнакомы даже съ раздѣленіемъ времени; но это неправда, Чуваши дѣлятъ годъ на тринадцать мѣсяцевъ и начинаютъ его съ ноября, который у нихъ называется *Іоба-ойхъ*, т. е. мѣсяцъ поминовенія. Воскресенье замѣняетъ у нихъ пятница. Чуваши имѣютъ много пѣсенъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ слышится довольно правильный размѣръ стиха. Въ примѣръ можно привести слѣдующую пѣсенку

Адя инге вурмана
Хора сирла пустярма,
Хора сирла пылъ бегехъ,
Эзе инге чонъ бегехъ.

Языкъ Чувашъ, отличается бѣдностію словъ и грамматическихъ формъ. Находясь прежде подъ властію Татаръ, а впослѣдствіи войдя въ сношеніе съ Русскими, они какъ у того, такъ и другаго народа заимствовали и заимствуютъ много словъ для обозначенія предметовъ для нихъ новыхъ, переиначивая, конечно, эти слова по своему. Такъ, напримѣръ, русское овинъ у нихъ обратилось въ *авынъ*, воръ въ *вуру*, башмакъ сдѣлался *пашмакъ*, присяга—*присакъ*, солдатъ—*салдакъ*, и пр. Впрочемъ, если говорить о взаимномъ вліяніи Русскихъ и Чувашъ, то въ этомъ отношеніи едва ли не сильнѣе Чуваши. Русскіе, живущіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ народцемъ, все болѣе теряютъ свою національность и не только заговорили языкомъ Чувашъ, но даже походятъ на нихъ физіономіею.

Мордва. Въ заключеніе этнографическаго очерка Казанской губерніи, остается упомянуть о Мордвѣ, которая, вмѣстѣ съ Черемисами, принадлежитъ къ финскому племени. Мордва раздѣляется на два племени: Эрзанъ, живущее по Окѣ, и Мокшанъ — по Окѣ и Сурѣ. Первое изъ этихъ племенъ отличается болѣе свѣтлыми и даже красноватыми волосами и, вообще, сохранило въ своей физіономіи финскій типъ болѣе, чѣмъ второе. Впрочемъ, какъ то, такъ и другое племя, въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, имѣютъ много общаго съ Чувашами, Черемисами, и Татарами. Что̀ же касается до отношеній Мордвы къ Русскимъ, то этотъ народецъ подчиняется русскому вліянію гораздо болѣе, чѣмъ остальные. Кромѣ языка, въ которомъ есть много татар-

скихъ словъ, и одежды, Мордвины почти ничѣмъ не отличаются отъ Русскихъ. Почти всѣ они обращены, уже въ Христіанскую религію и отстаютъ отъ своихъ языческихъ обрядовъ, которые въ общихъ чертахъ сходны съ черемисскими и чувашскими.

Изъ Казанской губерніи Волга вступаетъ въ Симбирскую, которая безспорно принадлежитъ къ самымъ роскошнымъ странамъ восточной части Европейской Россіи. Климатъ ея умѣреннѣе Казанскаго. Здѣсь встрѣчаются многія южныя растенія, а рожь и пшеница даютъ самъ-десять и даже самъ-двѣнадцать. Такимъ плодородіемъ впрочемъ, отличается только страна, расположенная между Камою, Волгою и Самарою, а далѣе къ югу она принимаетъ степной характеръ. Даже между Сурою и Волгой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются степныя растенія. Волга отъ самаго Симбирска начинаетъ склоняться къ юговостоку и, наконецъ, недалеко отъ Ставрополя, круто поворачиваетъ на востокъ и образуетъ дугу, извѣстную подъ названіемъ *Самарскаго лука*. Въ эту дугу впадаютъ два притока: Сокъ и Самара. Послѣдняя болѣе замѣчательна. Она беретъ начало въ степныхъ вершинахъ Общаго Сырта, на разстояніи 18-ти верстъ отъ рѣки Урала. Если бы черезъ этотъ узкій волокъ прорыть каналъ, то тогда бы Оренбургъ и Симбирскъ находились между собою въ прямомъ сообщеніи, которое бы на лѣтнее время, впрочемъ, должно было прекращаться по причинѣ мелководья Самары.

Подлѣ Сызрани оканчивается Самарскій лукъ и Волга, покинувъ Симбирскую губернію, принимаетъ югозападное направленіе и своимъ теченіемъ составляетъ границу сперва между губерніями: Саратовской и Самарской, а потомъ между Саратовской и Астраханской. Югозападное направленіе Волга сохраняетъ до самаго Царицына и въ этомъ мѣстѣ отдѣляется отъ Дона уз-

кимъ волокомъ, который не разъ давалъ мысль о соединеніи каналомъ двухъ рѣчныхъ системъ. Еще Петръ Великій тотчасъ же послѣ взятіи Азова, начертилъ планъ къ соединенію Волги съ Дономъ. Политическія обстоятельства помѣшали ему исполнить задуманную мысль; но она не оставляла ни его, ни его преемниковъ. Екатерина поручила изслѣдовать мѣстность и провести каналъ, но Пугачевскій бунтъ и на этотъ разъ помѣшалъ благому предпріятію. Работы, возобновленныя при императорѣ Александрѣ, не привели ни къ какимъ результатамъ и только въ 1846 г. стараніями частной компаніи была открыта желѣзноконная дорога между Дубовкою, на Волгѣ, и Качалинскою пристанью, на Дону. Со времени устройства этой дороги Дубовка сдѣлалось очень важною пристанью. Сюда ежегодно изъ губерній: Нижегородской, Казанской, Костромской, Вятской и Пермской привозится товаровъ на сумму до $1\frac{1}{2}$ милліона рублей. Главное мѣсто между привозимыми товарамм занимаютъ: хлѣбъ, лѣсъ, различныя деревянныя издѣлія, деготь, смола и желѣзо.

Часть Саратовской губерніи, расположенная по правому берегу Волги, сто лѣтъ назадъ, была, вѣроятно, степью; въ настоящее же время этотъ берегъ населенъ и обработанъ, хотя далеко не въ такой степени, какъ бы этого можно было ожидать. Гораздо позднѣе заселился лѣвый берегъ Волги. До половины прошлаго столѣтія это была совершенная пустыня, населенная орлами, коршунами и драхвами, да изрѣдка посѣщаемая шайками разбойниковъ. Мысль о колонизаціи лѣваго берега принадлежитъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ 1765 году вызваны были изъ Германіи колонисты и имъ отвели здѣсь огромные участки. Въ слѣдъ за этимъ помѣщики начали просить земель и выводили сюда сво-

ихъ людей изъ внутреннихъ губерній. Государственные крестьяне селились также охотно и до сихъ поръ не прекращается приливъ новыхъ переселенцевъ. Тяжко однако было въ началѣ житье для колонистовъ и много пришлось имъ вытерпѣть отъ кочевыхъ племенъ — Башкиръ, Калмыковъ и Киргизовъ. Въ первое время они не смѣли выходить на работу иначе, какъ вооруженные съ ногъ до головы. Эти тяжкія времена уже прошли и теперь о разбоѣ и уводѣ людей не слышно, и только иногда пропадетъ у колониста лошадь или корова, уведенная Киргизами. Первое мѣсто между всѣми колоніями, по благосостоянію, принадлежитъ нѣмецкимъ. Хлѣбопашество и разведеніе табаку составляетъ главное занятіе нѣмецкихъ колонистовъ, и ежегодно они доставляютъ до 350,000 четвертей пшеницы и около 250,000 пудовъ табаку.

Нижнее теченіе. Недалеко отъ Царицына, Волга, принявъ въ себя Сарпу, поворачиваетъ къ юговостоку и вступаетъ въ пустынную, Каспійскую степную низменность. Здѣсь уже Волга оставляетъ Европу и течетъ по Азіатской почвѣ, среди обширной низменности, разстилающейся между Уральскими и Кавказскими горами. Каждую весну долина Волги, имѣющая въ ширину верстъ 40, заливается водою и тогда представляетъ прекрасную картину. На необозримой водной поверхности возвышаются, въ разныхъ мѣстахъ, группы острововъ, покрытыхъ зеленью, а между ними скользятъ по рѣкѣ многочисленныя суда и лодьи. Отличительный характеръ нижняго теченія Волги заключается въ томъ, что она раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые то соединяются, то снова расходятся. Многочисленные острова, расположенные между этими рукавами, большею частію, поросли камышомъ и кустарникомъ, или покрыты травою.

Главный рукавъ Волги — Ахтуба. Онъ отдѣляется отъ нея въ 20-ти верстахъ выше Царицына и течетъ, параллельно ей, до самаго устья.

По высокому западному берегу Волги идетъ большая дорога изъ Казани и Саратова въ Астрахань. Здѣсь находятся древнѣйшія и самыя главныя Славянскія поселенія, между которыми Черноярскъ и Енотаевскъ занимаютъ первое мѣсто. Черноярскъ, построенный еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ (1620), расположенъ на возвышенномъ плодоносномъ берегу Волги, покрытомъ черноземомъ, что и дало, вѣроятно, городу его настоящее названіе. Енотаевскъ построенъ въ половинѣ прошлаго столѣтія и, кажется, съ цѣлію привлечь сюда князьковъ кочующихъ племенъ и пріучить ихъ, мало по малу, къ осѣдлой жизни.

За Енотаевскомъ степь постепенно понижается; почва становится все песчанѣе, попадаются цѣлыя груды наноснаго песку, а подъ нимъ лежитъ обыкновенно масса изъ раздробленныхъ раковинъ. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ этой ровной поверхности представляетъ гора *Богдо*, къ востоку отъ Черноярска. Окружность ея, у подошвы, простирается на 20 верстъ, а въ вышину поднимается она на 100 сажень слишкомъ. Калмыки называютъ ее *Богдо-Ола*, т. е. святая, великая гора, а также *Арсланъ-Ола* — львиная гора. Между ними до сихъ поръ сохранилось преданіе, что когда-то кочевалъ въ этихъ мѣстахъ *Далай-Лама* и создалъ гору Богдо. Поэтому-то, каждый проѣзжающій Калмыкъ считаетъ своею обязанностію поклониться святому мѣсту и ни одинъ изъ нихъ не рѣшится взобраться на эту гору, на томъ основаніи, что ступить на своего бога, значитъ, совершить ужасный грѣхъ. Гора Богдо наполнена окаменѣлостями такихъ животныхъ, какія мо-

гутъ существовать только въ морѣ. Что касается до природы этой области, то едва ли можно встрѣтить другую страну, столь же однообразную и бѣдную растительностію, какъ эта обширная степь, разстилающаяся по лѣвому берегу Волги. Ограниченная на сѣверо-западѣ Общимъ Сыртомъ, на западѣ Волгою, на югѣ Каспійскимъ моремъ и на востокѣ рѣкою Ураломъ, она занимаетъ пространство въ 650 верстъ въ длину и почти столько же въ ширину. Все это огромное пространство орошается небольшими степными рѣками (большой и малый Узени), да кое-гдѣ только попадаются озера, наполненныя дурной водой. (Камышъ-Самарское въ самой срединѣ). Небо вѣчно ясное, вѣчно голубое, разстилается надъ печальною степью. Дождливое время составляетъ исключеніе. Лѣтомъ температура не спускается ниже 20 и даже 30-ти градусовъ, и только холодные восточные вѣтры умѣряютъ жаръ, невыносимый во время безвѣтрія. Ночи бываютъ иногда холодны и вѣтрены. Нерѣдко вѣютъ въ степи бураны, одинаково гибельные и зимой, и лѣтомъ. Зима здѣсь бываетъ суровая. 20 и 30°-обыкновенная зимняя температура. Южная часть степей мало покрывается снѣгомъ, потому что сильные вѣтры сметаютъ его и заносятъ въ лощины и долины, расположенныя между песчаными холмами. Глубокій снѣгъ, впрочемъ, и въ особенности гололедица гибельны для степныхъ жителей и ихъ стадъ, которыя питаются зимой только тѣмъ, что выгребутъ себѣ изъподъ снѣга.

Характеристическую особенность правой приволжской степи, составляетъ множество соленыхъ озеръ, между которыми особенно замѣчательно — Эльтонъ. Дно этаго озера, имѣющаго въ окружности около 50-ти верстъ, наполнено слоями соли, которые, по мѣрѣ углу-

бленія, становятся все толще и крѣпче. Для изслѣдованія глубины пластовъ соли, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, начали буравить дно озера. Первые слои имѣли въ толщину отъ 1/2 до 2-хъ вершковъ; отдѣливши 42 пласта нашли, что толщина слѣдующихъ увеличичилась до 5 вершковъ и сама соль была тверже и лучше. Выломавши сто пластовъ дошли до такой твердой массы соли, что всѣ инструменты сломались. Въ настоящее время ломаютъ только верхніе пласты, не въ далекомъ разстояніи отъ берега, и ежегодно добываваютъ соли до 23-хъ милліоновъ пудовъ, которые, большею частію, идутъ въ губерніи: Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Симбирскую, Нижегородскую, Рязанскую, Тульскую и Воронежскую.

Степь, разстилающаяся по правую сторону Волги, еще печальнѣе. Поверхность ея состоитъ изъ желтоватой глины и пропитана солью. Обиліе ямъ и озеръ, наполненныхъ солью, а также множество раковинъ свидѣтельствуютъ, что все это пространство было когдато покрыто водою. Растительность здѣсь очень бѣдная и состоитъ преимущественно изъ полыни и только кое гдѣ попадается трава. Какъ ни печальна, какъ ни пустынна степь, разстилающаяся по обѣимъ сторонамъ Волги, но безчисленные памятники всякаго рода свидѣтельствуютъ, что она всегда была мѣстопребываніемъ кочующихъ племенъ. Повсюду, гдѣ только есть удобныя пастбища: по Волгѣ, Ахтубѣ, Сарпѣ, Кумѣ и Манычу, поверхность усѣяна многочисленными курганами, нерѣдко съ каменными истуканами, и остатками стѣнъ древнихъ капищъ.

Въ слѣдъ за паденіемъ Золотой орды, явились здѣсь Ногайцы, которые, потомъ, признали надъ собою власть Россіи и охраняли ея границы отъ Киргизскихъ набѣ-

говъ, но и они должны были уступить здѣшнія степи Калмыкамъ, которые до сихъ поръ кочуютъ на правомъ берегу Волги, между тѣмъ, какъ Заволжская степь и теперь занята Киргизами.

Калмыки. Слово Калмыкъ объясняется различно. Одни производятъ его отъ Татарскаго слова *Халимакъ*, что значитъ отставшій, а другіе составляютъ его изъ двухъ монгольскихъ словъ—*голь* огонь и *аймакъ*—родъ. Отсюда *Голь-аймакъ* или *Халимакъ*, или наконецъ *Калмыкъ*, т. е. огненный народъ .Калмыки издавна обитали въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ Китайской имперіи, а именно въ Зюнгаріи, громили когда-то вмѣстѣ съ Чингисханомъ и Батыемъ народы С. Восточной Азіи, и только въ началѣ XVII столѣтія поселились у Каспійскаго моря, а въ настоящее время кочуютъ преимущественно въ степяхъ, разстилающихся по правую сторону Волжскаго низовья.

Наружность. При первомъ взглядѣ на Калмыка не трудно узнать въ немъ настоящаго Монгола. Росту онъ средняго, статенъ, широкоплечъ, цвѣтъ кожи смуглый, лице плоско, глаза узки и прорѣзаны наискось, носъ приплюснутъ, ноздри широкія, губы толстыя, зубы правильные и бѣлые, уши длинныя и оттопырившіяся, волосы черные и на бородѣ рѣдкіе.

Характеръ. Главную отличительную черту характера Калмыковъ, послѣ простодушія, неопрятности и лѣни, свойственной всѣмъ кочующимъ народомъ, составляетъ суевѣріе. Ни одного важнаго дѣла Калмыкъ не предприметъ, не посовѣтовавшись съ знахаремъ, ни одинъ изъ нихъ не рѣшится убить комара, боясь погубить душу кого нибудь изъ родственниковъ, переселившуюся можетъ быть въ это насѣкомое. Случится Калмыку, на пути куда нибудь, завидѣть пролетѣвшую птицу, извѣстную подъ названіемъ *Луня*, онъ радуется этому, какъ хорошему знаку, снимаетъ шапку и отвѣшиваетъ три поклона. Замѣтитъ онъ зайца, спѣшитъ крикнуть ему въ слѣдъ и ударить по воздуху плетью, чтобы такимъ образомъ предотвратить несчастіе. Огниво, оброненное въ дорогѣ, Калмыкъ ни зачто не подыметъ; сѣсть на порогѣ или погрѣть ноги у огня считаетъ страшнымъ беззаконіемъ, а если закуритъ трубку клочкомъ бумаги, то навѣрное умретъ очень скоро.

Всѣ эти суевѣрія Калмыковъ могутъ служить доказательствомъ низкой степени ихъ умственнаго развитія. Впрочемъ, по свидѣтельству людей, довольно долгое время жившихъ между Калмыками, природа не обидѣла этотъ народъ умственными способностями. Воображеніе и даже остроуміе особенно развиты въ Кал-

мыкахъ и ясно выражаются въ ихъ сказкахъ и пословицахъ. Нѣкоторыя изъ калмыцкихъ сказокъ такъ длинны, что ихъ надо разсказывать нѣсколько вечеровъ и отличаются отъ нашихъ своею формою. Онѣ не разсказываются, а поются. Мы приведемъ одну изъ нихъ — про лѣвый глазъ.

«Давнымъ давно, когда еще Калмыки управлялись своими ханами, жилъ на концѣ одного улуса старикъ съ тремя дочерьми. Младшая изъ нихъ *Коокю* была и красивѣе, и умнѣе своихъ сестеръ. Въ одно утро старикъ, отправляясь на ханскій базаръ продавать скотъ, обращается къ дочерямъ и спрашиваетъ, какой имъ привести подарокъ. Двѣ старшія попросили нарядовъ, а младшая отказалась отъ подарка, говоря, что ея желаніе исполнить трудно и даже опасно. Старикъ отецъ, любя свою Коокю больше другихъ, настаивалъ, чтобы она высказала свое желаніе, обѣщая исполнить его во что бы то ни стало. Если такъ, сказала красавица, то прошу тебя сдѣлать вотъ что: продай весь скотъ за какую хочешь цѣну, оставь только кургузаго бычка и не отдавай его ни за какія деньги, а проси лѣвый *ханскій глазъ*. Удивился отецъ такому требованію, но, вспомнивъ данное обѣщаніе, рѣшился исполнить желаніе дочери-любимицы. И вотъ онъ на базарѣ, распродалъ уже весь скотъ, только кургузаго бычка не продаетъ. Покупателей много, но никто не можетъ предложить лѣваго ханскаго глаза и только дивится старику. Скоро придворные хана узнали о такомъ дерзкомъ требованіи старика и запретили ему повторять оскорбительную для хана нелѣпость; но старикъ не послушался, и потому его связали и представили самому хану. Владѣтель кургузаго бычка бросается къ ногамъ хана и признается, что младшая дочь научила его требовать за товаръ лѣваго его глаза. Ханъ потребовалъ къ себѣ виновницу нарушенія къ нему должнаго почтенія и, когда Коокю явилась, спросилъ ее: зачѣмъ она научила отца просить лѣваго ханскаго глаза? Затѣмъ отвѣчала Коокю, чтобы ты, государь, услышавъ такое странное требованіе пожелалъ меня видѣть и тѣмъ бы доставилъ мнѣ случай сказать тебѣ одну очень важную и полезную истину. У тебя, государь, продолжала Коокю, изъ двухъ подсудимыхъ всегда богатый и сильный стоитъ по правую сторону, а бѣдный и незнатный занимаетъ лѣвую. Ты чаще оправдываешь знатныхъ и богатыхъ и вотъ причина, почему я уговорила отца просить твоего лѣваго глаза. Онъ у тебя лишній. Ты не видишь имъ бѣдныхъ и беззащитныхъ. Ханъ былъ раздраженъ такимъ отвѣтомъ Коокю и поручилъ ее судить за дерзость. Былъ собранъ совѣтъ, и главный въ немъ, старшій Лама, предложилъ прочимъ

товарищамъ узнать — отъ злобы или отъ мудрости Коокю рѣшилась на такой неслыханный поступокъ.»

«Для этого, прежде всего, послали къ Коокю дерево, обтесанное ровно со всѣхъ сторонъ, съ приказаніемъ узнать, на которомъ концѣ была вершина и на которомъ корень. Коокю не задумалась: она бросила дерево въ воду, корень потонулъ, а вершина всплыла на верхъ, Потомъ судьи прислали ей двѣ змѣи — узнать, которая изъ нихъ мужскаго пола и которая женскаго. Коокю положила обѣихъ змѣй на хлопчатую бумагу, и замѣтивъ, что одна свернулась клубкомъ, а другая ползала, признала первую женскаго пола, а послѣднюю мужскаго.»

«Разрѣшеніемъ этихъ двухъ задачь судъ убѣдился, что Коокю оскорбила Хана не изъ злобы, но Ханъ не удовольствовался этимъ рѣшеніемъ и самъ принялся испытывать ее. Между многими задачами, предложенными Ханомъ для разрѣшенія, нѣкоторыя были дѣйствительно трудны, но только не для Коокю. Какое средство сдѣлаться извѣстнымъ? спросилъ ханъ. Оказывать помощь неизвѣстнымъ, отвѣчала Коокю. Кто истинно мудръ?—Тотъ кто самъ не считаетъ себя такимъ! — Въ чемъ заключаются достоинства совершенной жены?—Она должна быть прекрасна, какъ пава, кротка, какъ агнецъ, осторожна, какъ мышь, справедлива какъ вѣрное зеркало, чиста какъ рыбья чешуя, должна тужить объ умершемъ мужѣ, какъ верблюдица и, сдѣлавшись вдовою, жить какъ облинялая птица. — Ханъ изумленъ былъ такими умными отвѣтами, но, желая во что бы то ни стало наказать Коокю за упрекъ сдѣланный ему въ неправосудіи, придумалъ для этаго самое вѣрное повидимому средство. Онъ потребовалъ отъ Коокю, чтобы она назвала то, что для него всего дороже, говоря, что послѣ этаго онъ признаетъ ее мудрою женщиною. Коокю согласилась и на это, но потребовала, чтобы ханъ въ продолженіи четырехъ сутокъ повиновался ей во всемъ. Получивъ согласіе, она запретила хану ѣсть четыре дня и когда, въ послѣдній день, поставила передъ нимъ блюдо съ мясомъ, то онъ долженъ былъ сознаться, что всѣ его сокровища не стоятъ одного куска.»

«Послѣ этаго ханъ не только призналъ Коокю мудрою женщиною, но даже выдалъ ее замужъ за своего сына и позволилъ напоминать иногда о лѣвомъ глазѣ.»

Въ пословицахъ Колмыковъ, не трудно также замѣтить вѣрный взглядъ на вещи и остроуміе. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ:

«При хорошей надеждѣ и у козленка глаза красны.»

«Если хочешъ получить барана, проси верблюда.»

«Чудесами счастья и щука можетъ щипатъ листья съ деревъ, растущихъ на горѣ.»

«Кипарису лучше переломиться, нежели погнуться, а честному человѣку лучше умереть, чѣмъ унизиться.»

«Близкая къ смерти мышь и у кошки хвостъ откуситъ.»

«Несправедливо добытая пища въ зубахъ вязнетъ.»

«Ястребъ полета не перемѣняетъ, а царь слова не измѣняетъ.»

«Въ степи и жукъ мясо.»

«Застарѣлая жена для дома помѣха, застарѣлая дѣвица для дома убытокъ.»

Образъ жизни. Главное занятіе Калмыковъ—скотоводство, а потому образъ ихъ жизни кочевой. Каждый хотонъ остается на одномъ мѣстѣ не болѣе двухъ или трехъ недѣль. Перекочевка составляетъ для Калмыковъ праздникъ. Все имущество, не исключая и кибитки, навъючивается на верблюда и покрывается ковромъ, если хозяева люди достаточные. Женщины и дѣвушки, разряженныя по праздничному, вмѣстѣ съ мальчиками гонятъ скотъ. Малолѣтнія, посаженныя въ ящики, привязываются къ бокамъ навьюченныхъ верблюдовъ, а мать съ самымъ маленькимъ, помѣщается на самомъ верху. Впереди ѣдутъ верхами мужчины и указываютъ путь. Вся эта масса движущихся людей и животныхъ посреди неоглядной степи, представляетъ картину довольно живописную. Передвиженіе продолжается иногда нѣсколько дней сряду, и вовсе не наскучаетъ Калмыкамъ. Они давно привыкли къ такимъ безпокойствамъ, знаютъ, что безъ нихъ обойтись нельзя, а если подчасъ и взгрустнется въ дорогѣ, то стоитъ вспомнить какую-нибудь пѣсенку или сказку—и скуку, какъ рукой сниметъ. Но вотъ наконецъ кочевники прибыли на мѣсто, покрытое обильно травою: они разъвъючиваютъ верблюдовъ и принимаются за устройство жилья, на что требуется не много времени. Черезъ полчаса остовъ кибитки готовъ. По формѣ она похожа на воронку съ срѣзаннымъ горлышкомъ и опрокинутую на круглый сосудъ, ровный съ нею окружностію. Снаружи кибитка обкладывается войлочными коврами, а съ внутренней стороны охватывается ковромъ, сплетеннымъ изъ камыша. Съ одной стороны кибитки оставлено отверстіе, въ которое вставляется рѣшетка, а къ рѣшеткѣ придѣлывается дверь, закрываемая пологомъ. Днемъ двери постоянно открыты, и свѣтъ входитъ черезъ нихъ или черезъ верхнее отверстіе. Земляной полъ кибитки лѣтомъ прикрывается войлоками и коврами, а зимою ихъ замѣняютъ кожи и шкуры различныхъ животныхъ.

Внутреннее устройство кибитки также требуетъ немного труда и времени. Прямо противъ двери, у задней стѣны, ставится

низенькая кровать. По лѣвую сторону отъ нея устроивается такъ называемый большой *бáранъ*, мѣсто самое священное для каждаго Калмыка, хранилище религіозныхъ предметовъ и всѣхъ драгоцѣнностей калмыцкой семьи. Основаніемъ, для большаго бáрана служатъ попоны и различные вьючные снаряды, а поверхъ ихъ ставятся сундуки съ платьемъ. Все это покрывается коврами, а на нихъ уже ставятъ ящики съ бурханами [1]. Передъ бурханами, разставленными на крышкѣ ящика, стоитъ маленькій деревянный столикъ съ серебряными или мѣдными чашечками, въ которыя кладутся жертвы, т. е. пшеница, крупа и разныя куренія. Передъ бурханнымъ столикомъ втыкается въ землю заостренный деревянный шестъ съ серебрянною чашечкою, куда кладется или вливается та часть кушанья, которая должна быть первымъ кускомъ, или первымъ глоткомъ старшаго въ семьѣ лица, при общей трапезѣ. По правую сторону отъ двери, напротивъ большаго бáрана, находится малый *бáранъ*. Здѣсь стоитъ большой сундукъ, на которомъ разставлены различные съѣстные припасы, вино и лучшая утварь, а подлѣ него располагаются котлы и другая посуда, употребительная въ домашнемъ хозяйствѣ Калмыка. Устройство кибитки снаружи и внутри всегда составляетъ обязанность хозяйки. Мужчина состроитъ только остовъ кибитки и сдѣлаетъ, если надо, кой-какія поправки. Остальное время онъ проводитъ на охотѣ, или пасетъ стадо, или ничего не дѣлаетъ. Забота же о домашнемъ хозяйствѣ падаетъ обыкновенно на женщину.

Оставляя въ сторонѣ многія мелочныя подробности домашняго быта Калмыковъ, мы обратимъ вниманіе на болѣе характеристическія особенности этого народа. Начинаемъ съ семейной жизни.

Семейная жизнь. Въ семейномъ быту Калмыковъ женитьба сына и выдача дочери замужъ составляетъ главный источникъ радостей. Выборъ невѣсты у Калмыковъ находится въ полномъ распоряженіи родителей. Впрочемъ, съ ихъ стороны принужденія никогда не бываетъ и, если сынъ объявитъ, что выбранная невѣста ему не по нраву, то этимъ дѣло и кончается. Считая, по справедливости, женитьбу дѣломъ самымъ важнымъ въ жизни, Калмыки никогда не начинаютъ его безъ благословенія гелюнга (священнослужителя). Если онъ, посовѣтовавшись съ созвѣздіями, подъ которыми родились женихъ и невѣста, объявитъ, что препятствій къ соединенію нѣтъ, тогда одинъ изъ пожилыхъ родственниковъ жениха отправляется къ родителямъ невѣсты, под-

[1] *Бурханами* называются калмыцкіе идолы.

чуетъ ихъ водкою и объявляетъ о цѣли своего посѣщенія. Отказъ бываетъ рѣдко. Родители невѣсты, изъявивъ свое согласіе на сдѣланное предложеніе, должны ждать формальнаго сватовства. Чрезъ нѣсколько дней отецъ жениха, запасшись виномъ, бараномъ, доскою кирпичнаго чая и сверткомъ бумаги, въ который положены сыромятный ремешокъ и кусочекъ рыбьяго клея, въ сопровожденіи нѣсколькихъ знакомыхъ, непремѣнно женатыхъ, отправляется въ хотонъ невѣсты. Войдя въ кибитку прежде всего онъ подчуетъ всѣхъ присутствующихъ виномъ, а потомъ тащитъ барана, съ котораго пріятели сдираютъ шкуру и кладутъ варить въ котелъ. Узелокъ съ чаемъ, ремешкомъ и клеемъ передается невѣстину отцу. Чай идетъ на угощеніе, а остальные предметы замѣняющіе наши кольца, кладутся на бурханный столикъ

Послѣ сватовства слѣдуетъ сговоръ, состоящій въ томъ, что женихъ отправляется въ хотонъ невѣсты и даритъ ее шитыми платками и разными матеріями. По этому случаю устроивается, разумѣется, пирушка.

Между сговоромъ и самою свадьбою проходитъ нерѣдко цѣлый годъ, а иногда болѣе. Въ продолженіе этаго довольно долгаго промежутка, по временамъ навѣщаютъ невѣсту то женихъ, то его родственники. Когда исполнится невѣстѣ 16 лѣтъ, тогда родители жениха обращаются къ гелюнгу и просятъ его назначить мѣсяцъ и день, счастливый для совершенія брачнаго обряда. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, вся женихова родня, отправляется къ невѣстѣ. Первый день проходитъ въ угощеніи, а на слѣдующій родители жениха объявляютъ родителямъ невѣсты о своемъ желаніи совершить брачный обрядъ и, при этомъ, стараются выспросить обиняками, какъ великъ долженъ быть расходъ съ жениховой стороны и какіе подарки надо сдѣлать почетнымъ гостямъ, знакомымъ и родственникамъ невѣсты. О придачномъ рѣчи никогда не бываетъ. Впрочемъ, невѣста всегда получаетъ вещи, необходимыя въ домашнемъ хозяйствѣ.

Въ день свадьбы женихъ съ товарищами и съ добрымъ запасомъ вина и мяса, отправляется къ тестю, гдѣ и устроивается пиръ. Подъ конецъ пира, жениха приглашаютъ въ кибитку невѣсты, въ которой приготовлено уже приданое, и показавъ ему богатство, отсылаютъ въ его хотонъ. Иногда входъ въ невѣстину кибитку охраняютъ ея подруги, вооруженныя палками, и жениху стоитъ немалаго труда добраться до своей суженой. Чтобы избавиться отъ палочныхъ ударовъ, онъ даритъ невѣстиныхъ подругъ различными лакомствами; буянки утихаютъ и женихъ безопасно выноситъ невѣсту изъ кибитки, сажаетъ ее на лошадь позади себя, и такимъ образомъ, отправляется въ хотонъ своихъ ро-

дителей. Здѣсь заранѣе уже приготовлена кибитка для молодыхъ, и передъ нею совершается брачный обрядъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: передъ входомъ въ кибитку разстилаютъ коверъ,а поверхъ его кладутъ бѣлый войлочный тюфячекъ. За ковромъ стоитъ столикъ съ бурханами, передъ которыми лежитъ въ жертвенной чашкѣ баранья лопатка — эмблема богатства. Женихъ и невѣста, окруженные гостями и родственниками, становятся передъ бурханнымъ столикомъ, гелюнгъ прочитываетъ нѣсколько молитвъ, послѣ чего женихъ и невѣста садятся на коверъ. Спустя нѣсколько минутъ, гелюнгъ беретъ платокъ, которымъ было прикрыто лице невѣсты и, завернувъ въ него баранью лопатку, передаетъ ее сочетающимися. Женихъ беретъ лѣвою рукою, а невѣста—правою. Затѣмъ гелюнгъ, прочитавъ опять нѣсколько молитвъ, велитъ молодымъ встать и сдѣлать три земныхъ поклона. Не выпуская кости изъ рукъ, они исполняютъ приказаніе и при этомъ произносятъ слѣдующія слова:

«Покланяюсь я первымъ поклономъ Господу Богу, отцу-матери моему.»

«Покланяюсь я вторымъ поклономъ свѣтилу моего дорогаго дня—солнцу моему и свѣтилу моему дорогой ночи—лунѣ моей.»

«Даемъ клятву любить другъ друга, почитать, уважать и вмѣстѣ дѣлить всѣ горести и радости жизни.»

Послѣ этого гелюнгъ, взявъ со стола бурхана, касается имъ головы жениха и невѣсты, чѣмъ и оканчивается главная часть брачнаго обряда. Остальныя церемоніи совершаются уже въ самой кибиткѣ. Войдя туда, молодые дѣлаютъ три поклона передъ бурханами и потомъ садятся по своимъ мѣстамъ: женихъ въ изголовьи постели, а невѣста—въ ногахъ. Когда всѣ гости соберутся въ кибитку и, займутъ свои мѣста, гелюнгъ беретъ баранью лопатку и, срѣзавъ съ нея мясо, раздѣляетъ между женихомъ, невѣстою и ихъ родителями. Мясо съѣдается тутъ же, а лопатка хранится, какъ святыня, какъ залогъ семейнаго счастья. Исполнивъ эту послѣднюю обязанность, гелюнгъ оставляетъ общество, давно уже занятое мыслью о пирушкѣ, которая длится иногда дня три. Необходимую принадлежность свадебнаго пира составляетъ борьба, самое любимое удовольствіе Калмыковъ, не смотря на то, что они каждый разъ расплачиваются за него не только ушибами, но и вывихами. Брачные обряды знатныхъ Калмыковъ отправляются нѣсколько иначе. Впрочемъ, главное различіе состоитъ только въ слѣдующемъ: За невѣстою отправляется обыкновенно одинъ изъ ближнихъ родственниковъ жениха. Женихъ встрѣчаетъ свою суженую на дорогѣ и здѣсь совершается брачный обрядъ. Подъѣхавъ къ кибиткѣ супруга,

невѣста не сходитъ съ лошади до тѣхъ поръ, пока ее не снимутъ. Лошадь невѣстина пускается на волю и достается тому, кто первый ее поймаетъ. Это имѣетъ тотъ смыслъ, что съ выходомъ за мужъ дѣвушка уже не имѣетъ никакой возможности возвратиться къ прежней жизни.

Что касается до значенія Калмычки въ семьѣ, то оно гораздо выше въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ женщина пользуется у другихъ народовъ, стоящихъ на одинаковой степени развитія съ Калмыками. Законы, утвержденные обычаемъ, признавая женщину полною хозяйкою дома, строго опредѣляютъ въ отношеніи къ ней поведеніе мущины. Мущина не только не имѣетъ права ударить женщины, но долженъ обходиться съ нею съ большимъ почтеніемъ. Такъ напр. прося ее на танецъ, долженъ стать передъ нею на колѣни, приложить руку ко лбу и потомъ коснуться колѣна своей дамы; женщина же, приглашая мущину, только наклоняется предъ нимъ и рукою касается его плеча. Отъ угощенія, предлагаемаго женщиною, мущина не имѣетъ права отказываться, а если онъ, проѣзжая, замѣтитъ женщину, желающую слѣзть съ лошади, то долженъ немедленно соскочить со своей и оказать помощь. Все это такъ должно-бы быть по законамъ, но законъ у Калмыковъ, какъ и у многихъ, даже болѣе образованныхъ народовъ исполняется не очень строго и всегда дозволяетъ дѣлать исключеніе. Калмыкъ учтивъ съ женщиною только въ собраніи, при постороннихъ, а въ семьѣ вовсе не церемоненъ и частенько бьетъ свою жену, не только за каждое малѣйшее опущеніе въ хозяйствѣ, но даже за то, что она перешагнетъ черезъ его ноги, нагайку, винтовку, или только задѣнетъ за нихъ подоломъ. Расторженіе брака также запрещено закономъ, но обычай утвердилъ за мужемъ право, если онъ не доволенъ женою, прогнать ее, не давъ никакихъ средствъ къ содержанію. Если же мужъ хочетъ разстаться съ нелюбимою женою честно, то обыкновенно устроиваетъ у себя обѣдъ, на который приглашаетъ всѣхъ родственниковъ, а послѣ обѣда велитъ подвести женѣ осѣдланную лошадь, на которой она и отправляется въ хотонъ своихъ родителей.

Кромѣ домашняго хозяйства на Калмычкѣ лежитъ забота о воспитаніи, или лучше сказать, объ уходѣ за дѣтьми. Рожденіе дѣтей у Калмыковъ не соединяется съ особенными церемоніями. Новорожденнаго выносятъ изъ кибитки, и первый бросившійся въ глаза предметъ служитъ ему именемъ; будетъ-ли это собака, змѣя, или что нибудь другое. Иногда призывается гелюнгъ и онъ нарекаетъ имя новорожденному по своей книгѣ. Кромѣ этого имени, каждый Калмыкъ носитъ еще особенное прозвище, какъ напр: *бадма*—цвѣтокъ, *нарбо*—драгоцѣнность и проч. Года

считаются не отъ рожденія, а по расчету времени до рожденія, и такъ какъ новый голъ есть день общаго рожденія, то родившемуся за нѣсколько дней до этаго праздника (24-го Ноября) считаютъ уже 2 года. На воспитаніе дѣтей Калмыки обращаютъ немного вниманія. Какъ только ребенокъ станетъ на ноги, родительскія попеченія о немъ прекращаются, и онъ помаленьку знакомится съ тѣми лишеніями, которыя неизбѣжно соединены съ калмыцкимъ образомъ жизни. Лѣтъ 8-ми мальчика отдаютъ къ какому-нибудь гелюнгу на выучку. Обученіе ограничивается чтеніемъ и письмомъ и продолжается года два или три, за что учитель получаетъ подарки только въ началѣ и въ концѣ курса. Дочери не только бѣдныхъ, но и богатыхъ Калмыковъ грамотѣ не обучаются. Когда дѣвочкѣ исполнится 13 лѣтъ, а мальчику лѣтъ 15-ть, родители шлютъ за ближайшими родственниками и приглашаютъ гелюнговъ. Совершивъ краткое молитвословіе передъ бурханами, вводятъ сына, или дочь въ кибитку и, въ первый еще разъ, обрѣзываютъ волосы на вискахъ. Съ этого времени дѣвочка становится дѣвицей, невѣстой, а мальчикъ юношей, женихомъ. Пройдетъ еще немного времени и они сами обзаводятся семьей.

Представивъ краткій очеркъ семейныхъ обрядовъ Калмыковъ, намъ остается сказать объ ихъ религіи и о внутреннемъ устройствѣ ихъ быта.

Религія. Религія, исповѣдуемая Калмыками, извѣстна подъ названіемъ Ламайской. Она называется также Буддійскою, отъ имени своего основателя Будды, который былъ сынъ Индѣйскаго царя Саддоданы, жившаго въ VII ст. до Р. Х. Ученіе Будды, переходя изъ рода въ родъ, искажалось все болѣе и въ настоящее время буддизмъ представляетъ смѣсь самыхъ нелѣпыхъ вѣрованій.

По мнѣнію буддистовъ, прежде созданія міра существовала громадная пропасть, имѣвшая слишкомъ тридцать милліоновъ верстъ въ глубину и около восьмидесяти тысячъ въ ширину. Со дна этой пропасти поднялись златоцвѣтныя облака, сгустились въ громовую тучу, которая разразилась проливнымъ дождемъ, образовавшимъ всемірный океанъ. Этотъ океанъ имѣлъ въ длину безъ малаго девять милліоновъ верстъ, а въ ширину около десяти. Съ теченіемъ времени, на его поверхности отъ вѣтра накопилась пѣна, и изъ нея образовался міръ. Прежде всего появилась гора Сюммэръ, имѣющая въ вышину болѣе трехсотъ тысячъ верстъ. Вершина этой исполинской горы, видимой только на половину, оканчивается обширною равниной, а сама она имѣетъ форму четырехсторонней скалы. Каждая сторона имѣетъ особенный цвѣтъ: восточная—серебряный, западная—красный,

южная — голубой, и сѣверная — золотой. Вокругъ Сюммэра расположены четыре большіе острова, составляющіе четыре части свѣта. Южный изъ нихъ населенъ нами, восточный — людьми, живущими по сту-пятидесяти лѣтъ, западный, обильный рогатымъ скотомъ, служитъ мѣстопребываніемъ исполиновъ, и, наконецъ, сѣверный обитаемъ особенными существами: они живутъ по тысячѣ лѣтъ, и о концѣ жизни возвѣщаетъ имъ какой-то невѣдомый голосъ.

Кромѣ этихъ главныхъ четырехъ острововъ, есть еще семь другихъ, меньшаго объема, и столько же морей.

Первоначальными обитателями здѣшняго міра были божественныя существа, называемыя *тенгеріями*. Прежде тенгеріи жили на седьмомъ небѣ, но вдругъ за что-то заспорили между собою и начали воевать. Побѣда осталась на сторонѣ добрыхъ, и злые, *ассури*, должны были покинуть небо и поселились на вершинѣ Сюммэра. Борьба на небѣ, между тѣмъ, продолжалась, и, съ теченіемъ времени, число бѣжавшихъ оттуда тенгеріевъ увеличилось до того, что они заняли всѣ острова, расположенные вокругъ горы. Въ первое время своей земной жизни тенгеріи сохраняли свои божественныя совершенства. Такъ, напримѣръ, они жили по восьмидесяти тысячъ лѣтъ, имѣли лучезарныя лица, летали на крыльяхъ, не нуждались въ пищѣ, и проч. Впослѣдствіи всѣ эти совершенства были потеряны, и причиною такого несчастія было незначительное обстоятельство. На землѣ появился плодъ *шиме*, бѣлый и сладкій какъ сахаръ, и, когда люди вкусили его, то тотчасъ же потеряли свои совершенства: блескъ лица изчезъ, крылья отпали, явился у нихъ голосъ, почувствовали они потребность въ пищѣ и стали жить только по десяти тысячъ лѣтъ.

Пока люди имѣли лучезарныя лица, до тѣхъ поръ не было надобности ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ. Помраченіе ихъ лица произвело мракъ на всей землѣ. Тогда четыре благодѣтельные тенгерія: Вишна, Манди, Убба и Луканъ, сжалившись надъ родомъ людскимъ, схватили гору Сюммэръ и потрясли ее съ такою силой, что поколебалось всемірное море, а отъ этого явились солнце, луна и звѣзды. Солнце, по ученію буддистовъ, представляется стекляннымъ шаромъ, имѣющимъ въ окружности тысячу верстъ слишкомъ. Внутри его живетъ лучезарный тенгери, отъ лица котораго распространяются по землѣ и свѣтъ, и теплота. Самое солнце лежитъ на огромной равнинѣ, украшенной разнообразными цвѣтами, и каждыя сутки обвозится вокругъ Сюммэра семью воздушными конями. Утромъ солнечные лучи ударяютъ въ серебряную сторону Сюммэра, передъ полуднемъ — въ голу-

бую; золотая освѣщается въ полдень, а красная — вечеромъ. Затѣмъ солнце совсѣмъ скрывается за горою, а потому на землѣ становится темно, наступаетъ ночь.

Луна, по понятію буддистовъ, также стеклянный шаръ, наполненный водою, и служитъ также мѣстопребываніемъ лучезарнаго тенгери. Фазисы луны зависятъ отъ большей или меньшей отдаленности ея отъ солнца, а пятна, замѣчаемыя на ней — тѣни различныхъ морскихъ животныхъ, живущихъ во всемірномъ океанѣ.

По сотвореніи солнца и луны, боги-создатели составили между собою совѣтъ, въ которомъ совершенно незамѣтно явился злой духъ — *Арахо*, и выпилъ изъ стоявшаго передъ ними сосуда священную воду. Боги, возмущенные такою дерзостію, рѣшились наказать Арахо, но долго никакъ не могли отыскать его. Спросили солнце — солнце дало неудовлетворительный отвѣтъ, обратились къ лунѣ, и она указала мѣсто, гдѣ скрылся Арахо. Въ отмщеніе за это, Арахо часто ссорится съ солнцемъ и луною, повременамъ вступаетъ даже съ ними въ битву, и тогда на землѣ происходитъ затмѣніе.

Звѣзды также ничто иное, какъ большіе стеклянные шары, и въ нихъ также обитаютъ тенгеріи. Одна только полярная звѣзда, называемая *золотой колъ*, неподвижна, а всѣ прочія въ числѣ 225 милліоновъ, перевозятся съ одного мѣста на другое воздушными конями. Паденіе звѣзды означаетъ смерть какого нибудь тенгери, душа котораго переходитъ въ преисподнюю, чтобы оживить другое тѣло.

Перемѣны въ погодѣ производитъ крылатый драконъ. Впродолженіе всей зимы онъ лежитъ на семи моряхъ, а лѣтомъ, вмѣстѣ съ испареніями, поднимается въ верхніе слои атмосферы. Тенгери, разъѣзжающій на этомъ чудовищѣ, заставляетъ его иногда издавать звукъ грома и выбрасывать изъ пасти огонь. По временамъ и самъ тенгери бросаетъ съ неба огненныя стрѣлы, которыя, попадая въ людей, поражаютъ ихъ на-смерть.

О прошлой судьбѣ рода человѣческаго буддисты предлагаютъ такое ученіе. Люди, вкусивъ плода шиме, не могли уже обойтись безъ пищи, и такъ какъ шиме не было достаточно для пропитанія всѣхъ, то они стали питаться земнымъ медомъ, а потомъ нѣкоторыми растеніями. Боязнь остаться безъ пищи заставила каждаго заботиться только о себѣ и стараться увеличить запасы на будущее. Неимущіе стали завидовать имущимъ; произошли раздоры между людьми, и они принуждены были избрать себѣ начальниковъ, которые бы заботились объ ихъ бла-

госостояніи. Начальники не оправдали оказаннаго имъ довѣрія и, пользуясь значительной властію, обратились въ деспотовъ.

По мѣрѣ увеличенія беззаконія между людьми, сокращалась ихъ жизнь, и наконецъ они дошли до нынѣшняго состоянія. Впродолженіе этого періода постоянныхъ несчастій, отъ времени до времени, на землѣ являлись бурханы, въ образѣ человѣческомъ, и проповѣдывали покаяніе и исправленіе. Ихъ было четверо, и послѣдній, *Шакьямуни*, признается основателемъ буддизма. Онъ проповѣдывалъ свое ученіе шестидесяти народамъ, изъ которыхъ каждый, слушая его, понималъ различно, а оттого и явились разныя религіи на землѣ.

Что касается до будущей судьбы рода человѣческаго, то она изображается такимъ образомъ: ростъ и жизнь человѣческая будутъ все уменьшаться и наконецъ наступитъ время, когда люди не будутъ выростать выше аршина. Ребенокъ заговоритъ тотчасъ же послѣ рожденія, а на другой день будетъ въ состояніи заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Въ бракъ будутъ вступать люди на пятомъ году, а жить не болѣе десяти лѣтъ. Такое состояніе рода человѣческаго будетъ знакомъ приближенія эпохи всеобщаго разрушенія. За семь лѣтъ до ея наступленія, земля потеряетъ свою производительную силу и большая часть людей умретъ. Потомъ съ неба посыплются мечи и истребятъ всѣхъ людей, оставшихся въ живыхъ, исключая только одно добродѣтельное семейство, которое скроется въ какомъ-то ущельи. Когда земля покроется трупами и наводнится кровью, тогда польется очистительный дождь, за нимъ послѣдуетъ дождь плодотворный и оживитъ землю, а третій принесетъ съ собою все необходимое для людей. Скрывшееся семейство выйдетъ изъ своего убѣжища, оживутъ и другіе добродѣтельные люди и опять станутъ жить по восьмидесяти тысячъ лѣтъ, наслаждаясь земными благами.

Но скоро забудутъ люди о прошломъ несчастіи, начнутъ, по прежнему, дѣлать зло, а вмѣстѣ съ этимъ жизнь опять станетъ уменьшаться. Когда вѣкъ человѣческій сократится до двухъ тысячъ лѣтъ, тогда на землю явится бурханъ *Майдари*. Онъ будетъ высокаго роста и удивительной красоты. Люди пораженные его наружностію, спросятъ, чѣмъ онъ достигъ такого совершенства, а *Майдари* отвѣтитъ, что это есть слѣдствіе его добрыхъ дѣлъ и что они сами могутъ достигнуть того же. Примѣръ и поученіе бога подѣйствуютъ на людей: они исправятся и станутъ жить опять по восьмидесяти тысячъ лѣтъ. Послѣ этой второй перемѣны, произойдетъ еще пятьдесятъ-четыре. Каждая восьмая будетъ сопровождаться потопомъ, а прочія — пожаромъ.

Ученіе буддистовъ о душѣ, о наказаніяхъ и наградахъ, ожидающихъ каждаго по смерти, также довольно оригинально. Души всѣхъ тварей, по смерти ихъ, переселяются въ другія существа. Къ этому переселенію каждая душа приготовляется во время земной своей жизни. Находясь въ тѣлѣ человѣка, она никогда не остается въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а ежедневно перемѣняетъ свое мѣстопребываніе. Въ первый день каждаго мѣсяца душа находится въ указательномъ пальцѣ, во второй—въ ступнѣ, въ третій — въ икрѣ, въ четвертый — въ колѣнѣ. Такимъ образомъ, она поднимается постепенно и въ восьмой день является въ поясницѣ, въ двѣнадцатый переходитъ въ ладонь, въ пятьнадцатый распространяется по всему тѣлу, въ шестнадцатый бываетъ въ носу, а въ послѣдній появляется въ большомъ пальцѣ. Затѣмъ начинается странствованіе въ прежнемъ порядкѣ. Если повредить часть тѣла, въ которой находится душа, то слѣдствіемъ этаго бываетъ неминуемая смерть.

Послѣ смерти, душа переходитъ въ одно изъ шести царствъ и тамъ оживляетъ какое нибудь тѣло. Эти царства слѣдующія: 1) *добрыхъ тенгери*, 2) *Ассури*, 3) *царство людей*, 4) *безсловесныхъ животныхъ*, 5) *биридъ* и 6) *таму*, или царство вѣчныхъ мукъ и страданій. Выборъ того или другаго царства зависитъ не отъ произвола души, но опредѣляется приговоромъ адскаго судьи, при чемъ принимаются во вниманіе дѣла, совершенныя на землѣ.

Мѣстопребываніемъ адскаго судьи, называемаго *Эрликъ-ханомъ*, служитъ подземный дворецъ, окруженный шестнадцатью желѣзными стѣнами, и къ нему-то являются на судъ души всѣхъ людей, исключая ламъ, которые прямо возносятся въ блаженное жилище тенгеріевъ. Каждую душу сопровождаютъ два духа: добрый и злой, и, приведя ее къ Эрликъ-хану, высыпаютъ передъ нимъ бѣлые и черные камни. Если число бѣлыхъ, означающихъ добрыя дѣла, превышаетъ число черныхъ, то душа на золотомъ тронѣ возносится въ царство тенгеріевъ; въ противномъ же случаѣ она должна идти для очищенія въ царство *биридъ*, состоящее изъ тридцати-шести отдѣленій. Жители бирида проводятъ здѣсь не менѣе пятисотъ-лѣтъ, дни которыхъ равны мѣсяцамъ, и должны претерпѣвать болѣе или менѣе тяжкія мученія, смотря по роду содѣланныхъ преступленій. Такъ, напримѣръ, жестокіе правители и человѣкоубійцы должны плавать въ морѣ, наполненномъ кровью, а скупые, обращенные въ уродовъ, со ртомъ узкимъ, какъ ушко иголки, съ горломъ тонкимъ, какъ нитка, должны питаться искрами и утолять жажду кровью. Эти страдальцы ползаютъ въ изнеможеніи по пустынной равнинѣ, напрасно отыскивая себѣ пищи. Иногда имъ представляются деревья, покрытыя вкусны-

ми плодами; но едва они станутъ къ нимъ приближаться, какъ деревья изчезаютъ, и несчастные опять видятъ себя въ пустынѣ.

Мученія царства *Таму* еще ужаснѣе. Таму находится подъ землею, на глубинѣ двухсотъ тысячъ верстъ, и раздѣляется на шестнадцать отдѣленій. Въ первомъ изъ этихъ отдѣленій полумертвыхъ преступниковъ бросаютъ съ ножей на ножи и мучатъ такимъ образомъ въ продолженіи пятисотъ лѣтъ, въ которыхъ каждый день равняется девяти милліонамъ слишкомъ обыкновенныхъ человѣческихъ лѣтъ. Во второмъ отдѣленіи осужденныхъ безпрерывно пилятъ, въ третьемъ раздавливаютъ въ желѣзныхъ тискахъ и опять оживляютъ для того, чтобы снова раздавить, въ четвертомъ и пятомъ жарятъ на огнѣ, въ шестомъ варятъ въ кипяткѣ, а въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ преступники наказываются холодомъ, отъ котораго кожа покрывается пузырями, губы растрескиваются на нѣсколько частей, и проч.

Мученіямъ подвергаются не только люди, но и животныя. Такъ, одни изъ нихъ въ наказаніе должны будутъ возить на себѣ различныя тяжести, другія постоянно бѣгать, а дикіе звѣри будутъ раздирать другъ друга.

На сколько ужасны мученія ада, на столько же завлекательны райскія удовольствія, обѣщанныя праведникамъ.

Буддійскій рай раздѣляется на пять отдѣленій, изъ которыхъ каждое носитъ названіе одного изъ главныхъ бурхановъ. Первое изъ этихъ отдѣленій — царство Абидабы, наполнено серебрянными деревьями съ золотыми вѣтвями, украшенными драгоцѣнными каменьями, вмѣсто плодовъ. Источники жизненной воды орошаютъ эту чудесную мѣстность, и посреди ея красуется роща, гдѣ, на тронѣ, поддерживаемомъ павлиномъ и львомъ и окруженномъ праведниками, покоится бурханъ Абидаба.

Нѣкоторые праведники, по смерти, переселяются на вершину горы Сюммэра, гдѣ бурханъ *Хурмуста* начальствуетъ надъ тридцатью-тремя тенгеріями. Столица Хурмусты составляетъ въ окружности около двадцати тысячъ верстъ и имѣетъ сто-семьдесятъ воротъ, изъ которыхъ каждыя охраняются пятьюстами вооруженныхъ воиновъ. Царскіе чертоги, расположенные въ самой срединѣ города, со всѣхъ сторонъ окружены садами, гдѣ пасется чудесный слонъ. Жилище блаженныхъ находится неподалеку отъ царскаго дворца и замѣчательно своимъ деревомъ, чудеснымъ не менѣе слона. Стволъ этого дерева возвышается надъ землею на восемьсотъ верстъ; вѣтви его покрыты листьями, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ окружности верстъ сорокъ, а запахъ цвѣтовъ слышенъ верстъ за четыреста.

Кромѣ Хурмусты, на горѣ Сюммэръ живутъ и другіе боги.

Число боговъ, признаваемыхъ буддистами, безсчетно. Они раздѣляются на *тенгери, бурхановъ и рагинъ*. Тенгери существовали отъ вѣка вѣковъ и жили на седьмомъ небѣ. Несогласія, произшедшія между ними, заставили нѣкоторыхъ переселиться на нижніе своды небесные, а потомъ на гору Сюммэръ. Тенгери раздѣляются на добрыхъ и злыхъ. Послѣдніе, какъ болѣе опасные, пользуются бо́льшимъ уваженіемъ. Время продолженія жизни тенгеріевъ различно. Такъ, каждый изъ тридцати-трехъ тенгеріевъ, обитающихъ на вершинѣ Сюммэра, будетъ жить 3,700 милліоновъ человѣческихъ лѣтъ, а живущіе на первомъ уступѣ Сюммэра наслаждаются жизнію только 500 лѣтъ, въ которыхъ каждый день равенъ пятидесяти годамъ человѣческой жизни. Жизнь обитающихъ на нижнихъ уступахъ еще короче.

Бурханы — также божества, только низшаго достоинства, и каждый человѣкъ добрыми дѣлами можетъ достигнуть степени бурхана. Бурханы по временамъ сходятъ на землю, чтобы проповѣдывать покаяніе и исправленіе. Число ихъ очень велико. Первое мѣсто между ними занимаетъ Будда, или Шакьямуни, основатель буддизма. Онъ изображается въ видѣ человѣка, сидящаго въ созерцаніи на горѣ Будалѣ. Кругомъ горы раскинуты богатыя рощи, насажденныя плодоносными деревьями, а далѣе тянутся равнины, засѣянныя рисомъ. Второе мѣсто принадлежитъ *Майдари*, который будетъ управлять грядущимъ міромъ, подобно тому, какъ Будда управляетъ настоящимъ.

Майдари изображаютъ желтымъ, съ красной перевязью вокругъ тѣла; руки его сложены на груди.

Между прочими бурханами особенно важны слѣдующіе четыре: *Манцзошири, Хурмуста, Эрликъ-ханъ* и *Ямандага*.

Манцзошири значитъ вѣчно юный. Онъ признается отцомъ тысячи бурхановъ и будетъ править міромъ послѣ Майдари. Изображаютъ его съ четырьмя руками: одна держитъ золотой мечъ, другая — книгу учености, а остальныя двѣ благословляютъ.

Хурмуста признается верховнымъ покровителемъ земли и представляется старикомъ, а по другимъ свидѣтельствамъ — мальчикомъ, ѣдущимъ на слонѣ и держащимъ въ правой рукѣ мечъ. Этотъ слонъ называется сыномъ защитника земли. Онъ бѣлаго цвѣта, длиною въ двадцать верстъ, вышиною въ двѣнадцать, а толщиною въ восемь. Мѣстомъ пастбища для этаго исполина служитъ роща, расположенная около озера, имѣющаго въ окружности до десяти тысячъ верстъ и наполненнаго водою, сладкою, какъ медъ. Когда Хурмуста захочетъ проѣхаться на своемъ слонѣ, тогда у слона мгновенно выростаетъ тридцать-три головы, на каждой изъ нихъ по семи клыковъ, на клыкѣ по семи озеръ,

въ каждомъ озерѣ по семи дѣвъ-красавицъ, у дѣвы по семи спутницъ, ударяющихъ въ металлическія тарелки. Самъ Хурмуста сидитъ на средней, главной головѣ, а на остальныхъ помѣщаются подвластные ему тридцать три тенгерія. Поѣздъ заключается восемью тысячами спутниковъ, ѣдущихъ также на слонахъ.

Эрликъ-ханъ имѣетъ свое мѣстопребываніе въ царствѣ биридъ. Когда-то онъ владычествовалъ надъ однимъ изъ горнихъ міровъ, но былъ изгнанъ оттуда Ямандагою. Эрликъ-хана изображаютъ стоящимъ на разъяренномъ буйволѣ. Тѣло его обвѣшано мертвыми головами; въ одной рукѣ онъ держитъ скиптръ, а въ другой арканъ.

Ямандага, побѣдитель Эрликъ-хана—самый отвратительный изъ бурхановъ. Онъ изображается окруженнымъ пламенемъ, съ тридцатью-шестью руками, держащими оружіе, мертвыя головы и змѣй. Иногда Ямандага представляется просто человѣкомъ съ выпученными глазами, съ оскаленными зубами, съ огнемъ, выходящимъ изо рта. Поясъ его составленъ изъ человѣческихъ головъ. На колѣнахъ у Ямандаги сидитъ отвратительная женщина, голубаго цвѣта, а ногами попираетъ онъ различныхъ чудовищъ и людей.

Кромѣ этихъ бурхановъ, есть множество другихъ, и замѣчательно, что почти всѣ они представляются сидящими, съ поджатыми подъ себя ногами, и имѣютъ женскія физіономіи.

Рагини—божества равной силы съ бурханами, но только женскаго пола.

Во главѣ буддійскаго духовенства стоятъ: *Далай-лами* и *Богдобацинъ*. Оба они живутъ въ Тибетѣ. Прежде Далай-ламѣ принадлежала гражданская и духовная власть надъ всѣмъ Тибетомъ; но съ 1703 г., т. е. съ того времени, какъ Тибетъ подпалъ подъ власть Китая, Далай-лама не только потерялъ свою свѣтскую власть но и духовную долженъ былъ раздѣлить съ Богдо-бациномъ. Несмотря, однако, на это, Далай-лама пользуется большимъ уваженіемъ. Онъ живетъ во дворцѣ, выстроенномъ изъ камня горы Будалы (священная гора въ Тибетѣ) и состоящемъ изъ 999 комнатъ. Въ полуверстѣ отъ этого дворца находится знаменитый храмъ *Джу*. Сюда каждый новый годъ сбирается духовенство со всего Тибета, въ числѣ 17,000 человѣкъ и отправляетъ богослуженіе впродолженіи двадцати-одныхъ сутокъ, денно и нощно.

Все прочее духовенство состоитъ изъ ламъ. Сдѣлаться ламою не такъ легко: для этого надо, кромѣ трехъ главныхъ книгъ: Данжуръ, Ганжуръ и Юмъ, прочесть много другихъ, что составитъ не одну сотню томовъ; необходимо познакомиться съ астрономіею, медициною и другими науками и, наконецъ, что самое

трудное, дать обѣтъ ежеминутно помнить о богѣ и строго исполнять заповѣди, число которыхъ доходитъ слишкомъ со двухсотъ.

Внутреннее устройство быта Калмыковъ въ началѣ XVII ст. т. е. въ то время, когда они только появились въ Россіи, было чисто патріархальное. Нѣсколько семей, связанныхъ между собою родственными узами, составляли *Хотонъ;* во главѣ его стоялъ старшій въ семействѣ, называемый *Ага.* Нѣсколько хотоновъ составляли *Аймакъ,* управляемый *Зайсангомъ.* Власть Зайсанга была наслѣдственная и переходила отъ отца къ сыну. Нѣсколько Аймаковъ въ свою очередь составляли родъ, а нѣсколько родовъ *улусъ,* управляемый *нойономъ,* т. е. начальникомъ. Начальникомъ поколѣнія, т. е. нѣсколькихъ улусовъ былъ *Тайша,* соотвѣтствующій князю. Главнымъ изъ улусовъ Тайша управлялъ всегда самъ, а прочіе передавалъ сыновьямъ и братьямъ, которые чередовались между собою. Всѣ поколѣнія вмѣстѣ составляли народъ, главою котораго былъ Ханъ. Съ теченіемъ времени достоинство Хановъ и Тайшей утратилось и остались только Нойоны. Въ настоящее время главное управленіе Калмыками принадлежитъ Астраханской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ. Ей подчинены Нойоны, а нойонамъ Зайсанги и хотонные старшины. Нойонамъ предоставляется право опредѣлять наказанія за преступленія. Въ прежнія времена было три главныхъ рода наказаній: тѣлесное, денежная пеня и осрамленія виноватаго предъ цѣлымъ хотономъ или родомъ. Такъ напр. обвиненныхъ въ неповиновеніи родителямъ, въ грубости и дерзости въ отношеніи къ родственникамъ и старшимъ, наказывали нагайкой и, вымаравъ лице сажей, водили съ тагановъ на шеѣ по хотону. Это наказаніе называлось—*осрамленіе посредствомъ пятерни,* потому что наказывающій бралъ на руку сажи изъ подъ котла и размазывалъ ее по лицу. Наказаніе за воровство состояло въ томъ, что вору накидывали на шею арканъ и водили по хотону. Попадавшіеся на встрѣчу стегали его прутьями по обнаженному тѣлу, а нѣкоторые, для смѣха, стрѣляли въ него холостыми зарядами. Судъ имѣлъ три степени. Первая имѣла характеръ домашній и производилась въ Хотонѣ. Вторую степень суда составлялъ *Заргo*—формальный судъ. Онъ составлялся изъ Зайсанговъ, подъ предсѣдаствомъ Нойона, и наконецъ высшій судъ, называемый, по числу членовъ восьмичисленнымъ, состоялъ изъ нойоновъ, подъ предсѣдательствомъ хана. Въ высшемъ судѣ рѣшались дѣла по всѣмъ родамъ преступленій. Самымъ важнымъ считалось смертоубійство, называемое Калмыками безотраднымъ, непростительнымъ, по нашему, смертнымъ грѣхомъ. За смертоубійство совершенное въ первый разъ, на преступника налагалась боль-

шая денежная пеня, которая отдавалась родственникамъ убитаго въ видѣ вознагражденія. Кромѣ этаго, преступникъ обязывался на опредѣленное время отречься отъ всѣхъ удовольствій, носить черезъ плечо красную перевязь и прожить при какомъ нибудь хурулѣ извѣстный срокъ постникомъ. За вторичное убійство денежная пеня и время поста увеличивались и, кромѣ того, на лицѣ преступника выжигалось клеймо. Обличенному въ смертоубійствѣ въ третій разъ, выжигали второе клеймо и навсегда изгоняли изъ среды народа. Если же приговоренный не имѣлъ средствъ уплатить возложенную на него пеню, то его отдавали родственникамъ убитаго и они имѣли право употреблять его на какую угодно работу, продать, или вымѣнять на стадо барановъ.

Въ случаяхъ, гдѣ не было сознанія и явныхъ уликъ для полнаго обличенія преступника, судъ оканчивался очистительною присягою. Важнѣйшимъ видомъ такой присяги былъ *шаханъ*, давно уже не существующій. Для выполненія этой присяги, обвиняемый выбиралъ себѣ противника, извѣстнаго всѣмъ за человѣка честнаго. Потомъ разбивалась особая кибитка, гдѣ на возвышеніи ставился бурханъ, а передъ нимъ зажигалась благовонная свѣча. По сторонамъ бурхана развѣшивались изображенія высшихъ карательныхъ существъ, а подъ ними располагались гелюнги съ музыкальными инструментами, употребляемыми при богослуженіи. На полу кибитки разстилали только что содранную кожу черной коровы, облитую теплою кровью убитаго животнаго, а надъ дверями, внутри кибитки, на правой сторонѣ, прикрѣплялась голова зарѣзанной коровы. Глаза ея были открыты, языкъ вытянутъ и завернутъ на сторону. По другую, лѣвую сторону дверей, привѣшивался человѣческій черепъ, а подъ нимъ ставили заряженное ружье съ взведеннымъ куркомъ. Внѣ кибитки, по обѣ стороны дверей, помѣщались посредники, обвиняемый и обвинитель.

Послѣ этихъ необходимыхъ приготовленій лице, избранное обвиняемымъ въ противники должно было стараться отговорить враждующія стороны отъ исполненія великой присяги и склонить ихъ къ миру. Если этого не удавалось достигнуть, тогда приступали къ исполненію шахана, который состоялъ въ слѣдующемъ: Присягавшій, снявъ съ себя все платье, исключая сорочки, долженъ былъ стать на окровавленную кожу, сдѣлать три поклона и переступить черезъ порогъ. Какъ только онъ поднималъ ногу, гелюнги начинали трубить въ трубы, звонить въ колокольчики, бить въ тарелки, дуть въ раковины. Эти торжественные звуки сопровождали присягающаго до самаго бурханнаго столика и смѣнялись медленнымъ чтеніемъ молитвъ. Все

это конечно должно было сильно дѣйствовать на воображеніе обвиняемаго, но онъ въ случаѣ несправедливаго обвиненія, далекъ былъ отъ смущенія, смѣло подходилъ къ бурхану и тушилъ зажженную передъ нимъ свѣчу, а потомъ нагибался къ столику, и взявъ зубами коровье сердце, лежавшее на блюдѣ, выносилъ его изъ кибитки. Здѣсь одинъ изъ гелюнговъ принималъ отъ него эту обличительную ношу и передавалъ посредникамъ для освидѣтельствованія. Если на сердцѣ не было никакихъ поврежденій, тогда обвиняемый оправдывался, а обвинитель долженъ былъ заплатить пеню, по заключенному заранѣе взаимному условію.

Вся эта странная церемонія была полна торжественности и нѣкотораго ужаса, по крайней мѣрѣ, для Калмыковъ, тѣмъ болѣе потому, что каждый предметъ обстановки имѣлъ свое аллегорическое значеніе. Черная корова служила символомъ смерти, прохожденіе по ея шкурѣ должно было напоминать присягающему о томъ, что онъ принялъ на себя великую обязанность, противосовѣстливымъ исполненіемъ которой увеличиваетъ свое преступленіе.

Винтовка, съ взведеннымъ куркомъ, означала, что лжесвидѣтеля постигнетъ внезапная казнь небесъ, а обезображенная голова коровы напоминала ему, что душа его лишается общенія съ людьми и переселится въ существо безобразное и страшное. Изображеніе бурхана говорило о присутствіи при клятвѣ Судіи всевидящаго, зажженая свѣча означала свѣтъ, проливаемый Творцомъ, а благовонія ея — милости Божія, отъ которыхъ лжесвидѣтель, туша свѣчу, отрекался добровольно. Наконецъ, сердце убитой коровы означало простосердечіе присягающаго и чистоту его намѣреній.

Въ настоящее время изъ этой страшной клятвы сохранилась только часть. Въ дѣлахъ особенной важности, Калмыкъ для оправданія себя, подходитъ къ бурханному столику, кладетъ три земные поклона и, произнеся громко: «я не виноватъ», тушитъ зажженную свѣчу и тѣмъ отрекается отъ милостей Создателя, въ случаѣ неправды. Такая присяга считается очень важною и, кажется, есть единственный остатокъ, напоминающій о самостоятельномъ управленіи Калмыковъ. Прежде существовавшіе суды, такъ точно, какъ и наказанія уничтожены. Калмыки судятся по русскимъ законамъ.

Что же касается до начальниковъ — нойоновъ, то они до сихъ поръ сохранили въ народѣ то уваженіе, какимъ пользовались въ прежнее время. Нойонъ уважается не только подвластными ему, но и посторонними. Въ кибитку его можно войти не иначе, какъ приложившись сначала ладонью правой руки къ двери, а потомъ ко лбу; выходя же изъ кибитки, надо пятиться, обратившись лицемъ къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ начальникъ. Если Нойонъ

позволитъ въ своемъ присутствіи подвластному сѣсть, то тотъ прикладывается рукою ко лбу, становится на колѣни и, положивъ на нихъ руки, садится на пятки. Почтеніе или вниманіе къ нойонамъ со стороны Калмыковъ высказывается также въ подаркахъ, которые они обязаны дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ. Наступитъ ли весна, кончится ли лѣто, родится ли у нойона ребенокъ, празднуется ли новый годъ — Калмыкъ несетъ нойону и чаю, и баранины, и даже наличныя деньги.

Духовенство. Не меньшимъ, если не большимъ уваженіемъ, пользуется духовенство, отъ котораго, по мнѣнію Калмыковъ, зависитъ спасеніе каждаго человѣка. Во главѣ Калмыцкаго духовенства стоитъ Лама. До 1800 г. онъ былъ всегда назначаемъ Тибетскимъ Далай-Ламою, а теперь утверждается русскимъ правительствомъ. Лама имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ 7-ми верстахъ отъ Астрахани, по сю сторону Волги, на Калмыцкомъ базарѣ, а лѣтомъ откочевываетъ въ степь. Низшее духовенство очень многочисленно и раздѣляется на нѣсколько степеней, которыя отличаются между собою не властію, а обязанностями. Всѣ *гелюнги*, т. е. духовные, свободны отъ податей и живутъ на счетъ приношеній нойоновъ, зайсанговъ и народа. Приношенія эти дѣлаются скотомъ, вещами, деньгами и отдаются обыкновенно на хурулъ (¹) т. е. на капище; собственно же идутъ въ пользу гелюнговъ. Кромѣ этого гелюнги находятъ много другихъ источниковъ дохода. Такъ напр. они занимаются медициною и, не смотря на все свое невѣжество въ этомъ дѣлѣ, пользуются гораздо большимъ довѣріемъ, чѣмъ докторъ, назначенный отъ правительства. Гелюнгъ, призванный на помощь къ больному, начинаетъ поить его отваромъ мяса или просто водою — самыми употребительными лѣкарствами, и за это беретъ нерѣдко у Калмыка послѣднее добро, подъ предлогомъ жертвоприношеній бурханамъ, необходимыхъ для его выздоровленія. Если случится захворать богатому, то его принимаются лѣчить нѣсколько гелюнговъ, забираютъ всѣ его драгоцѣнности, стада и табуны и наконецъ самую кибитку, и все это на хурулъ, а между тѣмъ больной за частую умираетъ, оставляя семейство въ совершенной нищетѣ.

Обязанность гелюнговъ ограничивается идолослуженіемъ. Оно совершается обыкновенно въ хурулѣ, которымъ можетъ быть простая кибитка, и состоитъ въ томъ, что собравшіеся гелюнги, подъ звуки колокольчиковъ, мѣдныхъ тарелокъ, барабановъ,

---

(¹) Хурулъ-капище, происходитъ отъ глагола *хуролу*, что значитъ собираться.

огромныхъ трубъ, прочитываютъ отрывки изъ священныхъ книгъ, большею частію для нихъ вовсе непонятныхъ. До разсужденій о предметахъ религіи гелюнги не охотники и, если простолюдинъ обратится къ кому нибудь изъ нихъ съ религіознымъ вопросомъ, то онъ никогда не даетъ отвѣта, на томъ основаніи, что о предметахъ религіи говорить грѣшно. Особенно важное значеніе между гелюнгами имѣютъ *гелюнги зурхачи*, занимающіеся составленіемъ календарей. Лѣтосчисленіе калмыцкое не ведется съ опредѣленнаго какого нибудь времени, а считается кругами, изъ которыхъ каждый содержитъ въ себѣ 12 лѣтъ, называемыхъ именами животныхъ. Годъ состоитъ изъ 13 мѣсяцевъ, которые также носятъ названія животныхъ. Первый мѣсяцъ соотвѣтствуетъ нашему декабрю и называется мѣсяцомъ тигра. Потомъ слѣдуютъ мѣсяцы: зайца, дракона, змѣи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки, свиньи, мыши и коровы. Одинъ изъ 12-ти мѣсяцевъ бываетъ два раза въ году и составляетъ 13-ый. Каждый мѣсяцъ состоитъ изъ 30 дней, а недѣля изъ семи.

Гелюнги зурхачи, занимаясь лѣтосчисленіемъ, пріобрѣтаютъ уваженіе своихъ собратій и имѣютъ большое вліяніе на народъ. Отъ нихъ зависитъ совершеніе браковъ и назначеніе обряда погребенія. Въ послѣднемъ они всегда сообразуются съ саномъ покойника или, лучше сказать, съ большимъ или меньшимъ количествомъ барановъ, пожертвованныхъ родственниками покойника на хурулъ. Чѣмъ богаче приношеніе, тѣмъ почетнѣе погребеніе. Родственники зайсанга или нойона имѣютъ возможность сдѣлать значительное пожертвованіе, и потому гелюнги тѣло знатнаго покойника приговариваютъ къ сожженію, а тѣло бѣднаго приказываютъ зарыть въ землю, или даже просто оставить въ степи, на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ.

Главное вредное вліяніе гелюнговъ заключается въ томъ, что они своими внушеніями удерживаютъ народъ на пути ко всякому полезному нововведенію. Поэтому всѣ старанія нашего правительства распространить Христіанскую религію между Калмыками и пріучить ихъ къ осѣдлой жизни остаются безъ-большихъ успѣховъ. Впрочемъ, что касается до распространенія осѣдлости, то этому значительно препятствуетъ самая природа страны, занимаемой Калмыками.

Одинъ изъ путешественниковъ справедливо говоритъ, что если бы всѣмъ Европейскимъ Академіямъ заданъ былъ вопросъ, о средствахъ обратить безплодно пропадающія, неизмѣримыя пустыни въ земли заселенныя, способныя приносить выгоды, то безъ сомнѣнія, они не придумали бы средствъ лучше тѣхъ, которыя употребляютъ Калмыки. И въ самомъ дѣлѣ: сухою и негод-

10

ною травою нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ земли песчаной, почти безводной и сожигаемой солнечнымъ зноемъ, Калмыки прокармливаютъ милліоны лошадей, коровъ, овецъ и верблюдовъ, обращая такимъ образомъ безлѣсную, напитанную солью и вовсе неудобную для заселенія степь — въ богатый скотный дворъ для цѣлой Россіи. Торгуя шерстью, саломъ, овчинами, мѣхами, мерлушками и войлокомъ, можно сказать, что Калмыки освѣщаютъ и согрѣваютъ большую часть сѣверныхъ губерній нашего отечества и потому имѣютъ немалое значеніе въ политико-экономическомъ отношеніи.

Киргизы, кочующіе на огромномъ пространствѣ, начиная отъ низовьевъ Волги до Иртыша, называютъ себя *Киргизъ-Казаками*, т. е. воинами хана Киргиза. Когда жилъ этотъ ханъ — сказать трудно. Киргизская исторія не представляетъ ничего связнаго, а состоитъ изъ преданій, которая переходя изъ рода въ родъ, конечно мѣняются, а потому по нимъ рѣшительно нѣтъ возможности опредѣлить происхожденія Киргизовъ. Сами они, впрочемъ, считаютъ себя потомкати Ногайскихъ Татаръ, и въ доказательство этаго разсказываютъ слѣдующее преданіе. Въ то время, когда Ногайцы двинулись въ Европу, чтобы поселиться на берегахъ Кубани или въ Крыму, съ ними случилось слѣдующее происшествіе: на одномъ ночлегѣ изъ табуновъ пропало нѣсколько коней; старшины, желая непремѣнно отыскать пропавшихъ, отправили на поиски трехъ братьевъ, извѣстныхъ всѣмъ своею удалью. Нѣсколько дней братья напрасно скитались по лѣсу и, наконецъ, рѣшились вернуться. Но придя на мѣсто, гдѣ оставили своихъ соотечественниковъ они не нашли никого. Степной вѣтеръ замелъ даже и слѣды. Братья, оставшись одни среди безплодной степи, погоревали, а потомъ утѣшились, какъ и слѣдуетъ, и рѣшились обзавестись хозяюшками. Для этаго они отправились на сѣверъ. Тамъ похитили они у какого-то невѣдамого народа трехъ дѣвицъ-красавицъ и возвратились на Ишимъ. Богъ благословилъ эти супружества такимъ многочисленнымъ потомствомъ, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ двоюроднымъ братьямъ показалось жить уже тѣсно и они разошлись. Дѣти старшаго брата пошли на востокъ, къ Иртышу, дѣти младшаго на Западъ — къ Уралу, а дѣти средняго остались на Ишимѣ. Такимъ образомъ и явились три орды: большая, малая и средняя, несправедливо, впрочемъ, называемыя ордами, потому что орда на Киргизскомъ языкѣ значитъ не народъ, а мѣстопребываніе хана.

Наружность. Сосѣдство съ Калмыками имѣло значительное вліяніе на наружность Киргизовъ. Принадлежа по происхожденію къ Турецкому племени, въ настоящее время Киргизы наружно-

стью очень походятъ на народы Монгольской рассы. Правда, что ихъ лице не такъ широко и плоско какъ Калмыцкое, но за то скулы выдаются не менѣе, глаза также узки, а борода выростаетъ клочкомъ, только на концѣ подбородка. Оставаясь большую часть времени на открытомъ воздухѣ, питаясь пищею простою, Киргизы пріобрѣтаютъ замѣчательную крѣпость тѣла и безъ особеннаго труда переносятъ разнообразныя лишенія. Такъ напр. пробыть цѣлый день безъ питья и дня два безъ пищи для Киргиза ничего не значитъ. За то, при первомъ представившемся случаѣ онъ готовъ выпить и съѣсть за троихъ. Зоркость зрѣнія, сила и ловкость составляютъ три главныя физическія преимущества Киргизовъ. На ровномъ мѣстѣ они прекрасно видятъ небольшіе предметы на разстояніи 10 верстъ, и гдѣ Европеецъ съ трудомъ усматриваетъ неясныя точки, тамъ Киргизъ ясно различаетъ не только очертанія предметовъ, но даже ихъ цвѣтъ. Примѣромъ силы Киргизовъ можетъ служить особеннаго рода забава, состоящая въ томъ, что одинъ изъ удальцевъ, привязавъ къ сѣдлу ягненка, скачетъ во весь опоръ, а другіе, желающіе похвастаться силою, должны на всемъ скаку вырвать ноги у бѣднаго животнаго. Что касается до ловкости, то она всего болѣе выказывается въ верховой ѣздѣ и въ управленіи самыми дикими лошадьми, къ чему привыкаютъ съ малолѣтства не только мужчины, но и женщины. Нельзя также не позавидовать долговѣчности Киргизовъ. Они нерѣдко достигаютъ до 80-ти лѣтняго возраста и до послѣднихъ дней жизни сохраняютъ свои силы. Оспа — самая страшная для нихъ болѣзнь, и они до того боятся ее, что не рѣшаются даже подходить близко къ человѣку, зараженному этою болѣзнію. Между прочими недугами особенно распространены между Киргизами: горячка, біеніе сердца и глазныя болѣзни. Первая происходитъ, конечно, отъ неосторожности, вторая, по всей вѣроятности, есть слѣдствіе слишкомъ быстрой верховой ѣзды, а причиною третьей служитъ дымъ, наполняющій кибитки Киргизовъ. Вообще же говоря, Киргизы пользуются хорошимъ здоровымъ и число ихъ умножается довольно быстро.

Одежда. Одежда Киргизовъ, какъ всѣхъ вообще Азіатскихъ народовъ, широкая и длинная. Мужской костюмъ состоитъ изъ халата и остроконечной шапки. Халатъ или *Чапанъ*, какъ называютъ Киргизы, шьется изъ различной матеріи, на воротникѣ, полахъ и подолѣ окаймляется золотымъ или серебрянымъ позументомъ и подпоясывается кожанымъ или шелковымъ кушакомъ, украшеннымъ серебряными и мѣдными бляхами. Голова обыкновенно выбрита, исключая макушки и висковъ, покрывается двумя шапками: нижней и верхней. Первая — ермолка, шьется изъ

бархата или плиса, а вторая — для лѣта дѣлается изъ бѣлой овечьей шерсти, а зимою изъ какого нибудь мѣха. Околышъ загнутъ на верхъ и разрѣзанъ съ боковъ. Женская одежда немногимъ отличается отъ мужской. Она такая же длинная и широкая, и подпоясана шелковымъ или шерстянымъ поясомъ. Украшеніемъ женскаго пола служатъ кольца, браслеты, серьги и серебряныя бляхи, носимыя обыкновенно на груди. Женскій головной уборъ состоитъ изъ повязки, обшитой мѣхомъ выдры и украшенной золотыми и серебряными бляшками, а иногда и драгоцѣнными каменьями. Сверху этой повязки надѣваютъ шапку, по формѣ похожую на усѣченный конусъ и покрытую кисейнымъ или полотнянымъ покрываломъ, концы котораго спускаются на спину и на плечи. Дѣвушки носятъ остроконечныя шапки. Онѣ дѣлаются изъ бархата или изъ парчи и также украшаются золотыми и серебряными бляхами, позументами и жемчугомъ, а внизу обшиваются бобровымъ мѣхомъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ три косы, изъ которыхъ двѣ висятъ по плечамъ или обвиваются около шапки, а третья, спрятанная въ бархатный мѣшокъ, откидывается на спину. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ нѣсколько маленькихъ косичекъ и концы ихъ украшаютъ кисточками, бантами и другими бездѣлушками.

Жилища. Жилищемъ для Киргизовъ служатъ кибитки, совершенно сходныя съ Калмыцкими. У бѣдныхъ онѣ покрываются сѣрыми войлоками, у богатыхъ бѣлыми, а у нѣкоторыхъ Султановъ снаружи обиваются краснымъ сукномъ, а внутри шелковою матеріею. Внутреннее убранство кибитки очень просто. Стѣна, противуположная двери, заставлена обыкновенно сундуками, на которые кладутся халаты, шубы и другая одежда. По стѣнамъ развѣшаны сабли, ружья, конская сбруя, полотенцы, кувшины, кожанные мѣшки, а иногда копченыя лошадиныя ноги и мясо. На земляномъ полу, устланномъ коврами или войлоками, разставлены безъ всякаго порядка котлы, ящики, въ которыхъ хранятся мѣшки съ кумысомъ и нѣкоторыя другія принадлежности домашняго хозяйства.

Главное удобство Киргизскаго жилья заключается въ томъ, что оно легко можетъ быть переносимо съ одного мѣста на другое, а это очень важно для Киргизовъ. Главнымъ занятіемъ ихъ служитъ скотоводство, которое по необходимости принуждаетъ вести жизнь кочевую. Такой образъ жизни соединяется всегда съ большими безпокойствами и неудобствами. Лѣтомъ кочевая жизнь еще довольна пріятна, но за то зимою она дѣлается ужасною, даже для Киргизовъ. Тогда они почти не выходятъ изъ своихъ кибитокъ, занесенныхъ цѣлыми сугробами снѣга, и каждый

день могутъ ожидать, что буранъ, разгулявшись по степному пространству, опрокинетъ ихъ обиталище и занесетъ нивѣсть куда. На всѣ эти опасности Киргизы, впрочемъ, мало обращаютъ вниманія и до того сжились съ ними, что едва ли бы рѣшились промѣнять кочевой образъ жизни на осѣдлый, если бы къ этому и представилась какая нибудь возможность.

Пища. Будучи пастухами, Киргизы должны питаться произведеніями своихъ стадъ. Главное кушанье ихъ составляетъ мясо барановъ, лошадей, верблюдовъ и, очень рѣдко, рогатаго скота. Хлѣба не употребляютъ даже занимающіеся земледѣліемъ, а просто поджариваютъ муку, смѣшанную съ саломъ и съ водою. Это кушанье у нихъ называется *баламыкъ*. Главную пищу бѣдныхъ Киргизовъ составляетъ *крутъ*, т. е. высушанныя лепешки изъ творогу. Каждый Киргизъ отправляясь въ дорогу, привязываетъ къ сѣдлу мѣшокъ съ такими лепешками и, разводя ихъ въ водѣ, утоляетъ такимъ образомъ и голодъ, и жажду. Лошадиное мясо и копченыя ноги откормленнаго жеребенка считаются лакомствомъ, которое позволяютъ себѣ только богатые. Національное кушанье Киргизовъ составляетъ мелко накрошенное мясо, перемѣшанное съ кусочками сала. Его ѣдятъ обыкновенно руками, почему оно и называется *бишъ бармакъ*, что значитъ пять пальцевъ. Между напитками особенно распространенъ *кумысъ*. Его приготовляютъ такимъ образомъ: вливаютъ въ кожаный мѣшокъ кобыльяго молока съ прибавкою небольшаго количества кислаго коровьяго, или круту и, по временамъ, бьютъ эту смѣсь деревянною колотушкою, оканчивающеюся кругомъ съ провернутыми въ немъ скважинами. Чрезъ два или три дня кумысъ готовъ, и его начинаютъ употреблять, прибавляя каждый разъ, вмѣсто отлитаго количества, свѣжее кобылье молоко. Такимъ образомъ, напитокъ этотъ, сдѣланный разъ, не переводится довольно долго. Киргизы большіе охотники до кумыса и лѣтомъ, кромѣ него, почти не употребляютъ никакой другой пищи.

Ханы, султаны и богатые Киргизы пьютъ чай съ сахаромъ, или медомъ, а кочующіе по близости къ Китайскимъ границамъ употребляютъ кирпичный чай.

Характеръ. Киргизы, разсматриваемые съ нравственной стороны, не возбуждаютъ къ себѣ сочувствія. Главную отличительную черту Киргизскаго характера составляетъ лѣность. Большую часть жаркаго лѣта Киргизъ проводитъ во снѣ, а зимою, когда почти всѣ пути занесены снѣгомъ, остается въ своей кибиткѣ и вовсе не видитъ необходимости заняться не только какимъ нибудь ремесломъ, но даже домашнимъ хозяйствомъ, зная что все необходимое будетъ сдѣлано женами и дочерьми, кого-

рыя, по его мнѣнію, и созданы только для того, чтобы работать съ утра до вечера. Вмѣстѣ съ лѣностью, въ характерѣ Киргизовъ соединяется еще много другихъ недобрыхъ качествъ, и между ними особенно развиты тщеславіе, корыстолюбіе и мстительность.

Первое качество особенно развито въ высшемъ классѣ. Предметомъ тщеславія для Киргизовъ служитъ происхожденіе, подвиги храбрости, совершенные ими или предками, а также богатство. Нѣкоторые Киргизскіе богачи держатъ у себя табуны лошадей, состоящіе изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ, единственно только для того чтобы другіе удивлялись ихъ богатству. Одинъ изъ путешественниковъ, разсказывая о богатствѣ Киргизовъ, говоритъ: «однажды спросилъ я одного владѣльца 8,000 лошадей, почему онъ не продаетъ ежегодно, хотя нѣкоторой части своихъ табуновъ?» — «Для чего я стану продавать свое удовольстіе», отвѣчалъ богачъ. «Деньги мнѣ не нужны; я долженъ запереть ихъ въ сундукъ, гдѣ никто не увидитъ ихъ. Теперь же, когда табуны мои ходятъ въ степяхъ, всякій смотритъ на нихъ, всякій знаетъ, что они мои и всякій говоритъ, что они мои.» Въ этомъ отвѣтѣ всего краснорѣчивѣе высказывается тщеславіе, которое только въ человѣкѣ необразованномъ, какъ Киргизъ, можетъ развиться до такого безумія.

Корыстолюбіемъ зараженъ преимущественно низшій классъ народа и, трудно сказать, чѣмъ онъ не пожертвуетъ для удовлетворенія этой страсти. Раздѣлъ самыхъ маловажныхъ предметовъ никогда не обходится у Киргизовъ безъ драки. Бывшіе въ плѣну у нихъ рассказываютъ, что когда случится ограбить имъ караванъ, то они ни одной бездѣлушки не оставятъ въ цѣлости, а разобьютъ или разорвутъ ее на части. Такъ напримѣръ; если имъ достанутся часы, то одинъ беретъ себѣ колесо, другой винтикъ, третій стрѣлку и такъ далѣе. Каждый возвратившійся съ грабежа, долженъ раздѣлить свою добычу между родственниками, послѣ чего на его долю, въ награду за труды и буйство, остается очень ничтожное вознагражденіе. Если Киргизъ и ссужаетъ когда нибудь въ долгъ, то только на одномъ условіи — получить вдвое больше того, что отдалъ. Даже подарки дѣлаются только для того, чтобы имѣть возможность выпросить самому, что нравится, а ужъ если начнетъ Киргизъ просить о чемъ нибудь, то непремѣнно надоѣстъ своею неотвязчивостью и самаго неподатливаго заставитъ согласиться на исполненіе просьбы.

Что касается до мстительности, то эта страсть нерѣдко овладѣваетъ оскорбленнымъ Киргизомъ до того, что онъ, не имѣя воз-

можности отмстить обидчику, вымѣщаетъ свою злобу на лицахъ, совершенно непричастныхъ дѣлу, убиваетъ животныхъ, попавшихся на глаза, нерѣдко себѣ самому наноситъ раны. Если же наконецъ, послѣ долгихъ препятствій, выдастся Киргизу случай отмстить своему обидчику, то онъ дѣлается совершеннымъ тигромъ.

Самая страшная казнь постигаетъ убійцу, попавшагося въ руки родственниковъ погибшаго. Ему прежде всего разрѣзываютъ жилы, потомъ разрубаютъ тѣло по составамъ, распарываютъ животъ и кладутъ во внутренность отрубленныя руки и ноги.

Впрочемъ, такъ жестоко поступаютъ Киргизы только съ личными врагами. Непріятелей же, попавшихся въ плѣнъ, они никогда не убиваютъ, а продаютъ въ рабство Бухарцамъ, Хивинцамъ или другимъ сосѣдственнымъ народамъ, что конечно доставляетъ бо̀льшія выгоды, чѣмъ убійство.

Къ хорошимъ качествамъ характера Киргизовъ принадлежитъ гостепріимство и любовь къ родинѣ. На гостепріимство, впрочемъ, можетъ расчитывать только соотечественникъ, а Европеецъ и даже Магометанинъ другой секты (Шіитской) найдутъ у Киргизовъ только неволю. Привязанность же къ родинѣ Киргизовъ, въ самомъ дѣлѣ, достойна удивленія и составляетъ едвали не единственную хорошую черту ихъ характера. Живя посреди постоянныхъ опасностей и лишеній всякаго рода, они все таки всѣми силами души своей любятъ родную степь, гдѣ родились и выросли, и до того привыкли къ своему образу жизни, что не промѣняютъ его ни на какія удобства. Нѣкоторые изъ Киргизовъ, принужденные необходимостію, переселяются иногда въ предѣлы Россіи, но при первой возможности возвращаются опять въ свои дорогія степи. Извѣстно, что во времена Екатерины II, султанъ Меньшой Орды, Ширгазы, очень долго жилъ въ Петербургѣ и конечно привыкъ къ удобствамъ, удовольствіямъ и прихотямъ европейской жизни. Не смотря однако на это, онъ возвратился въ Орду и умеръ тамъ истымъ Киргизомъ.

Послѣ сдѣланнаго краткаго замѣчанія о характерѣ Киргизовъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію ихъ религіи, обрядовъ семейной жизни и, въ заключеніе, скажемъ о степени ихъ умственнаго развитія.

Религія. Рѣшить — къ какому вѣроисповѣданію принадлежатъ Киргизы — довольно трудно. Всѣ они признаютъ Высочайшее существо, создавшее міръ, но одни изъ нихъ покланяются ему по законамъ Курана, другіе въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ смѣшиваютъ ученіе Магомета съ преданіями язычества, третіе же вѣрятъ, что кромѣ добраго божества, заботящагося о

благѣ людей и называемаго *Худай*, есть еще злой духъ, или *Шайтанъ*, источникъ всего недобраго. Впрочемъ, изъ всѣхъ разнообразныхъ вѣрованій между Киргизами распространены наиболѣе вѣрованія Магометанской религіи, и потому, ихъ скорѣе всего можно считать послѣдователями Величайшаго изъ Пророковъ. Всѣ Киргизы по крайней мѣрѣ, нечтущихъ Магомета считаютъ за невѣрныхъ, кафировъ, которыхъ можно мучить и убивать. Кафирами Киргизы называютъ не только Христіанъ, буддистовъ, шамановъ и другихъ язычниковъ, но и самихъ Магометанъ — шіитовъ. Себя они называютъ суннитами. Впрочемъ, надо замѣтить, что Киргизы не понимаютъ даже разницы между суннитами и шіитами, а знаютъ только, что Турки, Татары, Бухарцы и Хивинцы принадлежатъ къ одинаковому съ ними вѣроисповѣданію, а Персіанъ считаютъ они раскольниками.

Между всѣми заповѣдями Курана, съ особенною ревностью, Киргизами соблюдается только одна — дозволяющая многоженство. Постовъ же, одного изъ главныхъ постановленій Магомета, они не держатъ, такъ точно считаютъ совершенно лишнимъ молиться по пяти разъ въ сутки, строить мечети и имѣть муллъ. Молитвы изрѣдка только читаются стариками, около которыхъ слушатели стоятъ обыкновенно на колѣнахъ; большею же частію каждый молится когда и гдѣ хочетъ. Вообще, надо сказать, что между Киргизами найдется не много строгихъ исполнителей предписаній Курана, и Магометанская религія давно бы уничтожилась между ними, если бы не поддерживали ее муллы, пріѣзжающіе по временамъ изъ Бухары, Хивы и Туркестана, или опредѣляемые русскимъ правительствомъ къ ханамъ, для исполненія должности письмоводителей. Путешествіе въ Мекку, предписываемое Кураномъ, какъ непремѣнная обязанность каждаго правовѣрнаго, Киргизами не считается необходимостію, тѣмъ болѣе потому, что у нихъ есть свои святыни. Такими святынями считаются нѣкоторыя могилы, расположенныя въ степяхъ. Киргизы ѣздятъ къ нимъ на поклоненіе, читаютъ надъ ними молитвы и приносятъ въ жертву домашнихъ животныхъ, которыхъ потомъ тамъ же съѣдаютъ.

Киргизы заражены суевѣріемъ и оно до того развито въ нихъ, что нѣкоторымъ людямъ приписываютъ они силу узнавать не только прошедшее, настоящее и будущее, но производить перемѣны въ погодѣ, излѣчивать различныя болѣзни, отвращать угрожащія несчастія и дѣлать разныя другія чудеса. Всѣ эти шарлатаны, а для Киргизовъ — люди необыкновенные, раздѣляются на нѣсколько классовъ, а именно: *Джаурунчи, Рамчи, Джулдузчи* и *Бахсы,* или *Бакчи.* Первые гадаютъ по баранбимъ костямъ,

которыя, очистивъ отъ мяса, кладутъ въ огонь и жгутъ до тѣхъ поръ, пока не образуются на нихъ трещины. Въ нихъ джаурунчи могутъ видѣть все, что угодно, безъ всякаго отношенія ко времени и мѣсту. Рамчи гадаютъ по цвѣту пламени, которымъ горитъ баранье сало, бросаемое въ огонь, а Джулдузчи предсказываютъ будущее по звѣздамъ, въ которыхъ будто бы живутъ знакомые имъ духи. Послѣдніе—Бахчи, самые забавные между колдунами. Они очень напоминаютъ Сибирскихъ шамановъ. Гаданіе бахчи обыкновенно начинается тѣмъ, что онъ садится посреди кибитки и начинаетъ подъ звуки инструмента, похожаго на гудокъ, пѣть пѣсенку, покачиваясь при этомъ въ разныя стороны и дѣлая различныя тѣлодвиженія. Спустя нѣсколько минутъ голосъ бахчи возвышается, качанія ускоряются и скоро переходятъ въ неистовые прыжки. Потъ градомъ катится съ бѣднаго мученика, пѣна клубится изо рта, онъ бросаетъ свой инструментъ, вскрикиваетъ пронзительнымъ голосомъ, созываетъ къ себѣ духовъ и, наконецъ, выбившись совершенно изъ силъ, съ лицомъ блѣднымъ какъ полотно, съ глазами налившимися кровью, бросается на полъ и, испустивъ пронзительный крикъ, къ ужасу всѣхъ присутствующихъ, дѣлается недвижимъ. Но вотъ прошло нѣсколько минутъ; бахчи открываетъ глаза, приподнимается, приходитъ мало по малу въ себя и, наконецъ, прочитавъ молитву, начинаетъ предсказывать будущее, основываясь на бывшемъ ему видѣніи.

Кромѣ этаго забавнаго, но и отвратительнаго способа гаданія, бахчи употребляютъ еще другія, которыя, впрочемъ, мало отличаются отъ описаннаго.

Искусство бахчей не ограничивается однимъ гаданіемъ. Они также лѣчатъ больныхъ, и способъ употребляемый ими при этомъ еще смѣшнѣе гадательнаго. Бахсъ, призванный къ больному начинаетъ тѣмъ, что садится противъ него, играетъ на кабызѣ, поетъ, кричитъ, кривляется, потомъ вскакиваетъ, произноситъ какія-то безсмысленныя рѣчи, беретъ плеть и бьетъ ею больнаго, думая этимъ изгнать изъ тѣла вселившихся нечистыхъ духовъ — причину болѣзни; наконецъ лижетъ его языкомъ, кусаетъ зубами, плюетъ ему въ глаза и, въ заключеніе, схвативъ ножъ бросается на больнаго, будто бы съ намѣреніемъ зарѣзать его. Такое лѣченіе повторяется 9 дней и нерѣдко сопровождается успѣхомъ, причина котораго, вѣроятно, заключается въ сильномъ потрясеніи организма больнаго.

Иногда, вмѣсто Бахса, больной призываетъ муллу, который для изгнанія болѣзни ограничивается только чтеніемъ курана и нѣкоторыхъ безсмысленныхъ молитвъ, во время которыхъ ду-

етъ и плюетъ въ глаза больному. Вѣра, или лучше суевѣріе, со стороны больнаго дѣлаетъ иногда и этотъ способъ дѣйствительнымъ. Въ нѣкоторыхъ трудныхъ болѣзняхъ больные Киргизы призываютъ къ себѣ на помощь въ одно и то же время и муллъ, и бахсовъ. Каждый изъ нихъ исполняетъ свою обязанность, вовсе не стѣсняясь присутствіемъ другаго. Вообще муллы, бахсы и другіе обманщики, связанные общею цѣлью — морочить суевѣрный народъ и въ этомъ находятъ средство къ существованію, живутъ между собою въ согласіи, что впрочемъ не удивительно. Невѣжество, суевѣріе и обманъ всегда уживаются.

Погребальные обряды. Религіозныя вѣрованія Киргизовъ выражаются также въ ихъ погребальныхъ обрядахъ, которые также представляютъ смѣсь магометанства съ язычествомъ. Какъ только Киргизъ испуститъ послѣднее дыханіе, кибитка мгновенно оглашается ужаснымъ плачемъ и рыданіями собравшихъ родственниковъ. Всего болѣе дожны печалиться жены, и потому онѣ не довольствуются одними воплями, а царапаютъ лице, бьются объ полъ, рвутъ на себѣ волосы и повергаютъ себя разнымъ другимъ истязаніямъ, что повторяется иногда цѣлый годъ послѣ смерти покойника, передъ куклою, одѣтою въ его платье.

Приготовленія къ погребалному обряду и церемоніи самаго погребенія не многосложны.

Обмывъ тѣло покойника, одѣваютъ его въ лучшее платье, или просто пеленаютъ въ кусокъ холста и кладутъ на коверъ. Потомъ является мулла, читаетъ различныя молитвы, прославляетъ подвиги покойника, а за тѣмъ несутъ или везутъ его на верблюдѣ къ могилѣ. По прибытіи на мѣсто погребенія, опять читаютъ молитвы, а потомъ опускаютъ покойника въ могилу, куда иногда зарываютъ оружіе, конскую сбрую и одежду умершаго. Съ могилы всѣ возвращаются для поминокъ въ кибитку покойника, передъ которою, въ знакъ траура, вывѣшивается на длинномъ шестѣ кусокъ черной матеріи. Поминки состоятъ въ угощеніи, въ заключеніе котораго гости получаютъ отъ родственниковъ умершаго подарки, или кусочки оставшейся послѣ него одежды. Богатыхъ людей, умершихъ зимою, нѣкоторые Киргизы не зарываютъ въ землю, а обвернувъ въ войлокъ, или въ полотно вѣшаютъ на деревья.

Могилы киргизскія роются такимъ образомъ, чтобы съ боку главной ямы была другая — маленькая. Въ эту-то послѣднюю кладется тѣло для того, чтобы земля, насыпаемая въ главную яму, не давила покойника. Иногда, впрочемъ, этой боковой ямы не дѣлаютъ, а кладутъ покойника въ срубъ, который закрываютъ досками и потомъ уже засыпаютъ землею.

Видъ киргизскаго кладбища представляетъ довольно красивую и разнообразную картину. Однѣ могилы обсажены деревьями, другія украшены пирамидами, сложенными изъ камней или изъ глины, на третьихъ воткнуты копья, съ развѣвающимися на нихъ конскими гривами и лентами, или сдѣлано изображеніе чалмы, если покойникъ былъ лице духовное, или колыбели, если онъ умеръ младенцемъ и проч. Отъ каждой могилы ведетъ рядъ камешковъ къ ближайшему источнику. Эти камешки, по мнѣнію Киргизовъ, необходимы для того, чтобы покойникъ, мучимый въ могилѣ жаждою, могъ отыскать воду.

Всѣ Киргизы считаютъ священною обязанностію поминать своихъ умершихъ родственниковъ. Поминки устраиваются въ сороковой день смерти, въ сотый и, наконецъ, по прошествіи года. Послѣднія соединяются съ большимъ празднествомъ и стоятъ очень дорого. Начинаются годовыя поминки молитвою и исчисленіемъ подвиговъ умершаго; потомъ закалываютъ бѣлую лошадь, варятъ ее и мясо съѣдаютъ. Закусивъ этимъ hors d'oeuvres, угощаются другими различными кушаньями, при чемъ выпивается немалое количество кумыса. Затѣмъ начинаются игры, пѣсни, скачки и другія забавы, въ которыхъ отличившіеся получаютъ отъ хозяевъ награды, и на эти награды нерѣдко расходуется по нѣскольку сотенъ лошадей, тысячъ по 5-ти овецъ, множество панцырей и разныхъ другихъ вещей.

Изъ семейныхъ обрядовъ Киргизовъ особеннаго интереса заслуживаютъ свадебные, которые всегда служатъ самымъ вѣрнымъ мѣриломъ степени умственнаго и нравственнаго образованія народа. И въ самомъ дѣлѣ: знакомясь подробно съ брачными обрядами того или другаго народа, мы пріобрѣтаемъ ясное понятіе о томъ взглядѣ, какой имѣетъ онъ на женщину, а этимъ взглядомъ опредѣляется ея значеніе въ семействѣ и въ обществѣ.

При разсмотрѣніи Киргизовъ въ религіозномъ отношеніи было замѣчено, что они, слѣдуя курану, всего ревностнѣе исполняютъ законъ, допускающій многоженство. Число женъ Киргиза опредѣляется его желаніемъ. Но, такъ какъ жена пріобрѣтается посредствомъ купли, то только богатые могутъ имѣть нѣсколько женъ, число которыхъ иногда доходитъ до 20 и болѣе. Выборъ первой невѣсты не зависитъ отъ жениха, а находится въ полномъ распоряженіи его родителей, которые часто сговариваютъ своихъ дѣтей еще въ пеленкахъ. Такимъ обыкновеніемъ Киргизы напоминаютъ Китайцевъ, которые, впрочемъ, высказываютъ въ этомъ дѣлѣ болѣе заботливости и нерѣдко просватываютъ еще неродившихся дѣтей.

Условія о калымѣ и о времени его уплаты, составляютъ важ-

нѣйшую часть при брачныхъ договоровъ. Когда эти условія заключены, тогда призываютъ муллу, который спросивъ родныхъ невѣсты: согласны ли они соединить своихъ дѣтей, читаетъ молитвы о благоденствіи будущихъ супруговъ и всегда въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей. По совершеніи этого обряда, отецъ жениха начинаетъ выплачивать калымъ. Цѣнность его бываетъ различна. У бѣдныхъ онъ ограничивается нерѣдко пятью или шестью овцами, а у богатыхъ доходитъ до 200 лошадей, или до 1,000 овецъ. Свадебный обрядъ можетъ быть совершенъ только по уплатѣ калыма. Онъ состоитъ въ томъ, что жениха и невѣсту, одѣтыхъ въ лучшее платье, приводятъ въ кибитку, назначенную для совершенія брака и становятъ посрединѣ. Потомъ мулла читаетъ молитвы, спрашиваетъ сочетающихся, охотно ли они вступаютъ въ бракъ и, въ заключеніе, поитъ ихъ водою изъ чаши, по три раза каждаго. Оставшееся количество воды раздѣляется между присутствующими, а если ихъ много, то мулла только окропляетъ собравшихся. Нѣкоторые муллы въ чашку съ водою кладутъ стрѣлу, перевязанную клочкомъ волосъ изъ гривы жениховой лошади, и лентою, взятою у невѣсты, а другіе опускаютъ въ воду молитвы, написанныя на клочкахъ бумаги.

Послѣ этого главнаго и единственнаго обряда, молодой надѣваютъ женскій головной уборъ и потомъ приводятъ въ кибитку, назначенную для пиршества. Свадебный обрядъ и пиръ, соединяющійся всегда съ различными забавами, устроивается обыкновенно въ аулѣ отца невѣсты, а черезъ нѣсколько дней, молодой уѣзжаетъ съ женою домой. Отъѣздъ новобрачныхъ всегда бываетъ торжественъ. При немъ присутствуетъ весь аулъ. Прежде всего отецъ молодой вручаетъ зятю приданое, навьюченное на лошадей и верблюдовъ, потомъ дѣлаетъ приличныя наставленія дочери, сажаетъ ее на лошадь и подводитъ къ мужу. Послѣ этаго молодые двигаются въ путь, сопровождаемые слезами и воплями собравшихся на прощанье женщинъ. По пріѣздѣ въ аулъ мужа, отецъ его даетъ праздникъ и созываетъ гостей, которые считаютъ своею обязанностію выбрать изъ приданаго невѣсты всѣ лучшія вещи, а въ замѣнъ ихъ даютъ другія, гораздо худшія.

Богатый женихъ, женившійся въ первый разъ на дѣвушкѣ выбранной часто не по его вкусу, не замедлитъ обзавестись второю женою, а тамъ и третьею. Каждая изъ женъ помѣщается въ особой кибиткѣ, но всѣ онѣ обязаны оказывать почтеніе первой, которая и называется *байбича*, т. е. богатая жена. Она распоряжается хозяйствомъ и имѣетъ право, въ случаѣ недовольства

мужемъ, оставить его, чего прочія, маленькія жены, сдѣлать не могутъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что женщины у Киргизовъ пользуются большею свободою, чѣмъ у другихъ Магометанскихъ народовъ. Причина этаго заключается въ образѣ жизни Киргизовъ. Киргизу при кочевомъ образѣ жизни трудно скрыть отъ взоровъ постороннихъ своихъ женъ. Трудность эта увеличивается еще потому, что у Киргизовъ нѣтъ рабовъ, которые бы исправляли различныя работы. Все хозяйство лежитъ на женахъ, которыя поэтому самому не могутъ вести жизнь затворническую.

Образованіе. Что касается до умственнаго образованія, то оно, завися всегда отъ образа жизни, не могло у Киргиза достигнуть до значительной степени развитія. Грамота до того мало распространена между Киргизами, что умѣющій читать и писать считается чудомъ мудрости. Даже ханы и султаны рѣдко знаютъ грамоту и потому держатъ у себя муллъ, которые читаютъ получаемыя бумаги и отвѣчаютъ на нихъ. Поэзія, необходимая принадлежность человѣка на всѣхъ степеняхъ его развитія, знакома, конечно, и Киргизамъ. У нихъ есть пѣсни, въ которыхъ они прославляютъ своихъ героевъ, восхищаются красотами природы, и поютъ любовь. Пѣсни Киргизскія рѣдко переходятъ неизмѣненными отъ одного поколѣнія къ другому. Большая часть ихъ — импровизація. Главную отличительную черту Киргизскихъ пѣсень, какъ и всѣхъ восточныхъ народовъ, составляетъ обиліе сравненій, которыя постоянно заимствуются изъ окружающей природы. Напѣвъ ихъ однообразный, унылый. Поются онѣ иногда подъ звуки *кобыза* и *чибызги*, или балалайки.

Кобызъ есть ничто иное, какъ деревянный, выдолбленный полушаръ съ рукояткою и струнами изъ конскаго волоса. Играютъ на кобызѣ также, какъ на віолончели. *Чибызгою* называется дудка, сдѣланная изъ дерева или изъ камыша, съ 3-мя или 4-мя отверстіями на концѣ, безъ всякихъ клапановъ и внутреннихъ перегородокъ. *Балалайка* занята Киргизами у Русскихъ и ничѣмъ не отличается отъ нашей.

Науки конечно не существуетъ между Киргизами, но они однако имѣютъ нѣкоторыя свѣденія объ окружающихъ ихъ предметахъ, и эти свѣденія конечно пріобрѣтены опытностію, а не наукою. Живя постоянно въ открытой, однообразной степи, Киргизъ находитъ большое удовольствіе въ разсматриваніи небосклона, блестящаго миріадами свѣтящихся точекъ, и, такимъ образомъ, невольно, непримѣтно знакомится съ большею частію звѣздъ, узнаетъ время восхожденія и захожденія ихъ, замѣчаетъ разстояніе одной отъ другой и проч. Самое важное для нихъ значеніе имѣетъ полярная звѣзда. Ее они называютъ желѣзный колъ и

по ней обыкновенно отыскивают дорогу. Знают они также хорошо *Венеру*, которую зовут пастушьей звѣздой, потому что она восходитъ вечеромъ, когда гонятъ стада въ аулы, или утромъ, когда выгоняютъ скотъ на паству. *Млечный путь* называютъ Киргизы *птичьею дорогою*, потому что по немъ, будто бы, летаютъ птицы изъ Европы въ Азію и обратно.

О нѣкоторыхъ созвѣздіяхъ у нихъ существуютъ особенныя повѣрья. Такъ напр. о большой медвѣдицѣ Киргизы говорятъ, что это — семь волковъ, которые гонятся за двумя лошадьми, и когда догонятъ ихъ и проглотятъ, тогда будетъ конецъ свѣта. Плеяду они называютъ *дикимъ бараномъ* и, такъ какъ это созвѣздіе весною, въ продолженіи нѣкотораго времени, не бываетъ видимо на небосклонѣ, то они думаютъ, что оно нисходитъ на землю и выгоняетъ изъ нея траву, необходимую для пищи барановъ и овецъ.

Годъ раздѣляютъ Киргизы также на двѣнадцать мѣсяцевъ и начинаютъ его съ мѣсяца, соотвѣтствующаго марту. Первый день называютъ они *наурузъ*, что значитъ новый годъ. Недѣля дѣлится на семь дней и начинается, какъ у всѣхъ Магометанъ съ пятницы, замѣняющей наше воскресенье. Счисленіе со времени бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину, событія очень важнаго для всѣхъ Магометанъ, неизвѣстно Киргизамъ. Монетъ, вѣсовъ и мѣръ у нихъ не существуетъ. Первыя замѣняются баранами или овцами; вѣсъ — измѣряютъ глазомѣромъ, протяженіе — временемъ, зрѣніемъ или слухомъ. Такъ напр. опредѣляя разстояніе какого-нибудь предмета Киргизъ скажетъ, что онъ находится на день ѣзды на лошади, на разстояніи крика человѣческаго голоса и т. п.

Между прочими необходимыми познаніями между Киргизами распространены особенно медицинскія. Лѣкарства, употребляемыя ими, не многосложены, просты и близки къ природѣ. Такъ напр. отъ грудной боли они пьютъ взваръ дикой розы или шиповника съ медомъ и коровьимъ молокомъ, а для возстановленія истощенныхъ силъ пьютъ настой медвѣжьей желчи. Въ нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ ѣдятъ киноварь, пьютъ овечью кровь, растопленное сало, или обвертываются въ шкуру животнаго, только что снятую. Всѣ эти средства не пріобрѣтеніе науки, а опыты, открытые случайно, въ слѣдствіе врожденнаго каждому человѣку чувства самосохраненія.

Волга, при впаденіи въ море, раздѣляется на двѣсти рукавовъ и образуетъ такимъ образомъ множество остро-

вовъ, обращающихся ежегодно, послѣ весенняго разлитія, въ богатыя настбища. Въ настоящее время Волга безпрестанно измѣняетъ свое русло; путь, по которому въ иной годъ суда могли ходить свободно, на слѣдующій заносится пескомъ; черезъ годъ является уже на этомъ мѣстѣ подъ водой коса, за тѣмъ выростаетъ на ней камышъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ островъ покрывается кустарникомъ. Тамошніе старожилы могутъ указать очень много такихъ мѣстъ, которыя прежде были извѣстны своею глубиною, а теперь покрыты мелкимъ лѣсомъ. Такое обмеленіе Волги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ отъ многихъ причинъ. Нерѣдко обрываются берега, вырывается и уносится растущій на нихъ лѣсъ; деревья падаютъ на дно, на нихъ наносится песокъ и илъ, и съ каждымъ годомъ нарастаютъ подъ водой бугры, которые наконецъ выходятъ на поверхность и образуютъ острова. Въ слѣдствіе этаго, судоходство по нижнимъ частямъ Волги съ каждымъ годомъ встрѣчаетъ болѣе затрудненій. Особенно затруднителенъ путь отъ Каспійскаго моря до Астрахани, куда большія суда во время сѣверного вѣтра ходить совсѣмъ не могутъ и должны ждать вѣтра съ моря.

Все пространство, расположенное по нижнимъ частямъ Волги, начиная отъ Царицына до Каспійскаго моря, составляло когда-то бо́льшую часть Астраханского царства, а теперь образуетъ Астраханскую губернію. Климатъ здѣсь вообще умѣренъ, но зима отличается суровостью, какъ вездѣ въ степяхъ. Волга вскрывается въ концѣ февраля или въ мартѣ только тогда, когда дуютъ сѣверозападные или западные вѣтры; при юговосточномъ же или восточномъ вѣтрѣ, ледъ держится нерѣдко даже до апрѣля. Ночи въ это время бываютъ холодныя, и только въ половинѣ мая наступаютъ силь-

ные жары, достигающіе высшей степени въ іюнѣ и въ іюлѣ. Тогда настаетъ совершенная засуха и ртуть въ термометрѣ поднимается нерѣдко до 30° R. Въ августѣ жары спадаютъ, въ сентябрѣ дни отличаются прохладою, а иногда бываютъ утренники. Такъ продолжается до ноября. Въ этомъ мѣсяцѣ идутъ дожди, потомъ снѣгъ, начинаются морозы, а въ половинѣ декабря Волга покрывается уже льдомъ. Въ январѣ холодъ нерѣдко доходитъ до 29° R.

Днѣпровскій бассейнъ. Днѣпровскій бассейнъ составляется Днѣпромъ съ его притоками: Припетью, Березиною, Десною, Сожью и нѣкоторыми другими. Истоки Днѣпра находятся на южномъ склонѣ Валдайской возвышенности, неподалеку отъ истоковъ Волги и Западной Двины. Теченіе его можно раздѣлить также на три части: верхнее, среднее и нижнее. Первое начинается отъ истоковъ и идетъ до Кіева. На всемъ этомъ пространствѣ Днѣпръ сохраняетъ южное теченіе. Отъ Кіева онъ поварачиваетъ на юговостокъ и доходитъ до Екатеринославля. Здѣсь оканчивается его среднее теченіе и отсюда Днѣпръ течетъ сперва на югъ, потомъ поварачиваетъ на югозападъ, дробится на безчисленное множество рукавовъ и наконецъ, между Кинбурномъ и Очаковымъ, вливается въ море. Длина теченія Днѣпра опредѣлятся въ двѣ тысячи верстъ, слѣдовательно, по величинѣ онъ занимаетъ третье мѣсто между рѣками Европы. Теченіе его быстро и увеличивается по мѣрѣ приближенія къ морю. Подобно Волгѣ, Днѣпръ принимаетъ наиболѣе притоковъ въ среднихъ частяхъ; въ нижнихъ же въ него впадаютъ немногія степныя рѣки, неудобныя для судоходства. Впрочемъ, и на самомъ Днѣпрѣ судоходство встрѣчаетъ не мало затрудненій, особенно ниже Кременчуга. Въ пяти верстахъ ниже это-

го города, начинаются такъ называемые *заборы*, т. е. ряды камней, которые или пересѣкаютъ фарватеръ во всю ширину, или же стѣсняютъ его и тѣмъ увеличиваютъ безъ того уже быстрое теченіе. Но опаснѣе всего для судоходства Днѣпровскіе пороги. Они начинаются въ 10-ти верстахъ отъ Екатеринославля и идутъ на разстояніи 70-ти верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ Днѣпръ течетъ между высокихъ, утесистыхъ береговъ, и гранитное его русло во многихъ мѣстахъ перерѣзано скалами, которыя во многихъ мѣстахъ выходятъ даже изъ подъ воды. Всѣхъ пороговъ считается десять. Опаснѣйшіе изъ нихъ: *Вольный*, *Сванецъ* и *Ненасытецкій*. У Сванецкого порога фарватеръ Днѣпра чрезвычайно съуживается и вода съ такою силою прорывается между утесовъ, что шумъ пѣнящихся волнъ слышенъ на далекое пространство отъ берега. Четыре версты ниже этого порога, находится родъ пристани, гдѣ суда выжидаютъ благопріятнѣйшей погоды для переправы чрезъ страшнѣйшій изъ всѣхъ пороговъ—*Ненасытецкій*. Каналъ, устроенный для обхода его, не приноситъ пользы, потому что входъ въ него соединенъ съ большими опасностями. Правительство съ давнихъ поръ, а именно съ Императрицы Екатерины II, начало заботиться объ устраненіи препятствій, встрѣчаемыхъ при плаваніи по Днѣпру, но эти заботы не увѣнчались успѣхомъ и судоходство черезъ пороги до сихъ поръ производится только весною, и то весьма короткое время.

Донской бассейнъ. Донъ съ своими притоками составляетъ Донской бассейнъ. Онъ беретъ начало въ Ивановскомъ озерѣ (Тульской губ.), недалеко отъ источниковъ Оки и протекаетъ на разстояніи 1,000 верстъ. При впаденіи въ Азовское море Донъ раздѣляется на

30 протоковъ, которые козаки называютъ *ирлами*. Всѣ они занесены иломъ и неудобны для судоходства, исключая только трехъ: Мертваго Донца, Каланчи и собственнаго Дона. Впрочемъ, и въ этихъ протокахъ лѣтомъ фарватеръ бываетъ такъ мелокъ, что даже мелкія суда проходятъ съ большимъ трудомъ, особенно при сѣверномъ вѣтрѣ, сгоняющемъ воду въ море. Самъ Донъ очень бѣденъ водою, а потому судоходство по немъ совершается удобно только въ весеннее половодіе, или во время дождей. Тоже должно сказать и объ его притокахъ.

Бассейнъ Западной Двины составляется Западною Двиною съ ея притоками: Межею, Обжею, Касплею и другими. Она беретъ начало въ озеро Двинцѣ (Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда) и по длинѣ теченія равняется Дону. Западная Двина составляетъ для Россіи очень важный торговый путь, который, впрочемъ, представляетъ весьма много препятствій отъ подводныхъ камней. Особенно затруднительно и опасно плаваніе по Двинѣ между Дисною, Динабургомъ и Якобштатомъ. Здѣсь часто попадаются подводные камни, цѣлые острова и множество мелей. Устья Западной Двины постоянно заносятся пескомъ, отчего корабли не могутъ подходить къ самому городу, а должны останвливаться, и разгружаться въ мѣстечкѣ *Больдераа*, расположенномъ въ 13-ти верстахъ ниже Риги.

Сѣверная Двина съ своими притоками образуетъ *Сѣверо-Двинскій бассейнъ*. Сѣвервая Двина происходитъ отъ сліянія Сухоны и Юга. Первая выходитъ изъ Кубинскаго озера и до соединенія своего съ Югомъ протекаетъ 600 верстъ. Судоходство по Сухонѣ производится безпрепятственно только въ весеннее половодіе; лѣтомъ же ходъ судовъ дѣлается затруднительнымъ и даже опаснымъ.

Отъ сліянія Юга съ Сухоною образуется Сѣверная Двина. Она течетъ на протяженіи 670 верстъ, чрезъ Вологодскую и Архангельскую губерніи и, въ 40 верстахъ ниже Архангельска, изливается въ Бѣлое море четырьмя главными устьями, между которыми самое глубокое и широкое, а потому и болѣе судоходное — Березовское.

Послѣдній — *Ладожско-Невскій или Озерный бассейнъ* находится между Финляндіею и Валдайскою возвышенностію. Эта страна озеръ, соединенныхъ между собою рѣками, дѣлится на двѣ неровныя части. Сѣверная — обширнѣе южной, содержитъ въ себѣ озера и рѣки питаемыя запасомъ водъ Финляндскихъ, а южная весь запасъ своихъ водъ получаетъ съ Валдайской возвышенности. Главная рѣка этого бассейна — Нева, справедливо сравниваемая съ рѣкою Св. Лаврентія въ сѣверной Америкѣ.

Изъ представленнаго нами краткаго гидрографическаго очерка не трудно замѣтить, что Россія, хотя и орошается множествомъ большихъ и малыхъ рѣкъ, но всѣ онѣ далеко не представляютъ удобныхъ путей сообщенія, а потому не могутъ способствовать развитію промышленности и внутренней торговли, которая до сихъ поръ остается на очень незначительной степени развитія и можетъ быть поднята только устройствомъ искусственныхъ путей сообщенія. Первое мѣсто по удобству между такими путями занимаютъ желѣзныя дороги. Въ послѣднее время наше правительство обратило внимана на этотъ важный предметъ и лѣтъ черезъ восемь, а можетъ быть менѣе, кромѣ Петербурго-Московской и Петербурго-Варшавской дороги, мы будемъ имѣть еще три: Московско-Нижегородскую, Московско-Ѳеодоссійскую и Орловско или Курско-Либавскую.

Климатъ и растенія. Европейская Россія въ клима-

тическомъ отношенiи можетъ быть раздѣлена на слѣдующiя четыре полосы:

1. *Ледовитая полоса*, заключающая въ себѣ области, расположенныя по ту сторону полярнаго круга, т. е. Новую Землю, Вайгачъ, Колгуевъ, часть Архангельской губернiи, русскую и финляндскую Лапландiю. Зима здѣсь продолжается болѣе восьми мѣсяцевъ, море остается покрыто льдомъ съ конца сентября до половины iюля, и холодъ нерѣдко доходитъ до того, что ртуть замерзаетъ въ термометрѣ. (32° R.) Лѣтнее солнце не можетъ отогрѣть и оживить оледенѣлую землю, не смотря на то, что въ продолженiи нѣкотораго времени вовсе не сходитъ съ горизонта. Мохъ и лишаи — вотъ единственныя растенiя, покрывающiя болотистую почву этой пустынной полосы.

2. *Сѣверная, или холодная полоса*, простирающаяся отъ Сѣвернаго полярнаго круга до 57-й параллели. Въ этой полосѣ на зиму приходится не менѣе шести мѣсяцевъ и холодъ также не рѣдко доходитъ до 32° R. Восточныя области отличаются болѣе суровою зимою. Весна очень коротка, а лѣто, вообще знойное, характеризуется рѣзкими и довольно частыми переходами отъ тепла къ холоду; осенью выдается не мало довольно теплыхъ дней, а по ночамъ бываютъ морозы. Западные и восточные вѣтры — господствующiе въ этой полосѣ, а дождя въ ней падаетъ меньше въ сравненiи съ областями Западной Европы, расположенными подъ одинаковою широтою. Главное богатство этой полосы Россiи составляютъ лѣса. Въ сѣверной части они почти исключительно состоятъ изъ хвойныхъ деревьевъ, а въ южной представляютъ большее разнообразiе въ породахъ. Всего чаще, впрочемъ, попадается береза. Здѣсь же начинаютъ заниматься земледѣлiемъ, которое осо-

бенно успѣшно идетъ въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, что зависитъ не отъ лучшаго качества почвы, а отъ болѣе внимательнаго и разумнаго хозяйства. Ячмень, рожь, овесъ и картофель составляютъ главные сорты хлѣба, воздѣлываемаго въ этой области Россіи. Ленъ составляетъ также одно изъ характеристическихъ растеній. Скотоводство находится въ довольно плохомъ состояніи.

3. *Средняя, или умѣренная полоса* доходитъ до 50-й, или даже до 48-й параллели. Зима здѣсь продолжительнѣе и суровѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ подъ тою же широтою. Случаи замерзанія ртути не рѣдки въ Москвѣ и особенно въ Казани, гдѣ климатъ имѣетъ характеръ вполнѣ континентальный. Весна и осень довольно коротки, хотя и продолжительнѣе, чѣмъ въ предъидущей полосѣ. Лѣто жарко и довольно сухо. Господствующіе вѣтры также западные и восточные. По растительности эта полоса Россіи можетъ быть раздѣлена на двѣ части: сѣверную и южную. Первая, доходящая до 51-й параллели, по естественнымъ произведеніямъ почти не отличается отъ предъидущей; южная же составляетъ самую плодородную часть не только Европейской Россіи, но даже цѣлой Европы. Особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ растительности отличаются губерніи, Волынская, Подольская, Черниговская, Полтавская, Харьковская и Воронежская. Губерніи же расположенныя на востокѣ и юговостокѣ отъ этихъ, большею частію представляютъ одну обширную степь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти вовсе лишенную растительности по причинѣ песчаной, каменистой или солонцоватой почвы. Кромѣ пшеницы, составляющей главное произведеніе этой полосы Россіи, здѣсь воздѣлываются и другіе сорты хлѣба. Послѣ земледѣлія скотоводство и вино-

куреніе составляютъ главное занятіе жителей. Пчеловодство доставляетъ также не мало выгодъ.

Большая часть губерній, входящихъ въ составъ этой полосы страдаетъ отъ недостатка въ лѣсѣ и причиною этаго должно считать твердость и солонцоватость почвы, а также сухость климата. Степи терпятъ также недостатокъ въ водѣ, что препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія, — за то скотоводство здѣсь идетъ прекрасно, а множество соленыхъ болотъ и озеръ, раскинутыхъ на этомъ пространствѣ, снабжаютъ солью бо̀льшую часть Россіи.

4. *Южная, или теплая полоса* включаетъ въ себѣ остальную часть Европейской Россіи. Зима здѣсь гораздо короче, чѣмъ въ остальной части Россіи, но холодъ иногда доходитъ до 30° R, особенно въ восточной части, расположенной по сосѣдству съ Азіатскими степями. Вообще, зимняя температура этой полосы Россіи ниже температуры западной Норвегіи. Весна умѣренная, лѣто жарко, сухо и продолжительно, осень короткая. Въ составъ этой полосы Россіи входятъ губерніи: Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Бессарабія, земли Донскихъ и Черноморскихъ Козаковъ, губернія Ставропольская, часть Саратовской и Астраханской. Кромѣ всѣхъ растеній предъидущей полосы, здѣсь созрѣваетъ виноградъ, арбузы, дыни и съ успѣхомъ разводится кукуруза.

Этнографическій очеркъ. Населеніе Европейской Россіи, со включеніемъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, доходитъ до 60-ти милліоновъ слишкомъ. Въ составъ его входятъ племена Славянскія и не-Славянскія.

Славянское племя. Главными представителями Славянскаго племени, составляющаго основу населенія, слу-

жатъ *Великороссіяне* и *Малороссы*. Первые, въ числѣ 36-ти милліоновъ слишкомъ, распространены по всему пространству Европейской Россіи, преимущественно же населяютъ среднюю ея часть. Вторые составляютъ господствующее населеніе въ губерніяхъ: Харьковской, Полтавской, Кіевской, Черниговской и Каменецъ-Подольской, а также живутъ въ южныхъ частяхъ Волынской, Курской и Воронежской.

Какъ южная природа Европейской Россіи не походитъ на сѣверную, такъ и племя Малорусское отличается отъ Великорусскаго физіономіею, языкомъ, характеромъ, нравами и обычаями. Великороссіяне, большею частію, средняго роста, довольно неуклюжаго тѣлосложенія, имѣютъ короткую шею, толстый затылокъ и расположены къ тучности. Цвѣтъ лица у нихъ бѣлый, съ грубымъ, багровымъ румянцемъ, волосы каштановые, русые или рыжіе, глаза каріе, голубые или сѣрые. Наружность Малоросса гораздо красивѣе. Онъ высокаго роста, строенъ, цвѣтъ лица его смуглый, глаза и волосы темные, однимъ словомъ: въ его физіономіи нѣтъ ничего нѣмецкаго. Разница между Великороссіяниномъ и Малороссомъ представляется еще болѣе разительною при сравненіи ихъ характеровъ. Всѣ Славяне отличаются веселымъ нравомъ и беззаботностью, и эти два качества ясно высказываются въ характерѣ Русскихъ и Малороссовъ. Тѣ и другіе любятъ повеселиться при всякомъ удобномъ случаѣ, неохотники до работы, равнодушно смотрятъ на постигающія ихъ несчастія, утѣшаясь вѣрованіемъ въ Божью волю, и вовсе не думаютъ объ улучшеніи своего положенія, какъ бы худо оно ни было. Таковы, на первый взглядъ, общія черты характера обитателей средней и южной Россіи. При болѣе же близкомъ знакомствѣ съ ними,

нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ особенностей, довольно рѣзко отличающихъ между собою эти два народа. Первая характеристическая черта Малоросса — скрытность. Не менѣе Русскаго Малороссъ любитъ повеселиться, попѣть и поплясать, но какъ бы ни была сильна его радость, онъ никогда не предастся ей вполнѣ и, какъ будто, боится высказать свое чувство предъ посторонними. Точно также въ обхожденіи съ незнакомыми Малороссъ постоянно осторожевъ, недовѣрчивъ и даже скрытенъ. Въ то время, какъ Русскій не только охотно отвѣчаетъ на каждый предложенный вопросъ, но и самъ ищетъ случая, чтобы завязать разговоръ и такимъ образомъ удовлетворить своей болтливости, — Малороссъ никогда не разговорится съ незнакомымъ и будетъ ограничиваться самыми короткими отвѣтами.

Такая скрытность и недовѣрчивость не рекомендуютъ, разумѣется, Малоросса съ хорошей стороны, но также и не даютъ права сказать о немъ недоброе слово, потому что эти качества не наслѣдственныя въ малороссійскомъ характерѣ, а развились въ немъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Малороссы, поставленные въ непріязненное отношеніе съ Поляками, по необходимости должны были испортиться и, изъ народа добродушнаго и довѣрчиваго, сдѣлаться въ высшей степени скрытнымъ и подозрительнымъ. Русскіе, войдя въ близкія сношенія съ Малороссами, принявъ ихъ подъ свое покровительство, не хотѣли, или не умѣли оцѣнить всѣхъ добрыхъ качествъ довѣрившагося имъ народа, и скоро между братьями одной и той же семьи опредѣлились отношенія далеко недружелюбныя. Малороссъ увидѣлъ, что онъ обманулся въ сосѣдѣ и, оскорбленный въ своемъ искреннемъ, но неоцѣненномъ довѣріи сильно не взлюбилъ Русскаго. Даже до

сихъ поръ одно слово *Москаль*, производитъ самое непріятное впечатлѣніе на Малоросса, какъ воспоминаніе о человѣкѣ, который не заслуживаетъ никакого довѣрія. *Гарний чоловікъ, да Москаль: съ Москалемъ дружи, а камень за пазухою держи*, говоритъ Малороссъ и этими поговорками всего лучше высказываетъ свое мнѣніе о Великороссіянинѣ. Русскіе, впрочемъ, мало обращаютъ вниманія на худое о нихъ мнѣніе и, для успокоенія совѣсти, подсмѣиваются надъ *хохлами*, разсказывая про нихъ множество забавныхъ анекдотовъ, въ которыхъ Малороссы выставляются непремѣнно людьми въ высшей степени недальновидными и даже тупоумными. Впрочемъ, всѣ эти анекдоты, какъ они ни забавны, не хорошо рекомендуютъ Русскихъ, какъ всякая насмѣшка сильнаго надъ слабымъ, тѣмъ болѣе потому, что Малороссіяне умственными дарованіями не только не стоятъ ниже Великороссіянъ, но даже превосходятъ ихъ. Доказательствомъ этаго можетъ служить не мало знаменитыхъ именъ нашей исторіи и литературы, родиною для которыхъ была Малороссія. Великороссіянинъ обладаетъ разнообразными способностями, но этихъ способностей достаетъ только для того, чтобы схватить верхушки предметовъ, и нѣтъ у него той силы, того генія, съ помощію котораго Малороссъ преслѣдуетъ предметъ до самаго основанія и овладѣваетъ имъ вполнѣ. Оттого между Русскими много способныхъ людей, а между Малороссами — людей геніальныхъ.

Малороссовъ упрекаютъ обыкновенно въ лѣности, но едва ли этотъ упрекъ справедливъ. Дѣйствительно, во всѣхъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ Малоросса проглядываетъ лѣнь, но эта лѣнь вовсе не заслуживаетъ порицанія, потому что она есть необходимое достояніе

южнаго климата. Мы же любуемся *dolce far niente* итальянскаго тунеядца, а между тѣмъ тотъ же самый недостатокъ, только въ меньшей степени, ставимъ въупрекъ доброму и трудолюбивому Малороссу. А чтобы убѣдиться, что Малороссъ не только не лѣнивъ, а трудолюбивъ примѣрно, для этаго стоитъ взглянуть на него во время косьбы, жатвы, уборки хлѣба. Тогда онъ работаетъ и днемъ, и ночью. Проѣзжающему въ это время по Малороссіи на каждомъ шагу попадаются огромные возы, наложенные сѣномъ или хлѣбомъ. Правда, что эти возы двигаются медленно, лѣниво, но въ этомъ нельзя обвинять Малоросса. Ихъ тащатъ волы и, если самъ хозяинъ, увѣренный, что онъ рано или поздно доберется до хаты, позволитъ себѣ заснуть на возу, то это еще не даетъ права клеймить его именемъ лѣнтяя. Начавшему работать съ разсвѣтомъ можно и уснуть во время пути.

Не хвалятъ еще Малоросса за пристрастіе къ водкѣ и, надо сознаться, что онъ охотникъ выпить, но едва ли болѣе Великоросіянина. За то о многихъ другихъ порокахъ можно сказать положительно, что они между Великороссіянами распространены гораздо въ большей степени. Такъ, напримѣръ, случаи воровства очень рѣдки въ Малороссіи и, если теперь Малороссы не закапываютъ въ землю живымъ каждаго вора, вмѣстѣ съ украденною вещію, то все же смотрятъ на этотъ порокъ, какъ на одинъ изъ самыхъ недостойныхъ человѣка. Въ Малороссійскомъ языкѣ даже не существуетъ слова — *воръ*, а замѣняется оно словомъ *злодій*. Значитъ для Малоросса между воровствомъ и злодѣйствомъ нѣтъ разницы. Вообще, надо замѣтить, что если между Малороссійскими крестьянами и встрѣчаются люди съ недоброю нравственностію то это, большею ча-

стію, живалые уже въ большихъ городахъ и тамъ испортившіеся.

Къ хорошимъ качествамъ Малороссовъ должно отнести ихъ набожность. Привязанность къ своей вѣрѣ Малороссъ доказалъ особенно тѣмъ, что во время Уніи, преслѣдуемый и мучимый Поляками, онъ бился до послѣдней капли крови и остался православнымъ.

Какъ всякій простолюдинъ, Малороссъ имѣетъ свои повѣрья и предразсудки, которыя выражаются въ различныхъ суевѣрныхъ обрядахъ. Между этими обрядами особенно важное, историческое значеніе имѣетъ слѣдующій: Въ *щедрый* или *богатый* вечеръ, (31-го декабря) каждая хозяйка дома готовитъ много варенниковъ, пироговъ и, поставивши все это въ кучу на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами и накуривъ ладономъ, проситъ мужа *исполнить законъ*. Отецъ семейства садится на *покути*(1), за грудой печенья. Потомъ входятъ дѣти и, помолившись передъ образами, спрашиваютъ: »*Де жъ нашъ батько?*« — »*Хибажъ ви мене не бачите?*« говоритъ отецъ. »*Не бачимо, тату*«, отвѣчаютъ дѣти. »*Дай же, Боже, щобъ и на той рікъ не побачили*«, заключаетъ отецъ и этими словами выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ.

Въ языческія времена этотъ обычай соблюдался и у западныхъ Славянъ съ тою только разницею, что мѣсто отца семейства занималъ жрецъ. Значитъ у восточныхъ Славянъ жреческія обязанности исполнялись главою семьи, а это заставляетъ думать, что у нихъ не было вовсе жрецовъ, такъ точно, какъ и храмовъ. Если же это такъ, то тогда становится вполнѣ понятнымъ —

(1) Передній уголъ.

отчего введеніе Христіанской религіи между восточными Славянами обошлось безъ кровопролитія. У восточныхъ Славянъ не было жрецовъ, значитъ не было сословія, которое бы, съ перемѣною религіи, теряло свое значеніе, а самый народъ не находилъ причинъ возстать противъ нововведенія, тѣмъ болѣе потому, что могъ по прежнему совершать свои языческіе обряды у себя дома, въ семьѣ, куда никто не заглядывалъ.

Къ характеристическимъ особенностямъ народа принадлежитъ также *языкъ*.

Главную особенность Малороссійскаго языка въ сравненіи съ Русскимъ, составляетъ нѣжность и благозвучіе. Русское *ы*, напримѣръ, звучитъ для Малоросса чрезвычайно грубо, трудно для произношенія, и потому замѣняется звукомъ, составляющимъ что-то среднее между нашимъ *ы* и *и*. Кромѣ этого средняго звука Малороссы имѣютъ свое очень мягкое, тонкое *і*, являющееся обыкновенно вмѣсто нашего *ѣ*. Напримѣръ, хлѣбъ— *хлібъ*, вѣкъ — *вікъ*, человѣкъ — *чоловікъ* и проч. Послѣ нѣжности и благозвучія, характеристическую черту малороссійскаго языка составляетъ обиліе словъ Польскихъ и Татарскихъ. Эти слова были заимствованы Малороссами въ періодъ ихъ самостоятельности, когда они находились въ довольно частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ тѣмъ и другимъ народомъ и, явившись разъ въ языкѣ, остались въ немъ до сихъ поръ. Со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи, малороссійскій языкъ началъ, мало по малу, терять свою самостоятельность и въ настоящее время сохранился только въ устахъ простаго народа. Всѣ оффиціальныя бумаги, большая часть сочиненій, появляющихся въ Малороссіи, пишется на великорусскомъ нарѣчіи, и только народная поэзія не измѣнила своему родному язы-

ку. Объ ней не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ тѣмъ болѣе потому, что она довольно рѣзко отличается отъ великорусской.

Русскіе пѣсни, довольно богатыя по содержанію, отличаются однообразнымъ, монотоннымъ напѣвомъ, въ которомъ часто слышится вопль человѣка, подавленнаго несчастіями. Такой характеръ напѣва русскихъ пѣсень объясняется вліяніемъ историческихъ событій. Первыя времена жизни Русскаго народа были далеко нерадостныя. Преданный въ началѣ на жертву внутреннихъ неурядицъ, междоусобій, онъ вскорѣ долженъ былъ столкнуться съ врагомъ сильнымъ, бывшимъ причиною продолжительныхъ несчастій. Эти несчастія имѣли, разумѣется, вліяніе на характеръ народа, и грусть, снѣдающая его, отозвалась и въ пѣсняхъ. Были, конечно, и счастливыя минуты въ жизни Русскаго человѣка, по временамъ онъ забывалъ свою тяжелую долю, но впечатлѣніе грусти было слишкомъ сильно и не могло изгладиться въ короткое время.

Кромѣ вліянія историческихъ событій, однообразіе напѣва русскихъ пѣсень, кажется, должно быть также объяснено меньшими музыкальными способностями Великороссіянъ, въ сравненіи съ Малороссами. Въ жизни Малоросса было также не мало тяжелыхъ минутъ, но онѣ не подавили его поэтической души и не сдѣлали однообразнымъ въ выраженіи своихъ чувствованій. Малороссы — народъ необыкновенно пѣвучій, и ихъ пѣсни щеголяютъ удивительно разнообразнымъ напѣвомъ и задушевностію высказываемаго въ нихъ чувства.

Кромѣ всѣхъ этихъ особенностей, Великороссіяне и Малороссы отличаются между собою еще образомъ жизни, внутреннимъ устройствомъ семейнаго быта. Семейная жизнь Великороссіянъ до сихъ поръ отличается

патріархальностью. Отецъ семейства считается неограниченнымъ главою; умретъ отецъ — его мѣсто занимаетъ старшій сынъ. Если семья многочисленна, то она дѣлится на части, и каждая изъ нихъ устраиваетъ свой бытъ на патріархальныхъ началахъ. Нѣсколько семей составляютъ общину, управляемую старостою, которому повинуются всѣ остальные члены, какъ младшіе старшему, какъ дѣти отцу. Изъ этого видно, что нашъ мужикъ естественное чувство сыновней любви и повиновенія переноситъ отъ отца къ тому, кто занимаетъ его мѣсто, и поэтому зоветъ батюшкой не только отца, но и своего помѣщика, чиновника, поставленнаго отъ Правительства и, наконецъ, самаго Царя.

Бытъ малороссійскаго крестьянина вовсе не отличается такою патріархальностью. Въ Малороссіи не только дальніе родственники не сохраняютъ между собою тѣсной связи, но даже сынъ, какъ только перестанетъ быть парнемъ, а сдѣлается *чоловікомъ*, т. е. какъ только женится, тотчасъ же строитъ себѣ особую хату и заводитъ отдѣльное хозяйство. Два женатыхъ брата никогда не уживаются вмѣстѣ и, вообще, старшій въ семьѣ далеко не пользуется такимъ вліяніемъ, какое принадлежитъ ему въ Великой Россіи. Причина такого явленія въ Малороссіи, по всей вѣроятности, заключается въ прошедшихъ войнахъ, которые заставляли многихъ, для безопасности, переселяться въ другія страны, а эти переселенія, дробивъ семьи на части, должны были, конечно, нарушать внутренаюю связь между ихъ членами.

Живутъ Малороссы въ мѣстечкахъ, селеніяхъ и деревняхъ, которые раскинуты обыкновенно на живописныхъ мѣстностяхъ и окружены рядомъ мельницъ. Хаты Малороссовъ разбросаны въ безпорядкѣ, рѣдко обра-

зуютъ улицы, но, большею частію, располагаются вокругъ обширныхъ выгоновъ, на которыхъ пасутся домашнія птицы и молодыя домашнія животныя. Вообще, видъ Малорусского селенія чрезвычайно пріятенъ для глаза. Чистыя, выбѣленныя хаты почти всегда окружены садиками; у оконъ, въ особенности, если въ семействѣ есть дѣвушка красуется гвоздика, барвінокъ, роза и другіе красивые цвѣты, а огородъ, расположенный подлѣ хаты украшенъ подсолнечниками, разноцвѣтнымъ макомъ, кустами бузины и сирени. Самая хата Малоросса отличается, если не всегда снаружи, то всегда внутри необыкновенною чистотою. Вообще надо замѣтить, что любовь къ опрятности составляетъ также характеристическую черту Малоросовъ и этимъ они отличаются не только отъ Поляковъ, едва ли не самаго грязнаго народа между Славянскими, но и отъ Великороссіянъ, которыхъ также нельзя похвалить за чистоплотность. Въ избѣ великороссійского крестьянина, часто красивой и даже богатой снаружи, съ трудомъ отыщется уголокъ, въ которомъ бы можно было переночевать покойно. Духота и множество разнообразныхъ насѣкомыхъ непремѣнно васъ выгонятъ оттуда. Проѣзжающему по нашимъ проселочнымъ дорогамъ не рѣдко приходится голодать, и это происходитъ вовсе не отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, а отъ неопрятности, съ какою готовитъ кушанье русская баба. Совсѣмъ другое представляютъ малороссійскія хаты. Въ нихъ вы входите съ удовольствіемъ, васъ встрѣчаютъ радушно хозяева и съ готовностію угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ. Не роскошно иногда это угощеніе, но оно вкусно, потому что предлагается опрятно одѣтою хозяйкой, въ чисто вымытой посудѣ.

Чтобы познакомиться съ нѣкоторыми обычаями се-

мейной жизни Малоросса, прослѣдимъ вкратцѣ его жизнь, отъ колыбели до могилы.

Съ первыхъ же дней жизни ребенокъ поступаетъ или къ какой нибудь родственницѣ-старухѣ, или чаще къ своимъ маленькимъ сестрамъ, и по цѣлымъ днямъ виситъ въ своей колыбели, качаемый подъ припѣвъ безчисленнаго множества пѣсенокъ. Эти пѣсенки слагаются тутъ же маленькими нянькамии главную роль въ этихъ импровизаціяхъ играетъ обыкновенно котъ —первая и часто единственная игрушка ребенка ([1]). Едва только дитя начинаетъ сидѣть, оно переходитъ изъ колыбели на цѣлый день въ старое лукошко, въ которомъ и сидитъ, играя съ котенкомъ или съ какимъ нибудь лоскутикомъ, часто забытое совершенно. Съ способностью ползать для ребенка открывается большее разнообразіе, а какъ скоро начнетъ онъ ходить, то дѣлается полнымъ хозяиномъ своего времени и цѣлые дни проводитъ на дворѣ въ разнообразныхъ играхъ. Беззаботное время игръ проходитъ, впрочемъ, скоро. Какъ только минетъ

([1]) Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ пѣсень:

Люля́ю, люля́ю,
Побъю котка́, пола́ю,
Щобъ по ночахъ не хо́дивъ,
Малы́хъ ді́токъ не буди́въ.

Ой ти, ко́те сірий,
Не ходи́ до сінях,
А иди́ до ха́ти
Дитя́ колиха́ти.

А на кота́ ворко́та,
А на діти дрімо́та;
А на кота́ все ли́хо,
Ти, дити́нко, спи ти́хо.

мальчику семь лѣтъ, его уже называютъ *погбничъ*, т. е. погонщикъ воловъ во время паханья. Кромѣ этаго занятія, мальчики пасутъ телятъ, овецъ, свиней и исполняютъ другія легкія хозяйственныя обязанности, а дѣвушки, повязанныя уже *запаскою* (1) дѣлаются пряхами, няньчать дѣтей и вообще помогаютъ матери въ домашнемъ хозяйствѣ.

Достигши 18-ти лѣтъ, парубокъ подумываетъ уже о женитьбѣ. Онъ выбираетъ себѣ будущую подругу жизни обыкновенно на *вечорницяхъ*. Вечерницы походятъ на посидѣлки Великороссійскихъ крестьянъ. Дѣвушки сговариваются, избираютъ какую нибудь женщину и поручаютъ ей устроить свои собранія. Вечеромъ онѣ отправляются въ избранную избу и занимаются работою. Сюда являются и парубки потѣшать дѣвушекъ: разсказываютъ сказки, поютъ пѣсни, а иногда и пляшутъ.

Осенью послѣ уборки хлѣба, начинаются сватовства. Парубокъ, задумавшій жениться, спрашиваетъ у родителей благословенія и избираетъ двухъ *старостъ* (сватовъ), обыкновенно почетнѣйшихъ крестьянъ, обладающихъ также даромъ слова и знакомыхъ съ своею обязанностью. Старосты, взявъ съ собою хлѣба и соли, вмѣстѣ съ женихомъ отправляются къ родителямъ выбранной дѣвушки. Завидя ихъ, родители спѣшатъ прибрать въ хатѣ и садятся на покути. Старосты, подойдя къ хатѣ, должны постучаться въ дверь; ихъ спрашиваютъ, что они за люди и зачѣмъ пришли, а они отвѣчаютъ заученными фразами, въ родѣ слѣдующихъ: «мы люди заморскіе и занимаемся охотою, а къ вамъ пришли не по своему дѣлу, а по просьбѣ князя, который встрѣтился случайно и просилъ сослужить службу: поймать

(1) Кусокъ цвѣтной матеріи, повязываемый поверхъ сорочки.

ему лисичку. Долго искали мы и наконецъ напали на слѣдъ звѣрка. Лисичка побѣжала къ вамъ на дворъ, а съ двора до хаты; отдайте же нашему князю лисицу, вашу красную дѣвицу.» Потомъ входятъ они въ хату, гдѣ переговоры идутъ еще довольно долго. Въ это время женихъ стоитъ потупя голову, а невѣста, отворотясь лицемъ къ печкѣ, должна отламывать кусочки глины, *пічъ колупать*, какъ бы выражая этимъ свое замѣшательство. Въ случаѣ согласія, родители невѣсты спрашиваютъ ея желаніе и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, велятъ перевязать дорогихъ гостей. Невѣста вынимаетъ приготовленные заранѣе рушники и перевязываетъ ими старостъ черезъ плечо, а жениху повязываетъ на правой рукѣ платокъ, повыше локтя. Обрядъ этотъ называется, *давать рушники*. Въ случаѣ отказа, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи водится обыкновеніе подносить жениху *гарбу́зъ* (тыкву), что считается большимъ оскорбленіемъ, тѣмъ болѣе потому, что вѣсть объ этомъ постыдномъ отказѣ расносится по всей деревнѣ.

Послѣ сватовства назначается сговоръ, а тамъ и свадьба, устроиваемая обыкновенно въ воскресенье, послѣ обѣдни. По окончаніи вѣнчальнаго обряда женихъ и невѣста расходятся по своимъ домамъ. У жениха устраивается обѣдъ, на которой сбираются сваты, дружки и прочіе гости. Послѣ обѣда родители жениха садятся на шубу, вывороченную шерстью вверхъ; сынъ кланяется имъ въ ноги и, принявъ благословеніе отъ матери, проситъ позволенія отправиться въ домъ невѣсты. Тамъ его встрѣчаетъ теща и подаетъ горшокъ, наполненный водою и овсомъ. Принявъ этотъ подарокъ, молодой выливаетъ воду на гриву своей лошади, а горшокъ передаетъ старшему родственнику, который бросаетъ его въ сторону и, если горшокъ разобьется, то первенецъ у мо-

лодыхъ будетъ сынъ, а если уцѣлѣетъ, то дочь. Послѣ этаго всѣ отправляются въ хату, гдѣ за столомъ сидитъ молодая, а подлѣ нея братъ или другой ближній родственникъ, съ обнаженною саблею. Дружко жениха подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «Зачѣмъ сидишь здѣсь?»—«Я берегу свою сестру», отвѣчаетъ онъ. «Она уже не твоя, а наша», возражаетъ дружко. «А если ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе». Начинается торгъ и, наконецъ, братъ невѣсты, согласившись принять предложенную сумму, уступаетъ мѣсто жениху. Такая продажа невѣсты существуетъ до сихъ поръ не только у Малороссовъ, но также и у Великороссіянъ. Происхожденіе этого обычая, кажется, довольно вѣрно можетъ быть объяснено слѣдующимъ: древніе Славяне раздѣлялись на отдѣльные роды и брачныя церемоніи заключались только между чужими родами. Поэтому понятно, что на женщину съ самого дня ея рожденія, смотрѣли, какъ на чужую, долженствующую перейти въ другой родъ, а въ слѣдствіе этаго, родственники дѣвушки, при выдачѣ ея замужъ, хотѣли вознаградить себя за ея содержаніе. Съ такими требованіями выступали, разумѣется, не родители невѣсты, для которыхъ одинаково были дороги всѣ дѣти, а братья ея, постоянно старавшіеся вознаградить себя, на счетъ жениха, за потерю части наслѣдства, которое обыкновенно давалось невѣстѣ въ приданое. Существованіе такого обычая между Славянами подтверждаетъ также извѣстная пословица, сохранившаяся до сихъ поръ: «*Тесть любитъ честь, зять любитъ взять, теща любитъ дать, а шуринъ глаза жмуритъ — дать не хочется.*»

Когда молодой займетъ мѣсто подлѣ невѣсты, дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсню:

Та усі ангели, та усі святиі,
Підъ вікбнечкомъ сіли,
Молода Маруся у свогб бáтенька
Благословéнія прбсить:
Благослови менé, мій бáтеньку,
На посáді сісти.
Богъ тобі, дбченько, на пбмічъ,
Ангели рáдять
На посáдъ сáдять,
Госпбдь дбленьку дае.

Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе, потомъ пѣсни, пляски и веселье нерѣдко продолжается далеко за полночь. Свадебные пиры повторяется еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней и оканчиваются визитами, которые молодые обязаны сдѣлать всѣмъ родственникамъ и знакомымъ.

Теперь парень уже не существуетъ; на сцену является чоловікъ, т. е. мужъ, женатый, и дѣлается полнымъ хозяиномъ.

Занятія Малороссійскаго крестьянина земледѣльческія.

Какъ только сойдетъ снѣгъ и просохнетъ земля, Малороссъ начинаетъ пахать и только, въ маѣ разстается съ плугомъ на какой нибудь мѣсяцъ. Въ это время ему предстоятъ другія работы. Къ 20-му іюня въ степяхъ поспѣваютъ травы и наступаетъ время *косовицъ*. Эта работа доставляетъ цѣлый рядъ удовольствій для Малоросса. Болѣе зажиточные хозяева еще зимою запасаются *косарями*. Около Иванова дня рабочіе собираются къ своему хозяину и рано утромъ, или въ ночь, съ громкими пѣснями выходятъ на работу въ степь, иногда верстъ за 10. Обыкновенно косари встаютъ до разсвѣта и, позавтракавъ, принимаются за работу. Впереди идетъ атаманъ, избираемый косарями. Его обязанность — вести ровно товарищей и подгонять лѣнтяевъ и отста-

лыхъ. Утренняя работа продолжается до 10 часовъ. Въ 10 часовъ косари садятся за обѣдъ, который долженъ быть изобиленъ и вкусенъ. По законамъ косовицы, если кушанье приготовлено дурно, то каждый косарь можетъ ударить кухарку точильной лопаткой, какъ ему угодно. За обѣдомъ вспоминаютъ о прошлой косовицѣ, подтруниваютъ надъ молодежью, болтаютъ о разныхъ разностяхъ. Послѣ обѣда небольшой отдыхъ, а тамъ опять за работу. Въ 4 часа полдникъ, потомъ работа, а съ закатомъ солнца — ужинъ. Необыкновенно живописны группы косарей вечеромъ, когда при лунномъ освѣщеніи сидятъ они возлѣ шалаша. Почти у каждаго въ рукахъ люлька, шапка надѣта на бекрень, а въ кружкѣ, подъ звуки балалайки или сопѣлки, молодежь отхватываетъ какую нибудь плясовую. Этотъ таборъ становится еще живописнѣе, когда присоединяются къ нему *гребцы*, состоящіе изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣвушекъ, молодицъ и парнишекъ. Но вотъ сѣно уже скошено и сметано въ стоги. Начинается новая работа—*жныва*. Это самое трудное время для крестьянина. Во многихъ Малороссійскихъ селеніяхъ, по случаю окончанія жатвы устраивается особенное празднество (обжинки), на которомъ главную роль играетъ самая красивая изъ жницъ. Она надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ колосьевъ и подноситъ такой же вѣнокъ, украшенный цвѣтами, хозяину или помѣщику. Въ слѣдъ за окончаніемъ жнивы начинаютъ сѣять озимыя рожь и пшеницу, а женщины принимаются за уборку баштановъ и огородовъ. Съ наступленіемъ зимы являются новыя занятія, и такъ проходитъ дѣятелная жизнь трудолюбиваго Малоросса, котораго обыкновенно называютъ лѣнивымъ.

Кромѣ Великороссіянъ и Малороссовъ къ Славянско-

му племени принадлежатъ: Поляки, Бѣлоруссы, Сербы и Болгары.

Поляки, число которыхъ простираются до 7 милліоновъ, живутъ въ царствѣ польскомъ, а также въ западныхъ губерніяхъ и рѣзко отличаются отъ прочихъ народовъ Славянскаго племени. Религія, языкъ и характеръ вотъ главныя, характеристическія особенности Поляковъ. Число Бѣлоруссовъ простирается до 4 милліоновъ. Они населяютъ большую часть западныхъ губерній, а именно Витебскую, Могилевскую, Минскую, Гродненскую и Виленскую. Сербы и Болгары, встрѣчающіеся въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, очень малочисленны (около 80 т.) и могутъ быть разсматриваемы, какъ колонисты Россіи, которые, рано или поздно, сольются съ массою господствующаго населенія.

Племена не-Славянскія, число которыхъ простирается милліоновъ до восьми, занимаютъ преимущественно окраины Европейской Россіи, а внутри встрѣчаются только мѣстами и то въ незначительнымъ количествѣ. Всѣ эти племена, если обратить вниманіе на ихъ физіономію, языкъ и нѣкоторыя историческія преданія и факты, могутъ быть раздѣлены на пять главныхъ, а именно: *Нѣмецкое*, *Литовское*, *Финское*, *Монгольское* и *Турецко-Татарское*.

Нѣмецкое племя, незначительное по числу, заслуживаетъ вниманія, какъ самое образованное между прочими неславянскими племенами, населяющими Россію. Къ нему принадлежатъ Шведы и Нѣмцы. Первые живутъ въ Финляндіи, вторые въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и въ другихъ значительныхъ городахъ. Кромѣ этаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а именно: въ Петербургской, Саратовской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, а также въ

Бессарабіи и на Кавказѣ заведены нѣмецкія колоніи. Между ними особенно важны по числу колонистовъ Саратовскія, возникшія во время царствованія императрицы Екатерины II.

Историческій очеркъ. Главнымъ поводомъ къ заведенію колоній было съ одной стороны — заселить огромное пространство земли плодородной, но необработанной, а съ другой — улучшить земледѣліе и распространить промышленность. Въ 1763 году былъ изданъ указъ, въ которомъ съ подробностію опредѣлены преимущества колонистовъ. Самые важные преимущества заключались въ слѣдующемъ: 1) Колонистамъ предоставлялось свободное отправленіе Богослуженія. 2) Они освобождались отъ рекрутчины на вѣчныя времена, и на 30 лѣтъ отъ платежа всякаго рода повинностей. 3) Имъ предоставлялось право собственнаго управленія и суда. 4) Каждое семейство получало участокъ въ 30 десятинъ, домъ, провіантъ на цѣлый годъ, и наконецъ 5) очень важное право заключалось въ томъ, что каждый колонистъ могъ занимать у казны деньги безъ процентовъ. Всѣ эти выгоды предоставленныя колонистамъ естественно должны были привлечь въ Россію много иностранцевъ — тѣмъ болѣе потому, что нашлось немало спекулянтовъ, которые подрядились доставлять въ Россію поселенцевъ, получая за это извѣстное вознагражденіе. Имѣя въ виду собственныя выгоды, эти люди, конечно, всѣми мѣрами старались склонить на переселеніе какъ можно больше людей, вовсе не обращая вниманія на то, могутъ ли они принести Россіи ожидаемую отъ нихъ пользу. Переселеніе началось съ слѣдующаго года послѣ изданія указа, и скоро въ Петербургѣ явилось значительное число колонистовъ, изъ которыхъ многіе не только не имѣли никакого понятія о земледѣліи, но были люди безнравственные и потому вредные для государства. Но, какъ бы то ни было, прибывшихъ надо было отправить на мѣсто поселенія, что представило много затрудненій. Наконецъ кое-какъ отправили ихъ по Волгѣ. Къ осени только они прибыли въ Сызранскій уѣздъ и должны были остаться тамъ зимовать. Главною причиною такой медленности было корыстолюбіе начальника, сопровождавшаго колонистовъ. Онъ не дозволялъ переселенцамъ запасаться съѣстными припасами въ ближайшихъ деревняхъ, а заставлялъ покупать у себя. Поэтому ему было выгодно, чтобы переѣздъ продолжался долѣе. Наконецъ на слѣдующую весну колонисты прибыли на мѣсто поселенія, но тутъ не только дома еще не были выстроены, но съ трудомъ можно было достать

матеріалъ для устройства кой-какихъ шалашей и, когда снова наступила зима, колонисты пришли въ ужасное положеніе. Они должны были жить въ землянкахъ, терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, переносить многія другія лишенія. Наконецъ, въ довершеніе несчастія, между ними открылись повальныя болѣзни. Только въ слѣдующемъ году выстроили колонистамъ жилища и снабдили всѣмъ необходимымъ: выдали земледѣльческія орудія, дали по двѣ коровы, по лошади и проч. Все это однако не помогло дѣлу, потому что многіе изъ колонистовъ никогда не брали въ руки сохи, или не могли повести дѣло какъ слѣдуетъ, потому что вовсе не знали, какъ надо обходиться съ землею, а другіе даже не хотѣли работать и вели жизнь очень нехорошую. Ихъ наказывали за лѣность, но это не помогало, и скоро правительство принуждено было выдать колонистамъ паспорты и разослать въ разные мѣста Россіи. Въ колоніи остались только лучшіе. Переживъ разнаго рода несчастія и неудачи, привыкнувъ къ климату, ознакомившись съ почвою, Саратовскіе колонисты достигли наконецъ благосостоянія, доказательствомъ чего служитъ быстрое умноженіе ихъ числа. Въ настоящее время число Саратовскихъ колонистовъ простирается до 150,000; между тѣмъ какъ въ 1765 г. оно ограничивалось только 23,000.

Саратовскія колоніи расположены по обѣимъ сторонамъ Волги, начиная отъ Вольска и кончая Николаевскимъ. При впаденіи Сарпы въ Волгу, находится также нѣмецкая колонія, извѣстная подъ названіемъ *Сарепты*. Основана она въ 1766 г. Въ 1774 г. Пугачевъ сжегъ эту колонію, но благодаря помощи, оказанной императрицею, она была снова возстановлена и въ настоящее время Сарепта стоитъ въ ряду лучшихъ нѣмецкихъ колоній. Главнымъ занятіемъ колонистовъ служитъ: разведеніе табаку, винограда, индиго и извѣстной сарептской горчицы. Сарептская горчица обратила на себя вниманіе правительства въ 1810 г. и фабрикантъ Нейдъ получилъ даже отъ императора золотые часы. Въ настоящее время ежегодно въ Сарептѣ приготовляется горчицы болѣе 1,000 пудовъ.

Внутреннее устройство Саратовскихъ колоній чисто

нѣмецкое. Во главѣ каждой колоніи стоитъ шульцъ, избираемый каждый годъ. Онъ главный въ судѣ, состоящемъ изъ двухъ старостъ, двухъ предсѣдателей и однаго секретаря. Нѣсколько колоній (отъ 4 до 6) составляютъ округъ, управляемый особымъ начальникомъ съ двумя окружными. Они избираются на три года. Всѣ колоніи вмѣстѣ зависятъ отъ саратовской конторы, управляемой директоромъ и подвѣдомственной министерству государственныхъ имуществъ.

Хотя Саратовскія колоніи въ настоящее время находятся въ цвѣтущемъ состояніи, однако надежды правительства на то, что переселившіеся колонисты представятъ для русскихъ хорошій примѣръ въ хозяйствѣ, не оправдались.

Поэтому-то, въ царствованіе императора Александра Благословеннаго, переселеніе иностранцевъ было ограничено: приглашали людей только самыхъ искусныхъ и на водвореніе ихъ положено отпускать ежегодно, вмѣсто 5 милліоновъ рублей, только $2^1/_2$. Въ послѣдствіи, уже при императорѣ Николаѣ I, выдача этой суммы отмѣнена и дозволено селиться въ Россіи только тѣмъ изъ иностранцевъ, которые могутъ совершить переѣздъ и самое водвореніе на свой счетъ. Исключеніе изъ этаго правила дѣлалось только для Меннонитовъ, которые въ самомъ дѣлѣ отказываютъ доброе вліяніе на окрестныхъ жителей, своимъ поведеніемъ, отличнымъ порядкомъ и опытностію во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства.

Начало переселенія Меннонитовъ относится къ 1783 г. Первоначально они поселились около Острога (Волынской губерніи), гдѣ и теперь находится Меннонитская колонія, состоящая изъ 2-хъ деревень. Черезъ 4 года Меннониты, въ числѣ 330 семействъ, поселились на Днѣпрѣ, въ 60 в. отъ Екатеринославля, въ Хортиц-

комъ округѣ, гдѣ правительство отвело имъ большой участокъ земли, со включеніемъ острова *Хортицы*, и сверхъ того, для первоначальнаго обзаведенія, выдало значительную сумму денегъ въ займы. Издержки правительства на этотъ разъ были ненапрасны. Меннонитскія колоніи въ самое непродолжительное время достигли цвѣтущаго состоянія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, новая партія Меннонитовъ, въ числѣ 347 семействъ, водворилась на рѣкѣ Молочной, впадающей въ Азовское море. Эта новая колонія своимъ быстрымъ развитіемъ превзошла всѣ ожиданія. Извѣстно, что когда Императоръ Александръ I, на возвратномъ пути, изъ Крыма въ Таганрогъ, проѣзжалъ чрезъ эту колонію, то до того былъ пораженъ ея благосостояніемъ, что обратившись къ своимъ спутникамъ сказалъ: «Теперь намъ не зачѣмъ ѣздить въ Германію, въ нашемъ царствѣ есть страна не хуже Германіи.» Эти слова служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ много сдѣлали Меннониты для того клочка Россіи, который служитъ ихъ мѣстомъ жительства.

Литовское племя, въ числѣ 2 милліоновъ, занимаетъ губерніи: Курляндскую, Лифляндскую, Ковенскую, Виленскую, Гродненскую и Августовскую. Въ составъ его входятъ Литовцы, Жмудь и Латыши. Это племя, будучи одного происхожденія съ Славянами, близко къ нимъ и по образу жизни, и по религіознымъ понятіямъ, но отличается по языку. Въ настоящее время, впрочемъ, Литовскій языкъ, потерявшій литературное и офиціальное значеніе еще въ концѣ XIV ст., сохраняется только въ низшемъ классѣ.

Финское племя. Финны населяющіе Европейскую Россію могутъ быть раздѣлены на три отрасли: 1) Финновъ пріуральскихъ, 2) Финновъ приволжскихъ и 3) Финновъ прибалтійскихъ.

При-уральскіе Финны. Въ составъ Финновъ прі-уральскихъ входятъ: Пермяки, Вотяки, и Зыряне. Такъ какъ эти три народа въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни очень походятъ другъ на друга, то мы считаемъ достаточнымъ обратить вниманіе только на одинъ

изъ нихъ. Выбираемъ Пермяковъ, имѣвшихъ когда-то важное историческое значеніе.

Пермяки, живущіе въ настоящее время въ Вятской и Пермской губерніяхъ, называютъ себя *Коми*, что, кажется, значитъ люди, и рѣшительно не знаютъ почему ихъ называютъ Пермяками, а страну ихъ Пермью. Такое названіе, по всей вѣроятности, произошло отъ слова *парма*, что значитъ гора. Мѣстность, занимаемая Соликамскимъ и Чердынскимъ уѣздами, довольно гориста, и каждая гора до сихъ поръ называется тамъ парма, а прежде, можетъ быть, называлась и *перма*. Очень можетъ быть, что первые Русскіе, населившіе эту страну, видя множество пармъ назвали ее *пармы*, *пермы*, *пермь*; а народъ, живущій въ ней, Пермячами или Пермяками.

Пермяки, по словамъ Нестора, были знакомы Русскимъ еще до основанія русскаго царства. Первое же сближеніе Русскихъ съ Пермяками относится къ XI столѣтію. По всей вѣроятности, уже въ княженіе Владиміра и Ярослава Великаго, Новгородцы вели торговлю съ сѣверовосточными народами, и около этого времени покорили Пермію и обложили данью жителей Перми, Печоры и Югры. Покоренная ими страна, отъ Бѣлоозера до Печеры названа была *Заволочьемъ*, и постепенно заселялась Новгородцами. Въ XIII столѣтіи вмѣстѣ съ Заволочьемъ и Пермь была данницею великаго Новгорода, что видно изъ договорной грамоты Новгородцевъ съ Великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, заключенной въ 1264 г. Впрочемъ, подчиненіе Перми Новгороду въ это время было несовершенное. Пермь имѣла собственныхъ князей и торговала съ сосѣдями, какъ земля свободная. Въ XIV столѣтіи у Новгородцевъ явился соперникъ, въ лицѣ Іоанна Даниловича Калиты. Онъ прельстился Закамскимъ серебромъ и дорогими мѣхами, шедшими въ Новгородъ съ востока, и сильно желамъ завладѣть Пермскою землею. Намѣреніе это, не оставлявшее и преемниковъ Іоанна Даниловича, осуществилось только при Іоаннѣ Васильевичѣ III. Сломивъ свободу Новгорода, онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ также уничтожить и самостоятельность Перми. Случай къ этому скоро представился. Въ 1472 г. въ Перми обидѣли чѣмъ-то Москвитянъ, и Іоаннъ Василь-

евичъ III послалъ туда Князя Θеодора Пестраго, для законной расправы. Близъ городка *Искора*, въ Чердынскомъ уѣздѣ, произошла встрѣча съ пермскою ратью. Воеводы пермскіе были разбиты и взяты въ плѣнъ. Вскорѣ послѣ этаго русскіе войска овладѣли великою Пермью и захватили тамошняго князя Михаила. Пермская страна признала надъ собою власть Іоанна III и, въ первое время своего подданства, управлялась собственными князьями, но какъ присяжниками Московскаго государя. Въ 1505 г. въ Пермь былъ назначенъ намѣстникомъ князь Василій Андреевичъ Коверъ, и съ этого времени Пермь сдѣлалась провинціею Московскаго княжества.

Опредѣливъ время присоединенія Пермской земли къ русскимъ владѣніямъ, остается сказать нѣсколько словъ о нынѣшнихъ Пермякахъ. При этомъ не распространяясь объ ихъ физіономіи, которая очень походитъ на физіономію прочихъ народовъ финскаго племени и оставивъ въ сторонѣ разсмотрѣніе ихъ быта, мало отличающаюся отъ быта ихъ русскихъ сосѣдей, мы обратимъ вниманіе на болѣе характеристическія особенности. Главное мѣсто между ними занимаетъ языкъ и религія.

Языкъ Пермяковъ составляетъ одно изъ многочисленныхъ нарѣчій племенъ Чудскихъ, или Финскихъ. До сихъ поръ мало обращали вниманія на изученіе пермскаго языка, между тѣмъ какъ знакомство съ нимъ, по всей вѣроятности, могло бы способствовать къ уясненію древней исторіи нашего отечества.

Первую характеристическую черту пермскаго языка составляетъ бѣдность. Въ немъ есть только слова, необходимыя для означенія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, качествъ и дѣйствій. Бѣдность пермскаго языка доказывается лучше всего тѣмъ, что въ немъ одно и то же слово часто имѣетъ два и даже три значенія; такъ напримѣръ, *ай* значитъ мясо и тѣло, *керны* — дѣлать и строить, *кувны* — умереть, пропасть, погибнуть.

Бѣдность роднаго языка заставляетъ Пермяковъ заимствовать русскія слова, которыя они передѣлываютъ по своему. Такъ, напримѣръ, русское *баить* измѣнилось у нихъ въ *баитны*, *думать* — въ *думайтны*, *соль* — въ *совъ* и проч. Въ настоящее время большая часть Пермяковъ, которыхъ считается до 59,000, говоритъ русскою рѣчью, которая впрочемъ дается имъ несовершенно. Такъ напримѣръ звуки *ф*, *х*, *ц*, *щ*, *ѳ*, несвойственные Пермскому языку, замѣняются *п*, *к*, *ч*, *ш*. Вмѣсто *цѣлковый*, Пермяки говорятъ *чѣлковый*, вмѣсто *щука* — *шука*. *г* и *л* произносятъ какъ *в*. Такъ напримѣръ, вмѣсто «*Господи благослови*» Пермякъ скажетъ *Восподи бвавосвови*, вмѣсто *лошадь* — вошадь. По неимѣнію родовъ и по недостатку многихъ глаголовъ мало обрусѣлые Пермяки вмѣсто мужскаго рода употребляютъ женскій и наоборотъ, вмѣсто одного глагола другой. *Мой баба пропалъ*, говоритъ Пермякъ, вмѣсто *моя жена умерла*.

Религія. До конца XIV столѣтія между Пермяками существовало язычество. Новгородцы, владѣя Пермью, довольствовались сбираемою съ жителей данью, а до вѣры ихъ не касались. Переселенцы Новгородскіе и Московскіе по малочисленности своей не могли имѣть вліянія на Пермяковъ въ религіозномъ отношеніи. Опредѣлить время обращенія Пермяковъ въ Христіанство трудно. Извѣстно, что въ княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго, ростовскій іеромонахъ Стефанъ отправился на сѣверовостокъ съ цѣлію распространить тамъ слово Божіе и проповѣдывалъ въ областяхъ, составлявшихъ тогда Малую Пермь, а теперь Вологодскую губернію, слѣдовательно не у Пермяковъ, а у родственниковъ ихъ—Зырянъ. Въ послѣдствіи Стефанъ, въ награду за свою ревность, былъ поставленъ Епископомъ

въ новообращенный край. Преданіе говоритъ, что онъ съ своими учениками былъ и въ Великой Перміи, у настоящихъ Пермяковъ, но водворилось-ли тогда же между ними Христіанство—неизвѣстно. Достовѣрно только, что Пермяки крестились послѣ Зырянъ, а именно не ранѣе 1473 г., когда плѣненный ихъ князь Михаилъ сдѣлался Христіаниномъ.

Въ настоящее время всѣ Пермяки Христіяне, впрочемъ, далеко неревностные. Церкви посѣщаютъ лѣниво, а между жителями дальнихъ деревень найдется много такихъ, которые были въ церкви только развѣ для крещенія и вѣнчанія. Во время постовъ, соблюдаемыхъ ими съ большою строгостью, исповѣдываются далеко не всѣ, а пріобщаются Святыхъ Тайнъ весьма немногіе. Изъ молитвъ знаютъ только одну — Сусову, какъ они говорятъ, а о таинствахъ Христіанской религіи, конечно, не имѣютъ никакихъ понятій. Будучи плохими Христіанами Пермяки заражены многими суевѣріями, общими, впрочемъ, съ русскими. Такъ они вѣрятъ въ чорта, лѣшаго и въ сусѣдко или, по нашему, домоваго. Чортъ, или *гёна мортъ*, что значитъ мохнатый человѣкъ, живетъ постоянно въ водѣ, а лѣшій имѣетъ свое мѣстопребываніе въ лѣсу. Послѣдній является иногда въ видѣ человѣка, то выше лѣса, то ниже травы и отличается отъ прочихъ людей отсутствіемъ бровей и рѣсницъ. Лѣшій любитъ иногда подшучивать надъ людьми: примораживаетъ сани къ дорогѣ, пугаетъ лошадей, заводитъ въ трущобу, а также уноситъ дѣтей, проклятыхъ матерями. *Сусѣдко*, представляемый косматымъ старикомъ-невидимкою, живетъ въ каждомъ домѣ и бываетъ добръ или золъ, смотря потому, какое уваженіе оказываетъ ему хозяинъ и жильцы дома. Доброта или злость его выражаются въ

обхожденіи съ домашнимъ скотомъ, особенно съ лошадьми.

Пермяки вѣрятъ также въ колдуновъ и знахарей. Эти люди одарены искусствомъ накликать болѣзнь на человѣка и скотину, лѣчить ихъ, заговаривать кровь, утверждать взаимную привязанность между молодыми людьми, однимъ словомъ: дѣлать множество подобныхъ чудесъ не только съ помощію зелій, но однимъ словомъ, взглядомъ, даже дуновеніемъ.

Общій пріемъ, употребляемый Пермскими знахарями или знахарками при лѣченіи трудной болѣзни, называется *черъ ёшваномъ*, т. е. вѣшаніемъ топора. Заболѣвшій Пермякъ, испытавъ напрасно различныя домашнія медицинскія средства, беретъ наконецъ хлѣбъ, щепотку хмѣлю, кусочекъ воску и отправляется къ черъёшванщицѣ. Черъёшванщица, распросивъ о болѣзни, беретъ принесенные предметы и кладетъ ихъ на божницу, гдѣ они остаются дня два. По прошествіи этаго срока, она кладетъ хмѣль и воскъ въ печь, а сама садится на лавку, держа топоръ, повѣшанный на шнурокъ, какъ безменъ. Приведя его въ равновѣсіе, черъёшванщица начинаетъ перебирать имена всѣхъ святыхъ, въ честь которыхъ находятся въ околоткѣ церкви и часовни и наблюдаетъ: при имени какого святаго топоръ выдетъ изъ равновѣсія. Послѣ этого кладетъ топоръ на лавку, идетъ къ печи и, посмотрѣвъ на хмѣль и воскъ, объявляетъ посѣтителю, какимъ средствомъ онъ можетъ получить желаемое, т. е. совѣтуетъ ему сходить въ церковь или часовню такого-то святаго и отслужить молебенъ за здравіе больнаго, или панихиду по усопшемъ, или поставить тому святому свѣчку въ ростъ, или въ часть роста больнаго, въ длину руки, ноги, смотря потому — весь ли человѣкъ боленъ, болятъ ли у него ру-

ки или ноги. Пермяки строго исполняютъ приказанiе черъёшванщицы и, ограниченные въ умственномъ отношенiи, твердо вѣрятъ, что получатъ желаемое.

Представителями Финновъ Приволжскихъ служатъ: *Черемисы* и *Мордва*, намъ уже знакомые. Кромѣ казанской губернiи, они встрѣчаются также въ Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Саратовской и Оренбургской.

Сѣверная часть Европейской Россiи, начиная отъ нижнихъ частей Мезени до Уральскихъ горъ, заселена Самоѣдами, которыхъ также должно считать народомъ Финскаго племени.

Определить время, когда Самоѣды перешли Уральскiя горы, довольно трудно. Вѣрно только то, что они жили здѣсь уже въ XI столѣтiи и были извѣстны Новгородцамъ. Этому мы находимъ доказательство у Нестора, который въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи, говоритъ: *послахъ отрока своего въ Печору, людiе же сiи дань дающе Новугороду, и пришедъ отрокъ къ нимъ, оттуду же иде въ Югрь, Югра же суть языкъ нѣмъ и сосѣдятъ съ Самоядью на полуночныхъ странахъ».* Съ этого времени, т. е. съ конца XI столѣтiя началось знакомство Новгородцевъ съ Самоѣдами, а въ концѣ XV столѣтiя Самоѣды сдѣлались данниками Московскаго княжества. Что же касается до названiя этого народа, то оно объясняется различно. Одинъ изъ этнографовъ полагаетъ, что слово самоѣдъ финскаго происхожденiя и есть испорченное *Суоменъ*, или *Суомолайненъ*, что до сихъ поръ у Финовъ прибалтiйскихъ означаетъ обитателя болотныхъ странъ. Защищать основательность такого производства довольно опасно, тѣмъ болѣе, что въ языкѣ Самоѣдовъ поддержки для этаго не находится. Гораздо естественнѣе, кажется, предполагать, что слово *самоѣдъ*, по прежнему — *самоядь*, произошло отъ господствовавшаго въ старину мнѣнiя, будто бы эти кочующiе дикари пожираютъ другъ друга. Самоѣды теперь ѣдятъ сырое мясо и прежде, конечно, дѣлали то же самое; мудрено ли было тогдашнимъ русскимъ, видавшимъ ихъ рѣдко, вывести такое забавное мнѣнiе. Сами Самоѣды называютъ себя *нѣнецъ*, что значитъ человѣкъ, а также, *хасово*, т. е. мужчина.

Въ физiономiи самоѣдовъ, по словамъ Палласа, довольно красивой, ясно выражаются черты монгольской расы они небольшого роста, но сложены гораздо красивѣе Остяковъ. Лицо у нихъ широкое и скуловатое, губы толстыя, носъ широкiй и не-

много приплюснутый, глаза узкіе, волосы черные, борода рыжая, цвѣтъ кожи смуглый. Женщины самоѣдскія въ молодости очень красивы. Небольшое кругленькое личико, полненькія розовыя щеки и губы, бѣлый лобъ, черныя кудри, маленькіе, плутовскіе темные глаза — вотъ отличительныя черты красавицы-Самоѣдки, по словамъ Кастрена.

Одежда Самоѣдовъ очень проста. Мужской костюмъ состоитъ изъ *малицы* и *совика*. Малица, похожая на мѣшокъ съ рукавами и съ двумя отверстіями, сверху и снизу, замѣняетъ для Самоѣда сорочку. Она дѣлается изъ оленьей шкуры, надѣвается шерстью внизъ и отличается отъ малицы только капюшономъ, который въ сильную стужу накидывается на голову. Обувь Самоѣдовъ состоитъ изъ мѣховыхъ чулокъ, на которые въ лѣтнее, а также сырое время года надѣваются большіе кожаные сапоги, а въ зимнее—узорчатые *пимы*, шерстью вверхъ, и еще родъ мѣховыхъ котиковъ. Женщины, вмѣсто малицы, носятъ особую одежду, называемую *янды*. Это ничто иное, какъ кафтанъ, сшитый изъ кусковъ оленьей шкуры, окаймленный внизу собачьимъ, лисьимъ или бобровымъ мѣхомъ, украшенный разноцвѣтными суконными лоскутками и подпоясанный кушакомъ, оба конца котораго прикрѣпляются къ большому желѣзному кольцу, замѣняющему пряжку. Волосы Самоѣдки заплетаютъ по русски, въ двѣ косы, и вплетаютъ въ нихъ суконныя покромки или ленты яркихъ цвѣтовъ. Главное и самое любимое украшеніе для нихъ составляютъ стеклянныя серьги и такія же ожерелья.

Жилищемъ для Самоѣдовъ служитъ *чумъ*. Онъ имѣетъ форму конусообразную и строится изъ жердей, нижніе концы которыхъ вбиваются въ землю, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, а верхніе крестообразно связываются вмѣстѣ. Лѣтомъ такой шатеръ покрывается берестою, а зимой охватывается двумя одѣялами изъ оленьихъ шкуръ. Сверху чума оставлено отверстіе для дыма. Полъ устланъ коврами, сплетенными изъ березовыхъ прутьевъ, и покрытъ также оленьими шкурами; стѣны обложены подушками, а дверь завѣшана мѣховымъ пологомъ. Въ срединѣ чума, подъ верхнимъ отверстіемъ, постоянно горитъ огонь, а подъ огнемъ, на двухъ шестахъ, идущихъ поперекъ чума, укрѣпляются крюки, къ которымъ привѣшены котлы для варки пищи. Вокругъ огня, съ сложенными накрестъ ногами, сидятъ Самоѣды; здѣсь же грѣются собаки и ползаютъ грязныя, нагія ребятишки. Таково жилище Самоѣда, какъ бѣднаго, такъ и богатаго. Разница развѣ только въ томъ, что у послѣдняго оно обширнѣе и плотнѣе укутано оленьими шкурами.

Главную пищу Самоѣдовъ составляетъ оленье мясо. Они упо-

требляютъ его вареннымъ, сушенымъ и жаренымъ, но особенно любятъ сырое мясо и теплую кровь только что убитаго оленя. Послѣ оленины, рыба и различныя лѣсныя птицы занимаютъ первое мѣсто на столѣ Самоѣдовъ. Хлѣба они употребляютъ немного, тѣмъ болѣе, что имъ все равно, ѣсть ли оленье мясо и рыбу съ хлѣбомъ, или безъ него. Лѣтомъ они заквашиваютъ тѣсто, а зимой, по неимѣнію теплаго мѣста для закваски, довольствуются прѣснымъ хлѣбомъ. Пекутъ они его такимъ образомъ: намазавъ тонкій слой тѣста на узенькую дощечку, вершка въ два шириною, повертываютъ ее у огня до тѣхъ поръ, пока тѣсто не подрумянится. Запасаться провизіею Самоѣды не имѣютъ обыкновенія, частію потому, что кочевая жизнь не допускаетъ такой заботливости, частію же по врожденной безпечности. Самоѣдъ ѣстъ, пока есть что, вовсе не думая о будущемъ; когда же придетъ время голодать, то онъ садится къ огню и, поплевывая въ него, думаетъ, какъ бы помочь горю. Дума эта продолжается до тѣхъ поръ, пока голодъ не станетъ сильно безпокоить его. Тогда онъ ловитъ изъ стада оленя, зарѣжетъ его, наѣстся вдоволь и забываетъ о своемъ незавидномъ положеніи.

Самоѣды — охотники также до лакомствъ, и, кромѣ брусники, голубицы и морошки, которыми усѣяна въ лѣтнее время тундра, зажиточные изъ нихъ покупаютъ въ русскихъ селеніяхъ пряники, кедровые орѣхи, изюмъ и разныя другія сласти. Русскіе познакомили ихъ также съ чаемъ. До всего молочнаго, особенно же до топленаго масла, Самоѣды такіе охотники, что готовы ѣхать за этимъ лакомствомъ верстъ за сорокъ и болѣе. Къ пищи Самоѣдовъ надо отнести также табакъ, который жуютъ они съ большимъ удовольствіемъ; курятъ весьма немногіе, за то нюханье распространено не только между мужчинами, но и между женщинами.

Главное занятіе Самоѣдовъ — оленоводство. Оно замѣняетъ всякое другое хозяйство, а потому подлѣ самоѣдскаго чума, кромѣ оленя и собаки, не видно никакого другаго животнаго. Олень, составляя главное богатство Самоѣда, безъ котораго не было бы возможности существовать въ пустынной тундрѣ, заставляетъ своего хозяина вести жизнь кочевую. Извѣстно, что главную и единственную пищу оленя составляетъ бѣлый мохъ (ягелъ), покрывающій необозримое пространство тундры. Онъ выкапываетъ его изъ-подъ замерзшей поверхности и остается на одномъ мѣстѣ до тѣхъ только поръ, пока оно доставляетъ ему достаточное количество пищи; но какъ только мохъ поѣденъ, олень идетъ далѣе, а вмѣстѣ съ нимъ тащится и Самоѣдъ со всѣмъ своимъ

семействомъ и хозяйствомъ. Въ такихъ странствіяхъ по тундрѣ проходитъ вся жизнь Самоѣда.

Познакомившись съ наружностію, домашнимъ бытомъ и образомъ жизни Самоѣдовъ, обратимъ вниманіе на ихъ семейные обряды и религіозныя вѣрованія.

Появленіе на свѣтъ Самоѣда сопровождается различными обрядами, сохранившимися отъ прежнихъ временъ. Имена новорожденнымъ даютъ не тотчасъ послѣ рожденія, а иногда спустя годъ или два, и при этомъ обыкновенно соображаются съ замѣченными въ младенцѣ особенными свойствами, или съ мѣстомъ рожденія его, или, наконецъ, съ событіями сопровождавшими появленіе его на свѣтъ. Вотъ, для примѣра, нѣсколько мужскихъ и женскихъ именъ: *ненчійко* — человѣчекъ, *тарко* — мохнатый, *барми* — черный, *ватали* — лишній, *солоне* — глупая, *майда* — хромая, *ягей* — кривая, и проч. Крещеные Самоѣды носятъ обыкновенно два имени: русское и самоѣдское, а некрещеный вмѣняетъ себѣ въ особенную честь, если русскій дастъ ему русское имя. Тогда онъ считаетъ его крестнымъ отцомъ и ежегодно даритъ ему лучшаго оленя изъ стада.

Дѣти до четырнадцати или пятнадцатилѣтняго возраста ничѣмъ не занимаются; развѣ только иногда помогаютъ родителямъ загонять оленей; и считаются совершеннолѣтними только съ того времени, когда въ состояніи заниматься промыслами. Самое важное событіе въ жизни Самоѣда — женитьба. Подобно Остякамъ, Самоѣды допускаютъ многоженство. Число женъ зависитъ отъ состоянія каждаго, потому что пріобрѣтеніе жены сопряжено съ значительными издержками. Выбравъ для сына невѣсту, отецъ, для переговоровъ съ ея родителями, посылаетъ сватомъ одного изъ своихъ родственниковъ или знакомыхъ. Сватъ, съ шомполомъ или варильнымъ крюкомъ въ рукѣ, отправляется въ невѣстинъ чумъ и, объявивъ ея отцу имя пославшаго, кладетъ ему на колѣни красную или бурую лисицу, чѣмъ и опредѣляется состояніе жениха. Если подарокъ понравится отцу и онъ пожелаетъ отдать дочь свою замужъ, то оставляетъ его у себя, если же нѣтъ, то отсылаетъ обратно. Въ первомъ случаѣ сватъ снова ѣдетъ въ чумъ будущаго тестя. На этотъ разъ онъ беретъ съ собою только одну бирку и молча подаетъ ее отцу невѣсты, который намѣчаетъ на ней столько рубежковъ, сколько желаетъ взять за свою дочь оленей, песцовъ, а потомъ отдаетъ свату. Сватъ, если уполномоченъ, срѣзываетъ съ бирки лишнее, по его мнѣнію, число рубежковъ и иногда торгуется довольно долго. Цѣны самоѣдскимъ невѣстамъ бываютъ довольно значительныя и зависятъ отъ молодости и красоты невѣсты, а так-

же отъ богатства жениха. Богатые даютъ: сто ([1]) и двѣсти оленей, да кромѣ того, сто и болѣе песцовъ, одну или двѣ чернобурыхъ и десять красныхъ лисицъ, нѣсколько аршинъ синяго, желтаго или краснаго сукна и одинъ мѣдный котелъ. Въ замѣнъ всего этаго, родители невѣсты снабжаютъ ее приданымъ, состоящимъ, большею частію, изъ одежды и съѣстныхъ припасовъ. Заключивъ условія, обѣ стороны дѣлаются разговорчивѣе и назначаютъ день для полученія выкупа за невѣсту, а потомъ опредѣляютъ время брачной церемоніи. Въ этотъ день созываютъ гостей и ѣдутъ въ невѣстинъ чумъ, гдѣ собравшаяся родня придерживаетъ двери, какъ можно крѣпче, и не впускаетъ жениха до тѣхъ поръ, пока сватъ не подаритъ лисицу или песца. Наконецъ необходимый подарокъ сдѣланъ, и двери чума открыты. Всѣ гости вползаютъ туда и, по старшинству, садятся въ кружокъ. Женихъ помѣщается рядомъ съ невѣстою. Послѣ угощенія, состоящаго изъ сырой оленины и вина, невѣсту, покрытую одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ, сажаютъ въ сани, къ нимъ привязываютъ другія, наполненныя приданымъ, и длиннымъ поѣздомъ отправляются къ чуму жениха. Если во время ѣзды ничего въ упряжи не оборвется, то это предвѣщаетъ счастливое супружество. Свекровь передаетъ зятю молодую жену и тѣмъ оканчивается свадебная церемонія. Особенныхъ увеселеній на самоѣдскихъ свадьбахъ не бываетъ. Иногда, впрочемъ, подпившій Самоѣдъ гнусливымъ голосомъ затянетъ пѣсню, которая едва ли доставляетъ большое удовольствіе даже его собратьямъ. Содержаніемъ большей части самоѣдскихъ пѣсенъ служитъ разсказъ о какомъ нибудь случаѣ изъ обыденной жизни, т. е. говорится о томъ, что такой-то выпилъ столько-то вина или съѣлъ столько-то оленины, а другой запрегъ въ сани четырехъ бѣлыхъ оленей и поѣхалъ къ другому въ чуму, гдѣ увидалъ такую красавицу, что сердце подошло ему къ горлу (такъ сильно начало прыгать), и онъ умъ потерялъ.

Жизнь Самоѣдки далеко не завидна. Она не только исполняетъ всѣ домашнія работы, составляющія необходимую обязанность женщины, но даже заботится объ устройствѣ жилья и за всѣ свои труды и заботы не только не пользуется благодарностію, но даже презирается, какъ существо нечистое. По мнѣнію Самоѣда, женщина оскверняетъ каждую вещь, до которой до-

---

([1]) Замѣчательно, что самоѣдское число 10 равняется нашему 9. Поэтому, если назначено дать за невѣсту десять десятковъ оленей, то, по самоѣдскому счету, выходитъ не 100, а 81.

тронется или через которую переступитъ, будетъ ли это топоръ, веревка, оленья шкура, или что нибудь другое. Самоѣдка никогда не смѣетъ обѣдать вмѣстѣ съ мужемъ, а должна считать за честь ему прислуживать и быть сытою тѣмъ, что̀ останется послѣ ея господина. До такой степени унизительно положеніе бѣдной женщины. Несмотря на это, она нерѣдко искренно привязывается къ своему мужу и потерявъ его, льетъ горькія слезы. Такая привязанность нѣкоторыхъ самоѣдскихъ женъ къ мужьямъ ясно высказывается въ слѣдующей пѣснѣ:

Какъ пришлось мнѣ выйдти замужъ,
Тяжело я горевала
По кормилицѣ родимой;
Но недолго пожила я
Съ мужемъ, съ миленькимъ дружочкомъ —
И кручину всю забыла.
Прежде думала я, будто
Нѣтъ иного въ жизни горя,
Какъ съ родимою разстаться;
Но пришло другое горе:
Мужъ, дружочекъ милый, померъ,
Онъ, что средній былъ изъ братьевъ.
И по немъ я больше плачу,
Чѣмъ тужила по родимой.
Не меня одну онъ бросилъ:
Четырехъ дѣтей покинулъ....
О, когда мы позабудемъ
По утраченномъ кручину!
А теперь живу я вотъ какъ:
Половину злой печали
Томной пѣснью запѣваю,
А другую половину
Я заплакиваю плачемъ....
Ужь не встать изъ гроба мужу,
Не видать его мнѣ болѣ,
Не видать уже вовѣки.

Какая искренняя, глубокая печаль слышится въ этихъ словахъ!

Въ 1825 году архимандритъ Сійскаго монастыря, Веніаминъ, принялъ на себя трудъ распространенія Христіанской религіи между Самоѣдами. Понимая важность этого святаго дѣла, Веніаминъ предался ему со всею ревностію. Онъ изучилъ самоѣдскій языкъ, составилъ грамматику съ лексикономъ и, подвизаясь на

поприщѣ своего апостольскаго служенія впродолженіе пяти лѣтъ, успѣлъ обратить въ православіе до трехъ тысячъ Самоѣдовъ. Съ тѣхъ поръ распространеніе Христіанской религіи между этимъ народомъ не прекращалось, и въ Большеземельской тундрѣ (при р. Колвѣ) существуетъ православная церковь уже съ 1830 года. Она выстроена во имя святителя Николая, въ предстательство котораго вѣрятъ даже некрещеные Самоѣды и нерѣдко приносятъ ему дары.

Религіозными вѣрованіями Самоѣды во многомъ напоминаютъ Остяковъ. Главное божество Самоѣдовъ называется *Нумъ*. Онъ создалъ вселенную, управляетъ ею и, не смотря на то, что никогда не покидаетъ неба — постояннаго своего мѣстопребыванія, однако, знаетъ о всѣхъ поступкахъ людей и добрыхъ награждаетъ, посылая имъ счастіе и удачу во всѣхъ предпріятіяхъ, а злыхъ наказываетъ бѣдностію и раннею смертію. Первое мѣсто послѣ Нума, называемаго также *Илеумберте*, что значитъ хранитель скота, занимаютъ *тадебціи*, т. е. духи и домашніе божки, извѣстные подъ общимъ названіемъ — *Хаге* (святыня). Какъ тадебціи, такъ и хаги подчинены Нуму, и разница между ними заключается въ томъ, что первые — существа безплотныя, видимыя только тадибеями (жрецами), а вторыя — олицетворенныя. Хаги, въ свою очередь, раздѣляются на два разряда. Первый составляютъ деревья, камни или какіе нибудь другіе предметы, замѣчательные особенною формою. Если случится Самоѣду въ дорогѣ набрести случайно на такой предметъ, то онъ завертываетъ его въ лоскутокъ сукна, кладетъ въ особыя сани и везетъ домой. Если же найденный богъ очень великъ и не укладывается въ сани, то онъ становится общею, народною святыней (¹). Втораго разряда хаги дѣлаются самими Самоѣдами изъ дерева или изъ земли и даже изъ снѣга. Случилась у Самоѣда пропажа — онъ тотчасъ же подозрѣваемаго въ этомъ дѣлѣ зоветъ къ присягѣ, которая произносится всегда передъ божкомъ, и если не случится такого подъ рукою, то Самоѣдъ наскоро высѣчетъ его изъ камня, вырубитъ изъ дерева, слѣпитъ изъ земли, или скатаетъ изъ снѣга.

Въ чумѣ каждаго Самоѣда одинъ уголъ считается священнымъ и служитъ хранилищемъ лучшихъ вещей и самыхъ лакомыхъ съѣстныхъ припасовъ, а также и божковъ, къ которымъ хозя-

---

(¹) Такъ напримѣръ, на островѣ Вайгачѣ есть утесъ, очень похожій на человѣческую фигуру. Самоѣды вѣрятъ въ чудотворную силу этаго камня и потому приносятъ ему въ жертву оленей и молятъ его о содѣйствіи въ промыслахъ, объ исцѣленіи болѣзней, и т. п.

имъ обращается довольно часто съ различными просьбами и, чтобы расположить ихъ къ себѣ, приноситъ имъ жертвы, т. е. мажетъ кровью и жиромъ. Если же просьба касается важнаго дѣла, то Самоѣдъ призываетъ тадибея, и тогда принесеніе жертвы соединяется съ особенною церемоніей. Церемонія эта состоитъ въ слѣдующемъ: тадибей, поставивъ божка на землю, втыкаетъ передъ нимъ прутикъ, къ концу котораго прикрѣпленъ красный лоскутокъ, потомъ садится самъ на землю и, обратившись лицомъ къ божку, начинаетъ, подъ звуки барабана пѣть пѣсню, въ которой излагается просьба жертвователя ([1]). Спустя нѣкоторое время, лоскутокъ начинаетъ шевелиться, изъ чего суевѣрные Самоѣды заключаютъ, что хаге бесѣдуетъ съ тадибеемъ. Поговоривши съ божкомъ, тадибей передаетъ его слова присутствующимъ, т. е. объявляетъ, что хаге готовъ исполнить просьбу, если ему принесутъ въ жертву столько-то оленей. Иногда требованіе хаге кажется просителю слишкомъ значительнымъ, и тогда тадибей начинаетъ торговаться съ божкомъ Торгъ, конечно, всегда оканчивается успѣшно, и божокъ соглашается на меньшее число оленей или даже на одного, который здѣсь же и убивается тадибеемъ. Изъ принесенной жертвы исполнителю просьбы достается только нѣсколько капель крови, которою обмазываютъ его физіономію, а мясо съѣдается тадибеемъ и присутствующими, при чемъ строго наблюдается за тѣмъ, чтобы ни одна капля крови не упала на платье. Такая неосторожность считается великимъ грѣхомъ.

Обязанности тадибея не ограничитается только принесеніемъ жертвъ, но заключаются также въ умѣньѣ предсказывать будущее, узнавать черезъ тадебціевъ никому невѣдомое и лѣчить больныхъ.

Между немногими религіозными обрядами Самоѣдовъ обращаютъ на себя вниманіе погребальные. Если кто нибудь изъ семьи умретъ въ самомъ чумѣ, то, разодравъ чумовое покрывало въ томъ мѣстѣ, противъ котораго лежитъ покойникъ, и переломивъ шесты, на которыхъ оно держится, выносятъ покойника въ это отверстіе; потомъ, по прошествіи одних или двухъ сутокъ, отвозятъ его въ лѣсъ, гдѣ уже погребены нѣкоторые изъ его род-

([1]) Барабанъ, обвѣшанный всегда оловянными пластинками и другими, болѣе драгоцѣнными украшеніями, составляетъ необходимую принадлежность тадибея. Звуки этого инструмента приводятъ тадибея въ состояніе вдохновенія, а тадебціевъ выводитъ изъ соннаго состоянія, въ какомъ они постоянно находятся.

ственников. Здѣсь дѣлаютъ большой деревянный срубъ и, положивъ туда покойника вмѣстѣ съ оставшеюся послѣ него одеждою, ложками и чашками, которыя онъ употреблялъ при жизни, оставляютъ его поверхъ земли, а иногда зарываютъ въ могилу. Къ мужчинамъ кладутъ топоръ, ножъ, долото, ружье и прочія вещи, употребляемыя въ промыслахъ, а къ женщинамъ — чашку, ложку, иголку, наперстокъ и прочіе хозяйственные приборы. Всѣ эти вещи должны быть поломаны, въ знакъ того, что на томъ свѣтѣ употребляются онѣ въ другомъ видѣ. Надъ могилой приносятъ въ жертву оленя и тутъ же съѣдаютъ его, а потомъ отходятъ отъ могилы задомъ до самыхъ саней и возвращаются въ чумы. Въ чумъ входятъ не иначе какъ черезъ огонь, окурившись оленьимъ жиромъ или бобровымъ волосомъ. Такимъ же образомъ окуриваютъ оленей, отвезшихъ покойника на могилу, и упряжь. Маленькихъ дѣтей вовсе не хоронятъ, но вѣшаютъ въ ящикахъ на деревьяхъ, для того, чтобы они, какъ существа чистыя, были ближе къ Нуму. О мертвыхъ Самоѣды рѣдко плачутъ и не только никакихъ поминокъ по нимъ не совершаютъ, но до того боятся покойниковъ, что никогда не говорятъ о нихъ и, послѣ похороннаго обряда, тотчасъ же переносятъ чумъ на другое мѣсто.

Что будетъ съ ними за могилой, о томъ Самоѣды не думаютъ; но, вѣроятно, они имѣютъ какое нибудь понятіе о будущей жизни, когда кладутъ вещи къ покойнику, предполагая, что онъ и тамъ будетъ пользоваться ими. До сихъ поръ между ними сохранилось преданіе о Самоѣдѣ *Уреръ*, который живой, съ санями и оленями, былъ взятъ на небо. Вотъ какъ разсказываютъ Самоѣды объ этомъ замѣчательномъ происшествіи: «Давнымъ-давно жилъ на землѣ тадибей, по имени Уреръ. Это былъ тадибей изъ тадибеевъ, мудрецъ изъ мудрецовъ, лѣкарь изъ лѣкарей, — однимъ словомъ, другаго подобнаго человѣка не было на землѣ. Бывало, пропадетъ у кого олень, захвораетъ кто нибудь изъ родственниковъ или случится другое какое несчастіе, тотчасъ же обращаются къ Уреру, и онъ своимъ знаніемъ и искусствомъ непремѣнно поможетъ. Уреръ былъ богатый человѣкъ, изъѣздилъ много странъ, видѣлъ много разныхъ народовъ и наконецъ до жилъ до того, что скучно и тяжело стало ему на этой землѣ. Здѣсь, сказалъ онъ какъ-то, все становится хуже: олени слабѣютъ, мохъ истощается, дичь попадается рѣже, а между тѣмъ, воровство, обманъ, несправедливости растутъ между людьми. Не хочу я оставаться на этой жалкой землѣ, а пойду искать лучшаго жилища, на небѣ. Рѣшившись покинуть родъ людской, Уреръ призвалъ къ себѣ обѣихъ женъ и велѣлъ имъ запастись

новымъ платьемъ, а потомъ снарядить сани. Когда все было готово, Уреръ запрегъ четырехъ сильнымъ оленей и отправился на небо. Пролетѣлъ онъ уже половину дороги и вдругъ сталъ замѣчать, что олени ослабѣваютъ и опять опускаются на землю. Тотчасъ же догадался умный Уреръ о причинѣ такой неудачи. Вѣрно, думалъ онъ, жены не послушались меня и взяли съ собою что нибудь старое, употребляемое ими уже на землѣ. И, дѣйствительно, оказалось, что у одной изъ женъ въ одеждѣ былъ вставленъ какой-то старый лоскутокъ. Обличенная тотчасъ же созналась и, обливаясь слезами, просила Урера дозволить ей воротиться къ дѣтямъ и жить на землѣ, печали и заботы которой все же легче разлуки съ милыми. Уреръ сжалился надъ бѣдной матерью и позволилъ ей вернуться, а самъ, съ другой женой, уѣхалъ на небо, гдѣ нашелъ и оленей, и мохъ, и дичь, и все, что надо человѣку.» Сохраняя такое преданіе объ Урерѣ, Самоѣды увѣрены, что и теперь бываютъ такіе случаи, а потому, если пропадетъ кто нибудь, извѣстный своими добрыми дѣлами и честностію, то не только не печалятся о немъ, а радуются, думая, что онъ переселился на небо, гдѣ ему *порато дородно*, то есть весьма хорошо.

Прибалтійскіе Финны. Сѣверозападная часть Европейской Россіи, расположенная между Ботническимъ заливомъ и Бѣлымъ моремъ, занята также Финнами, извѣстными подъ именемъ Прибалтійскихъ. Лапландцы, Финны собственно, или Финляндцы и Карелы (1) составляютъ обитателей этой области Россіи. *Лапландцы*, занимающіе самую сѣверную ея часть раздѣляются на Финскихъ и Русскихъ. Въ физіономіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ ясно видны черты Финскаго племени.

Наружность. Всѣ Лапландцы небольшаго роста, лобъ у нихъ широкій, низкій, глаза узкіе, скулы выдавшіяся, цвѣтъ лица желтый, впрочемъ, не отъ природы, а отъ дыму, которымъ всегда наполнена хижина Лапландца.

Одежда, какъ мущинъ, такъ и женщинъ, шьется

(1) Карелы живутъ также въ Олонецкой губерніи и большею частію принадлежатъ къ Православному вѣроисповѣданію.

изъ выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ и покроемъ походитъ на сорочку. Эта мѣховая сорочка, называемая *Peski*, въ праздничные дни замѣняется суконною. Поверхъ ея женщины носятъ корсетъ, а шею повязываютъ холщевымъ воротникомъ, длинные концы котораго падаютъ на грудь и образуютъ родъ кармановъ. Поясъ, украшенный мѣдными или серебрянными бляжками, составляетъ необходимую принадлежность костюма какъ мужскаго, такъ и женскаго. Зимою поверхъ *пески* надѣваютъ еще другую одежду, одинаковаго съ нею покроя и такую узкую, что непривыкшій едва влѣзетъ въ нее. Обувь Лапландцевъ шьется также изъ оленьихъ шкуръ.

Жилище. Живутъ Лапландцы въ деревняхъ. Эти деревни не представляютъ пріятнаго зрѣлища, особенно въ лѣтнее время. На землѣ повсюду валяются рыбьи потроха и чешуя, что, разумѣется, окружающей атмосферѣ сообщаетъ не очень пріятный запахъ. Архитектура Лапландскихъ хижинъ далеко не замысловатая. Каждая сторона фундамента, образующаго четыреугольникъ, состоитъ изъ трехъ балокъ, положенныхъ одна на другую, а верхняя часть составлена изъ досокъ и по формѣ походитъ на пирамиду. Въ нѣкоторыхъ деревнякъ, по недостатку въ лѣсѣ, фундаментъ складывается изъ камня и самыя хижины имѣютъ форму овальную. Внутреннее устройство жилья также очень просто. Во всю длину хижины, начиная отъ дверей до задней стѣны положены двѣ балки; ихъ перекрещиваютъ другія двѣ, идущія поперегъ. Такимъ образомъ, хижина раздѣляется на девять отдѣленій. Переднія три служатъ мѣстомъ складки дровъ и домашней утвари, а въ заднихъ трехъ сохраняются съѣстные припасы. Назначеніе остальныхъ такое: въ среднемъ устрои-

вается очагъ, по правую сторону отъ него помѣщается хозяинъ съ хозяйкою, а по лѣвую остальные члены семьи. Подлѣ каждой такой хижины строится еще нѣсколько небольшихъ кладовыхъ, клѣтей, гдѣ сохраняется рыба. Эти кладовыя ставятся обыкновенно на высокихъ столбахъ для того, чтобы сохранить запасъ отъ волковъ, лисицъ, медвѣдей и другихъ животныхъ.

Занятія. По занятіямъ Лапландцы могутъ быть раздѣлены на рыболововъ и лѣсныхъ, т. е. занимающихся исключительно охотою и оленеводствомъ. Число послѣднихъ, впрочемъ, въ настоящее время незначительно и уменьшается съ каждымъ годомъ — знакъ, что Лапландцы подвигаются на пути развитія. — Образъ жизни Лапландца-рыболова довольно однообразенъ. Весна составляетъ для него самое важное время года. Съ наступленіемъ ея онъ отправляется къ берегамъ Норвегіи на рыбную ловлю. При ловлѣ соблюдается такой обычай, что два или три Лапландца сговариваются съ Норвежцемъ, который снабжаетъ ихъ и лодкою, и рыболовными сѣтями, за что они обязываются отдать ему половину наловленной рыбы. Десятая часть другой половины удѣляется въ пользу духовенства, а остальное Лапландцы вымѣниваютъ на хлѣбъ у Норвежскихъ промышленниковъ. Къ Иванову дню озера освобождаются ото льда и Лапландцы спѣшатъ во свояси, гдѣ ихъ ожидаютъ тѣ же занятія. Лѣто для Лапландца — самое счастливое время; о немъ онъ вспоминаетъ, какъ о потерянномъ раѣ, какъ о высшемъ блаженствѣ, когда онъ съ сытымъ желудкомъ, защищенный отъ комаровъ, засыпаетъ совершенно чуждый заботы о завтрешнемъ днѣ. Такого покойнаго состоянія Лопарь, по природѣ флегматическій, не промѣняетъ на сокровища половины міра. Впрочемъ, и въ лѣтнее время

покой Лапландца нарушается необходимостью переходить отъ одного озера къ другому. Часто озера соединены между собою естественными каналами и тогда переѣздъ не представляетъ большихъ затрудненій. Въ противномъ случаѣ Лопарю предстоитъ много хлопотъ и труда. Онъ долженъ волокомъ перетаскивать и лодку, и необходимые рыболовные снаряды и все свое хозяйство.

Съ наступленіемъ осени Лапландцы переселяются въ свои зимнія хижины. Наловленной рыбы недостаетъ на долгую зиму, а потому они по необходимости принуждены искать другихъ средствъ къ существованію. Эти средства представляетъ охота, составляющая ихъ главное занятіе отъ половины сентября до дня всѣхъ Святыхъ и отъ Marienzeit до тѣхъ поръ, пока не оттаетъ совершенно земля. Всего больше охотятся Лапландцы за оленями и многимъ изъ нихъ удается въ продолженіи всего времени охоты убить отъ 30 до 40 головъ.

Религія. Въ настояще время всѣ финскіе Лапландцы Христіане лютеранскаго вѣроисповѣданія и въ религіозномъ отношеніи довольно образованы. Кастренъ говоритъ, что многіе изъ Лапландцевъ, живущихъ въ окрестностяхъ озера Энаре, знаютъ наизусть весь Новый Завѣтъ и во время Богослуженія, при общемъ пѣніи псалмовъ, рѣдко кто изъ нихъ заглянетъ въ молитвенникъ. Такое явленіе тѣмъ болѣе замѣчательно потому, что, по свидѣтельству одного миссіонера, относящемуся къ 1751 году, Лапландцы были еще язычниками въ полномъ смыслѣ этого слова.

Когда началось распространеніе Христіанской религіи въ Лапландіи положительно опредѣлить трудно. Вѣрно, впрочемъ, то, что это событіе не восходитъ далѣе конца 16 столѣтія или даже

начала 17-го. Между Лапландцами до сихъ поръ сохранилось преданіе о первомъ Христіанинѣ, котораго звали *Пэдеръ-Пейвіе.* Вотъ что разсказываютъ Лапландцы о томъ, какъ Пейвіе сдѣлался Христіаниномъ: Пэдеръ-Пейвіе, говорятъ они, былъ человѣкъ честный, зажиточный и богобоязненный. Случилась какъ-то съ нимъ бѣда: стали падать олени. Желая избавиться отъ такой напасти, Пейвіе обратился къ своему идолу (Сейдѣ) и молилъ прекратить зло. Какъ ни усердны были его моленія, Сейда оставался къ нимъ глухъ и олени падали еще больше. Тогда Пейвіе принесъ ему въ жертву головы, рога и шкуры павшихъ оленей, собралъ всю свою семью и, стоя на колѣнахъ, цѣлый день молилъ Сейду, чтобы онъ открылся имъ какимъ-нибудь знаменіемъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ богъ. Знаменія не послѣдовало и Пейвіе, убѣдившись въ безсиліи истукана, сжегъ его и сталъ вѣрить въ Бога истиннаго, невидимаго, а несозданнаго руками человѣка.

По разсказу другихъ Лапландцевъ, первымъ Христіаниномъ былъ не Пейвіе, а одинъ изъ сыновей его Олофъ.. Всю свою жизнь Олофъ, подобно отцу, посвятилъ на борьбу съ русскими Карелами и былъ страшенъ для нихъ своею силою и храбростію. Вотъ одинъ изъ подвиговъ Олофа, разсказываемый до сихъ поръ въ Лапландіи: однажды задумалъ Олофъ идти куда-то, но опасаясь нападенія непріятеля на свою семью, онъ притащилъ большое дерево и, положивъ его предъ своею хижиною, расположенною на высокой скалѣ, приказалъ женѣ говорить непріятелямъ, что это дерево принесъ ихъ сынъ. Опасенія Олофа сбылись. Скоро Русскіе явились въ его владѣніяхъ и, замѣтивъ передъ хижиною огромное бревно, очень хотѣли знать, кто могъ втащить его на такую высокую скалу. Жена Олофа отвѣчала имъ такъ, какъ приказалъ мужъ. Удивились тогда Русскіе и рѣшились дождаться Олофа, а потомъ, во что бы то ни стало, убить его. Явился наконецъ Олофъ, но до того поразилъ Русскихъ однимъ своимъ видомъ, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшился тронуть его. Не желая, однакоже, отказаться отъ своего намѣренія, Русскіе стали хвалиться, что въ ихъ землѣ есть такой богатырь, что одолѣетъ Олофа, и зазывали его къ себѣ помѣриться силами съ карельскимъ богатыремъ. Олофъ не отказался отъ предложенія. И вотъ, онъ въ русской землѣ. Встрѣчаются богатыри, протягиваютъ другъ другу руки, и русскій старается какъ можно сильнѣе сжать руку Олофа. Разсерженный Олофъ схватываетъ противника за туловище и бросаетъ на земь. Русскій поднимается, снова кидается на Олофа и снова падаетъ на землю. Великодуш-

ный Олофъ предостерегаетъ богатыря отъ дальнѣйшей попытки къ борьбѣ, но тотъ не слушается и платитъ за это жизнію.

Кромѣ этаго разсказа объ Олофѣ ходитъ много другихъ, и во всѣхъ онъ играетъ роль неслыханнаго силача.

Въ началѣ Олофъ, какъ и отецъ его, былъ ревностнымъ язычникомъ, но въ послѣдствіи также имѣлъ случай увѣриться въ безсиліи своихъ боговъ. Застигнутый разъ проливнымъ дождемъ, онъ хотѣлъ развести огонь и призвалъ на помощь своихъ Сейдъ. Желаніе его однако не исполнилось. Тогда онъ помолился истинному богу и костеръ загорѣлся. Послѣ этого Олофъ истребилъ всѣхъ своихъ Сейдъ и сдѣлался Христіаниномъ.

Хотя немного прошло съ того времени, какъ Лапландцы сдѣлались Христіянами, но, не смотря на это, они до того успѣли забыть свою языческую религію, что едва помнятъ имена прежнихъ боговъ. Поэтому-то составить ясное понятіе о миѳологіи Лапландцевъ — довольно трудно. Извѣстно только, что идолы ихъ назывались Сейдами и были деревянные или каменные. Первые имѣли обыкновенно человѣческія физіономіи и были похожи на тѣхъ, какіе и до сихъ поръ чествуются Остяками, Самоѣдами и нѣкоторыми другими народами Финскаго племени. Деревянные божки у Лапландцевъ имѣли значеніе домашнихъ пенатовъ. Общественными идолами были камни или скалы, замѣчательные своею особенною формою. Имъ оказывали большое почтеніе и приносили жертвы, состоящія изъ рыбъ и оленьихъ костей. Мѣста, гдѣ стояли эти идолы, обносились иногда плетнемъ, и каждый Лапландецъ, убившій въ этомъ округѣ какую-нибуль птицу, считалъ своею обязанностію голову, крылья и ноги ея принести въ жертву идолу. Если же охота была особенно счастлива и, кромѣ птицъ, удавалось охотникамъ подстрѣлить нѣсколько оленей, то они голову и горло одного изъ нихъ приносили въ жертву, а мясо съѣдали сами, что, впрочемъ, нисколько не утоляло ихъ голода,

потому что все съѣдаемое ими, какъ жертва, насыщала только бога. Лапландцы-оленоводы опрыскивали иногда своихъ идоловъ оленьею кровью, а рыбаки намазывали ихъ рыбьимъ жиромъ и, если жиръ высыхалъ отъ дѣйствія солнца, то они радовались, вѣря, что самъ богъ съѣлъ его.

У Лопарей не было ни храмовъ, ни другихъ святилищъ для идоловъ. Они обыкновенно ставились въ горныхъ ущельяхъ, подлѣ хижинъ ихъ почитателей, или подлѣ мѣстъ охоты и рыбной ловли. Иногда Лапландцы помѣщали своихъ истукановъ на высокихъ горахъ или при шумныхъ водопадахъ, въ томъ убѣжденіи, что боги любятъ величавую природу. Окрестности считались священными и назывались *passe*. Отъ того и теперь попадается въ Лапландіи не мало мѣстъ съ такимъ названіемъ. Такъ, напримѣръ, *passe waare* — священная гора; *passe jaure* — священное озеро; *passe joka* — священная рѣка. Часто на одномъ мѣстѣ стояло нѣсколько сейдъ: одни большіе, другіе поменьше. Всѣ они вмѣстѣ представляли семью боговъ и самый большой изъ нихъ былъ отцемъ, а другіе его дѣти. Къ сейдѣ позволялось подходить только во время принесенія жертвъ, приближеніе же къ нему безъ этой надобности считалось оскорбленіемъ божества. Вообще сейды отъ своихъ почитателей требовали неограниченнаго почтенія и за это награждали ихъ долголѣтнею жизнію, здоровьемъ, многочисленнымъ семействомъ. А что сейды имѣли такое могущество, по понятію Лапландцевъ, то это видно изъ того, что они приносили имъ въ жертву голову, ноги и крылья убитой птицы, вѣря, что изъ этихъ остатковъ боги сотворятъ новыхъ птицъ, на которыхъ опять можно будетъ охотиться. Языческіе Лапландцы вѣровали также въ сверхъ-есте-

ственную силу змѣй и потому питали къ нимъ большое почтеніе. До сихъ поръ даже многіе изъ нихъ разсказываютъ, что змѣи, подобно людямъ, живутъ отдѣльными общинами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои законы и обычаи и управляется особеннымъ начальникомъ. Разъ въ годъ устроивается сеймъ, гдѣ каждая змѣя приноситъ жалобы начальнику. Онъ чинитъ судъ и расправу, а также опредѣляетъ наказаніе людямъ, посмѣвшимъ убить кого-нибудь изъ его подчиненныхъ, или даже имѣвшихъ неосторожность оскорбить.

Замѣчательно, что точно такое же понятіе о змѣяхъ и почитаніе этихъ гадовъ существуетъ у сибирскихъ народовъ, сродныхъ Финнамъ. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что шаманы ихъ оказываютъ уваженіе къ змѣямъ и потому украшаютъ свою одежду тонкими жгутиками, представляющими змѣй. Шаманы Финновъ Прибалтійскихъ, не имѣя такихъ украшеній, точно также вѣровали въ сверхъестественную силу змѣй. По ихъ мнѣнію. змѣиная кишка, даваемая лошади въ пищѣ и питьѣ, поддерживала ее въ тѣлѣ; вода, процѣженная чрезъ горло змѣи въ ротъ больнаго горломъ, исцѣляла его отъ болѣзни, а обладавшій травою, которую змѣя державъ во рту, плывя по рѣкѣ, могъ грызть самое твердое желѣзо.

Изъ всего этаго видно, что религія языческихъ Лапландцевъ очень была похожа на религію Финновъ зауральскихъ. Есть, впрочемъ, небольшая разница: Финны зауральскія, видя въ своихъ истуканахъ не только символъ божества, а воплощеніе его и вѣря, что божество дѣйствительно живетъ въ томъ камнѣ или деревѣ, которому они поклоняются, никакъ не допускаютъ возможности прямаго общенія между божествомъ и человѣкомъ. Боги выслушиваютъ моленія людей только чрезъ особенныхъ посредниковъ—духовъ, которые и сами боятся иногда обратиться къ высшему божеству. Финны прибалтійскіе также смотрѣли на своихъ идоловъ не только какъ на символы, но какъ на дѣйствительныя божества, но были, впрочемъ, увѣрены, что моленіе каждаго смертнаго, безъ всякихъ посредниковъ, можетъ дойти до божества и тронуть его. Значитъ религіозныя представленія Финновъ прибалтійскихъ были гораздо выше. Имъ не была чужда мысль о благости Божіей.

Сравнивая между собою Лопарей рыболововъ и лѣсныхъ, не трудно замѣтить, говоритъ Кастренъ, что послѣдніе уступаютъ первымъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Причина этаго частію кроется въ ихъ образѣ жизни, а также и въ томъ, что до сихъ поръ религіозныя истины передаются имъ на языкѣ для нихъ почти вовсе непонятномъ. Не смотря однако на это, и лѣсной Лопарь довольно глубоко проникнутъ религіознымъ чувствомъ: молитвою встрѣчаетъ и провожаетъ онъ Божій день, съ молитвою садится за столъ, чуждъ всякихъ суевѣрій, давно забылъ о своемъ языческомъ прошедшемъ и считаетъ священною обязанностью передать своимъ дѣтямъ тѣ правила Христіанской религіи, которыя извѣстны ему самому. Религіозное чувство лѣснаго Лопаря ясно обнаруживается также въ его безграничной любви не только къ женѣ и прочимъ членамъ семьи, но даже къ прислугѣ. Одинъ Лопарь говорилъ Кастрену, что онъ, въ продолженіи 30-ти лѣтней жизни съ женою, ни разу не обмѣнялся съ нею недобрымъ словомъ и никогда не называлъ ее иначе, какъ *моя пташка*. Такіе примѣры супружеской любви и согласія, довольно рѣдкіе для насъ, очень обыкновенны для Лапландцевъ. Мягкость души составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей этаго народа. По словамъ Кастрена, характеръ Лапландцевъ походитъ на ручей, воды котораго текутъ такъ тихо и медленно, что даже трудно замѣтить ихъ движеніе. Встрѣтитъ такой ручей большую преграду, онъ отклоняется въ сторону, но подъ конецъ все же достигаетъ своей цѣли. Таковъ и характеръ Лапландца — покойный, мирный, уклончивый. Миръ — его любимое слово. Живя посреди негостепріимной, бѣдной природы, онъ переноситъ всѣ трудности своей

жизни съ невозмутимымъ спокойствіемъ, и желаетъ только одного, чтобы не мѣшали ему пользоваться тѣмъ немногимъ, что онъ имѣетъ, чтобы не трогали его старыхъ обычаевъ; однимъ словомъ, чтобы не нарушали его покоя, мира.

Такова характеристика Лапландцевъ, представляемая Кастреномъ. Въ ней, конечно, есть значительная доля пристрастія, но это не должно служить ему въ укоръ; вѣдь онъ говоритъ о народѣ родномъ, близкомъ его сердцу.

Что касается до русскихъ Лопарей, то они, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими и Карелами, мало по малу теряютъ свой національный характеръ. Въ русскихъ Лопаряхъ внутреннее довольство собою уступаетъ безсмысленной веселости, спокойное размышленіе — ловкой смѣтливости, жизнь мирная мѣняется на трудную и хлопотливую. Въ кругу Русскихъ тотчасъ же можно узнать молчаливаго, угрюмаго Лопаря, но въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ онъ уже почти русскій и не только владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ собственнымъ, но даже поетъ русскія пѣсни, принимаетъ, мало по малу, русскіе нравы и обычаи; однимъ словомъ: теряетъ національность и, вѣроятно, скоро ничѣмъ не будетъ отличаться отъ своихъ сосѣдей.

Особенную черту характера русскихъ Лопарей, и особенно Лопарокъ, составляетъ раздражительность, доходящая нерѣдко до изступленной злости. Между многими разсказами о неистовствѣ Лопарокъ, приводимыми Кастреномъ, особенно интересенъ слѣдующій: разъ, говоритъ Кастренъ, русскій купецъ, съ которымъ я случайно столкнулся въ Лапландіи, предложилъ мнѣ на дѣлѣ нѣсколько примѣровъ изступленной злости Лопарокъ. Убравъ ножи, топоры и другія опасныя вещи, онъ подошелъ къ одной бабѣ и хлопнулъ передъ нею руками. Разсерженная баба, точно фурія, бросилась на него и стала его бить, царапать, ку-

сать, а потомъ въ изнеможеніи повалилась на скамью, чтобы перевести духъ. Едва только стала она приходить въ себя, какъ въ ней подошелъ другой купецъ и, махнувши нѣсколько разъ платкомъ передъ ея глазами, убѣжалъ изъ хижины. Надо было видѣть, что сдѣлалось съ нею. Она кидалась отъ одного къ другому, кого била руками, кого стукала объ стѣну, кого хватала за волосы. Сидя въ углу, въ нетерпѣливомъ страхѣ, дожидался и я своей очереди, прибавляетъ Кастренъ, и наконецъ, съ ужасомъ увидѣлъ, что она, вперивъ на меня дикій свой взглядъ, кинулась съ распростертыми руками и готова была уже вцѣпиться своими когтями въ мое лице, но два здоровые Карела схватили ее сзади и она, въ совершенномъ безсиліи, упала въ нимъ на руки.

Образомъ жизни русскіе Лопари почти вовсе не отличаются отъ Энарскихъ. Рыбная ловля составляетъ ихъ главное занятіе, а потому лѣтомъ живутъ они при озерахъ, при рѣкахъ и на поморьѣ, въ палаткахъ, а осенью сбираются въ свои зимнія хижины, расположенныя, въ противоположность энарскимъ, въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Это одно уже доказываетъ, что русскіе Лопари далеко не имѣютъ такихъ огромныхъ стадъ оленей, какъ энарскіе, и въ самомъ дѣлѣ, оленеводство мало развито между ними. Причина того, почему русскіе Лопари отвыкли отъ оленей и почти исключительно предались рыбному промыслу, главнымъ образомъ заключается въ томъ, что они живутъ поблизости къ Ледовитому океану и Бѣлому морю, а у себя въ землѣ, кромѣ двухъ большихъ озеръ: Имандры и Нуотоозера имѣютъ множество малыхъ, изобилующихъ рыбою. Какъ же не воспользоваться было Лопарю этими естественными богатствами и не промѣнять дикой горной жизни, на болѣе легкіе промыслы. Русская церковь, съ своей стороны, также весьма много способствовала тому, что Лопари преимущественно предались рыбной ловлѣ. Православный Лопарь почти по-

ловину года долженъ удерживаться отъ мясной пищи, а потому не имѣетъ надобности, подобно своему собрату-Лютеранину, въ огромныхъ стадахъ. Впрочемъ, послѣ рыбной ловли, оленоводство составляетъ главный промыселъ также и для русскихъ Лопарей. Одаренные смѣтливостью, они занимаются и торговлею, но еще слишкомъ бѣдны, чтобы пускаться на большія предпріятія. Въ отношеніи религіозномъ, русскіе Лопари стоятъ на весьма низкой степени. Въ церковь, находящуюся почти въ каждой деревни, они идутъ только затѣмъ, чтобы положить нѣсколько поклоновъ передъ иконою и, не смотря на то, что ревностно соблюдаютъ церковные обряды, до сихъ поръ придерживаются многихъ суевѣрій, между которыми особенно распространено вѣрованіе въ колдуновъ. Нѣкоторые изъ лопарскихъ колдуновъ пользуются такою извѣстностью, что къ нимъ приходятъ за совѣтами издалека. Пріемы, употребляемые лопарскими колдунами, напоминаютъ шамановъ Финновъ зауральскихъ. При гаданьяхъ они также впадаютъ въ безчувственное состояніе и въ это-то время, — по убѣжденію Лопарей, душа разлучается съ тѣломъ, блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ, гдѣ лежитъ украденная вещь, что за причина болѣзни и пр.

Турецкое племя. Представителями Турецкаго племени служатъ: Татары, Башкиры, Киргизы, Чуваши и Мещеряки. Татары — самые многочисленные между всѣми этими народами. Они раздѣляются на Казанскихъ, Крымскихъ, Ногайскихъ, и Астраханскихъ. Съ первыми изъ нихъ, мы уже имѣли случай познакомиться и теперь остается обратить вниманіе на остальныхъ.

Крымскіе Татары составляютъ главную массу населенія Крымскаго полуострова. По наружности ихъ можно раздѣлить на двѣ части: *степныхъ* и *горныхъ*.

Первые, населяющіе сѣверныя равнины полуострова, своею физіономіею, очень напоминаютъ Монголовъ. Они невысокаго роста, сутоловаты, цвѣтъ лица ихъ желтоватый, глаза темные, носъ небольшой и приплюснутый, волосы черные, борода рѣдкая.

Горные Татары, живущіе по сѣвернымъ и южнымъ склонамъ Крымскихъ горъ, гораздо красивѣе: они высокаго роста, хорошо сложены, цвѣтъ лица немногимъ отличается отъ Европейскаго, глаза большіе и темные, волосы и борода черные и густые. Общую характеристическую черту физіономіи всѣхъ Крымскихъ Татаръ, составляютъ уши, широкія, сверху сплюснутыя и далеко отстоящія отъ головы, что происходитъ отъ обыкновенія носить во всякое время года тяжелую баранью шапку. Татарки обращаютъ на себя вниманіе бѣлизною кожи, особенно лица, и причина этаго заключается въ томъ, что онѣ, выходя на улицу, всегда тщательно закрываютъ свою физіономію.

Характеръ. Спокойствіе и равнодушіе, составляютъ главную отличительную черту характера Крымскихъ Татаръ. Если при этомъ вспомнить о томъ, что они въ своихъ потребностяхъ очень ограничены, то тогда совершенно понятною становится та лѣнь, какою заражены всѣ Татары. Татаринъ — пастухъ, напримѣръ, цѣлый день лежитъ въ степи, поворачиваясь съ боку на бокъ. Подымется буря — онъ поворотится лицемъ къ землѣ и вовсе не думаетъ позаботиться о ввѣренномъ ему стадѣ. Первое и самое очевидное слѣдствіе лѣности Татаръ заключается въ томъ, что хозяйство ихъ, не смотря на всѣ благопріятствующія обстоятельства, идетъ очень плохо, а потому живутъ они нерѣдко въ страшной бѣдности. Забота о будущемъ, даже самомъ необходимомъ, не въ природѣ Татарина. Есть у него хлѣбъ,

молоко, сыръ и табакъ, онъ совершенно доволенъ и счастливъ тѣмъ, что можетъ предаться любимой лѣни, вовсе не заботясь о томъ, что можетъ быть не далѣе, какъ завтра, ему нечего будетъ перекусить.

Разговорчивость и любопытство — вторая характеристическая черта Крымскихъ Татаръ. Они только во время работы молчаливы и угрюмы, но какъ только окончатъ свое занятіе, собираются въ кружки и, закуривъ трубки, начинаютъ бесѣду о разныхъ разностяхъ. Любопытство особенно развито въ женщинахъ. Оно, впрочемъ, понятно. Заключенныя въ четырехъ стѣнахъ домашней жизни, онѣ не могутъ не завлекаться прелестью жизни общественной, для нихъ совершенно закрытой, и потому всѣми средствами стараются проникнуть туда. Богатыя Татарки, освобожденныя отъ заботы о домашнемъ хозяйствѣ, цѣлые дни проводятъ подъ окнами, съ любопытствомъ разглядывая проходящихъ и въ то же время страшно боятся быть замѣченными тѣми, кто служитъ предметомъ ихъ любопытства. Случится Татаркѣ, какимъ нибудь случаемъ, забраться въ домъ русской, тогда она отъ восторга не помнитъ себя, и каждая мелочь, особенно изъ туалета, служитъ предметомъ ея безграничнаго удивленія.

Къ похвальнымъ качествамъ Крымскихъ Татаръ, должно отнести ихъ любовь къ опрятности, честность и гостепріимство. Домы Татаръ, обыкновенно не велики, служатъ жилищемъ для нѣсколькихъ и, не смотря на это, содержатся всегда опрятно. Такую же опрятность они наблюдаютъ въ отношеніи къ одеждѣ. Встрѣтить Татарина въ разорванномъ платьѣ — большая рѣдкость.

Честность въ Крымскихъ Татарахъ, укоренена до такой степени, что они ничего не держатъ подъ зам-

комъ и не смотря на это, случаи воровства между ними чрезвычайно рѣдки. Впрочемъ, такую честность соблюдаютъ Татары только между собою, украсть же лошадь или овцу у Русскаго, вовсе не считаютъ за дѣло недоброе. Что касается до гостепріимства, то оно оказывается съ готовностью всѣмъ и каждому, къ какому бы вѣроисповѣданію онъ не принадлежалъ. Татаринъ съ радостію принимаетъ гостя, угощаетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ и всякую плату почтетъ за оскорбленіе. Бѣдные Татары, впрочемъ, принимаютъ благодарность въ видѣ подарка, но никогда не напрашиваются на нее. «Дай мнѣ то, что ты любишь», вотъ отвѣтъ бѣдняка Татарина на вопросъ: чѣмъ можно заплатить ему за оказанное гостепріимство.

Къ внѣшнимъ характеристическимъ особенностямъ каждаго народа, послѣ физіономіи, принадлежитъ одежда.

Костюмъ горныхъ Крымскихъ Татаръ довольно живописенъ. Верхняя одежда состоитъ изъ широкихъ шароваръ, перетянутыхъ широкимъ поясомъ, большею частію яркаго цвѣта и куртки. Куртка шьется изъ разноцвѣтной шелковой или бумажной матеріи, украшается шнурками и рядомъ матерчатыхъ или металлическихъ пуговицъ, нашитыхъ по борту, сверху до низу. Рабочій классъ народа, поверхъ куртки, носитъ кафтаны изъ грубаго домашняго сукна, съ большими откидными воротниками и съ очень широкими рукавами. Эти кафтаны, въ рабочую пору, служатъ вмѣсто мѣшковъ, въ которыхъ переносится хлѣбъ. Въ зимнее время, кафтанъ замѣняется бараньею шубою. Голову Крымскіе Татары покрываютъ шапкою изъ дубленой бараньей кожи, вышиною въ одинъ или въ полъ фута, съ кожанымъ или суконнымъ донышкомъ. Чалму имѣютъ

право носить только муллы. Ее они обматываювъ около шапочки крестъ на крестъ, какъ Турки. Чалма бываетъ всегда бѣлая, а шапочка разныхъ цвѣтовъ. Кромѣ этаго, муллы отличаются отъ прочихъ Татаръ зеленымъ поясомъ и суконною мантіею голубого или бураго цвѣта. Обувь зажиточныхъ Татаръ состоитъ изъ бараньихъ полусапожекъ или башмаковъ, желтаго цвѣта съ острыми и загнутыми вверхъ концами. Низшій классъ носитъ сандаліи.

Женскій костюмъ, въ теплое время года, состоитъ изъ бумажнаго кафтана, обшитаго какою нибудь пестрою матеріею, съ рукавами, доходящими только до локтя, какъ у мужской куртки.

Въ холодное время года, на этотъ кафтанъ надѣвается другой, по покрою очень похожій на мужской. Разница заключается только въ стоячемъ воротникѣ и въ узкихъ рукавахъ, которые по шву украшаются маленькими металлическими пуговицами, числомъ отъ шести до девяти. Длина этаго зимняго кафтана зависитъ отъ лѣтъ: у молодыхъ дѣвушекъ, онъ едва доходитъ до колѣнъ, а у старухъ спускается до самыхъ пятокъ. Головной уборъ татарскихъ женщинъ составляетъ покрывало. Дѣвушки, вмѣсто покрывала, носятъ феску, т. е. небольшую красную шапочку, украшенную золотыми монетками. Прическа также неодинакова для женщинъ и дѣвушекъ.

Первыя собираютъ передніе волосы въ два пучка и завертываютъ ихъ на вискахъ, а задніе, незаплетенные отбрасываютъ на спину. Дѣвушки заплетаютъ свои темнорусые волосы въ нѣсколько косичекъ, изъ которыхъ однѣ падаютъ по плечамъ, а другія забрасываются на спину. Браслеты, буссы и широкіе серебряные пояса, составляютъ необходимое украшеніе всѣхъ

Татарокъ. Кромѣ этаго, онѣ имѣютъ обыкновеніе красить волосы и ногти красною краскою, приготовляемою изъ какого-то порошка.

Необходимую принадлежность татарскаго костюма, какъ мужскаго, такъ и женскаго, составляютъ кожаныя сумочки съ серебрянными ящичками, въ которыхъ спрятаны молитвы. Эти сумочки, имѣющія значеніе амулетовъ, носятся мущинами на груди или на спинѣ, дѣвушками вплетаются въ косы.

Религія. Крымскіе Татары, различающіеся до нѣкоторой степени, между собою наружностію и образомъ жизни, тѣсно связаны общими религіозными вѣрованіями. Всѣ они принадлежатъ къ послѣдователямъ Магомета и строго исполняютъ заповѣди своего великаго пророка.

Главныя основанія магометанской религіи болѣе или менѣе извѣстны, а потому, оставляя въ сторонѣ изложеніе ея догматовъ, мы обратимъ вниманіе на нѣкоторые обряды и на ихъ исполненіе Крымскими Татарами (¹).

Первая обязанность каждаго правовѣрнаго, по заповѣди Магомета, есть молитва, которая должна быть совершаема всегда послѣ омовенія, необходимаго для ея дѣйствительности.«Прежде чѣмъ явиться предъ Богомъ, чтобы очистить свою душу, омой сперва твое тѣло отъ грязи и нечистоты», говоритъ Магометъ.

Крымскіе Татары твердо помнятъ эти слова и въ важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ передъ свадьбою или послѣ похоронъ, приступая къ молитвѣ, омываютъ все тѣло, а передъ обыкновенною, ежедневною молит-

(¹) Вѣрованія и обряды магометанской религіи подробно изложены въ книгѣ «*Природа и Люди*», кн. II, вып. I. изд. 2.

вою, ограничиваются омовеніемъ лица, рукъ и ногъ. Каждый Магометанинъ обязанъ молиться пять разъ въ сутки, и Крымскіе Татары строго исполняютъ это предписаніе. Въ богатыхъ селахъ, гдѣ есть при мечетяхъ минареты, мулла каждый разъ возвѣщаетъ своимъ однообразнымъ, унылымъ напѣвомъ о времени молитвы. Первый призывъ раздается тотчасъ послѣ восхода солнца, второй въ полдень, а третій послѣ заката солнца. Кромѣ этаго Татары должны еще два раза молиться ночью, и надо, къ чести ихъ, сказать, что они не часто пренебрегаютъ этою довольно тяжелою обязанностію. Особенно набожные Татары молятся по четкамъ. Татарскія четки состоятъ изъ 60-ти деревянныхъ шариковъ, нанизанныхъ на нитку. Три раза въ день совершается молитва и каждый правовѣрный перебираетъ свои четки по три раза, значитъ каждый разъ онъ прочитаетъ 180 молитвъ. Правда, магометанскія молитвы коротки и состоятъ только изъ воззваній къ Аллаху и Магомету, но 180 краткихъ воззваній вмѣстѣ составятъ довольно продолжительное моленіе. Въ мечеть Татары собираются только по пятницамъ. Богослуженіе ихъ состоитъ въ чтеніи курана, къ которому иногда присоединяется краткое поученіе и оканчивается всегда моленіемъ о благоденствіи государя и всего царствующаго дома. Особеннаго празднества, извѣстнаго подъ именемъ сикра, отправляемаго восточными Магометанами, у Крымскихъ Татаръ кажется не существуетъ за что они, впрочемъ, нетолько не заслуживаютъ упрека, какъ неревностные исполнители религіи, а скорѣе похвалы, тѣмъ болѣе потому, что такая отвратительная церемонія, не была установлена Магометомъ, а по всей вѣроятности придумана его послѣдователями, слишкомъ уже ревностными въ исполненіи обрядовой части религіи.

Милостыня, другая великая заповѣдь магометанской религіи, исполненіе которой приводитъ предъ лице самаго Бога, также соблюдается Крымскими Татарами съ большою строгостью. Подавая при жизни милостыню чѣмъ можетъ, умирая, Татаринъ треть своего имущества удѣляетъ въ пользу Мекки и нищихъ.

Магометъ, передавъ ученіе курана, заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ, ознаменовать это важное событіе ежегоднымъ постомъ, который долженъ продолжаться цѣлый мѣсяцъ. Этотъ постъ, какъ извѣстно, называется Рамазаномъ, и состоитъ въ воздержаніи отъ пищи и питья во все время, пока земля освѣщается солнцемъ. Какъ ни трудно Крымскимъ Татарамъ, обитающимъ страну климата жаркаго, исполнять эту заповѣдь, однако они не допускаютъ ни малѣйшаго послабленія и не только не позволяютъ себѣ утолить жажду въ знойный день, но отказываются даже отъ любимаго удовольствія — куренія трубки. Такъ какъ время дарованія курана не извѣстно, то и положено праздновать Рамазанъ каждый годъ однимъ мѣсяцемъ позднѣе, чѣмъ въ предъидущемъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 12-ти лѣтъ одинъ постъ навѣрное придется на тотъ самый мѣсяцъ, въ который дарованъ былъ куранъ.

Кромѣ воздержанія отъ пищи и питья, составляющаго непремѣнную обязанность каждаго правовѣрнаго, исключая малолѣтнихъ дѣтей, больныхъ женщинъ и стариковъ, ревнители считаютъ необходимымъ воздерживаться отъ разговора и прекращаютъ всѣ обычныя занятія. Послѣднее, конечно, могутъ сдѣлать только люди достаточные и муллы, которые все время поста проводятъ въ чтеніи курана.

Что касается до пилигримства въ Мекку — эту святыню всѣхъ почитателей Магомета, то оно въ Крыму

считается необходимымъ только для муллъ, которые послѣ возвращенія получаютъ титулъ Гаджи и завидное право носить зеленую чалму.

Магометъ строго запретилъ своимъ послѣдователямъ употребленіе вина, но Крымскіе Татары, особенно молодые, плохо помнятъ это запрещеніе и, напиваясь не менѣе Русскихъ, оправдываются тѣмъ, что пьютъ не вино, а водку, о которой пророкъ ихъ не говорилъ ни слова. Впрочемъ, степные Татары составляютъ исключеніе, и не только не пьютъ вина, но даже не ѣдятъ винограда.

О происхожденіи татарскаго обычая не ѣсть свинины, въ Крыму ходитъ такая легенда: Во время оно, разсказываютъ Татары, въ знойный лѣтній день, татарскій мулла и русскій старикъ гуляли въ степи. Изнуренные зноемъ, они напрасно искали источника, чтобы утолить томящую ихъ жажду. Наконецъ, Русскій прикоснулся палкою къ камню и изъ подъ него, тотчасъ потекла чистая, свѣжая вода, которою путники утолили жажду, а потомъ возвратились вмѣстѣ домой. Муллѣ, между тѣмъ, страшно стало досадно, что не онъ, а Русскій совершилъ такое чудо. И вотъ, сталъ онъ подумывать, какъ бы самому сдѣлать тоже и также удивить Русскаго. Послѣ долгихъ думъ, наконецъ придумалъ онъ слѣдующее: приготовивъ огромный бурдюкъ, приказалъ наполнить его водою и зарыть въ землю такъ, чтобы легко можно было отыскать его. Сказано — сдѣлано. Мулла приглашаетъ Русскаго прогуляться и незамѣтно подводитъ его къ тому мѣсту, гдѣ должно совершиться чудо. Вотъ уже виднѣется это мѣсто, но тамъ что-то шевелится; подходятъ ближе и что же представляется муллѣ-чудотворцу? Свинья, съ своими поросятами, ночью открыла присутствіе бурдюка, разрыла землю и теперь валялась въ образовавшейся лужѣ. Это такъ раздосадовало муллу, что онъ схватилъ одного изъ невинныхъ виновниковъ своей неудачи и швырнувъ его въ лужу, проклялъ весь его родъ и потомство. Съ тѣхъ поръ это животное считается нечистымъ и потому не употребляется въ пищу, хотя нѣкоторые Татары очень сожалѣютъ, что неизвѣстно за которую ногу мулла схватилъ поросенка. Тогда бы они имѣли право считать нечистою и проклятою только эту ногу, а остальныя части употребляли бы въ пищу.

Говоря о религіозныхъ обрядахъ Татаръ нельзя не вспомнить о похоронахъ, тѣмъ болѣе потому, что въ нихъ ясно выражается понятіе о загробной жизни. По ученію курана, вскорѣ послѣ того какъ тѣло покойника будетъ опущено въ могилу, являются къ нему два генія-испытателя. Душа возвращается въ тѣло и покинувшій землю, долженъ повѣдать о своихъ земныхъ дѣяніяхъ. Если эти дѣянія были добрыя и согласныя съ предписаніями религіи, то душа тотчасъ же улетаетъ на небо, гдѣ остается до страшнаго суда, а тѣло не выходя изъ могилы, наслаждается разными удовольствіями, полное пользованіе которыми наступитъ только послѣ страшнаго суда. Въ противномъ же случаѣ, ежели умершій недостоинъ небесной награды, тогда тѣло подвергается страшнымъ мукамъ, а душа возвращается на землю, долго скитается по ней, и, не найдя пристанища, не смѣетъ вознестись на небо, а низвергается въ преисподнюю.

Покойникъ долженъ отвѣчать предъ ангелами сидя, а потому хоронятъ его въ сидячемъ положеніи, устроивая послѣднее жилище, какъ можно просторнѣе. Когда тѣло опущено въ могилу и засыпано землею, тогда всѣ родственники и знакомые, участвующіе въ погребальной церемоніи, отходятъ на нѣсколько шаговъ. При могилѣ остается только мулла. Онъ садится подлѣ могилы и предлагаетъ умершему различные вопросы въ родѣ слѣдующихъ: «что ты подѣлываешь?» «Хорошо ли тебѣ въ могилѣ?» «Доволенъ ли ты своими похоронами?» «Видѣлъ ли ты такого-то?» и проч. На всѣ эти вопросы мулла отвѣчаетъ самъ измѣненнымъ голосомъ. Послѣ этой окончательной и довольно смѣшной церемоніи, приглашенные родственники возвращаются домой и садятся за приготовленный

столъ — поминать покойника, а по окончаніи обѣда, тотчасъ приступаютъ къ раздѣлу оставшагося имущества. Въ 3-й и 9-й день, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ и трехъ лѣтъ, поминки повторяются. Татарскія кладбища, вовсе не походятъ на наши. Они обыкновенно представляютъ огромную равнину, на которой безъ всякаго порядка разбросаны груды камней. Эти груды означаютъ могилы. Памятники состоятъ изъ высокихъ камней, округленныхъ на концѣ, съ надписью, говорящею объ имени и заслугахъ умершаго. Памятники духовныхъ отличаются тѣмъ, что на верхнемъ концѣ дѣлается изображеніе чалмы. Кромѣ этого на могилѣ каждаго муллы воткнута палка, къ концу которой привѣшаны тряпки и чашечка для пріема добровольныхъ приношеній правовѣрныхъ.

Семейная жизнь. Въ семейной жизни каждаго народа законы о бракѣ играютъ очень важную роль.

У Крымскихъ Татаръ, какъ у всѣхъ послѣдователей Магомета, многоженство освящено закономъ. Куранъ каждому правовѣрному дозволяетъ имѣть четырехъ женъ, но большинство, особенно богатые люди, предпочитаютъ этому числу цифру семь. Обычаи, соблюдаемые при заключеніи браковъ, также опредѣлены закономъ. Мужчины рѣдко вступаютъ въ бракъ раньше 30-ти лѣтъ, а дѣвушки нерѣдко выходятъ замужъ 15-ти и даже 13-ти лѣтъ. Невѣста пріобрѣтается обыкновенно посредствомъ купли, и переговоры о цѣнѣ длятся иногда цѣлый годъ и болѣе. Во все это время женихъ не имѣетъ права видѣть невѣсту и даже въ мечеть, для совершенія обряда, является одинъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственниковъ и знакомыхъ. Здѣсь встрѣчаетъ его мулла, прочтетъ нѣсколько молитвъ, и бракъ считается

совершеннымъ (1). По совершеніи обряда въ мечети, начинаютъ приготовляться къ самой свадьбѣ. Въ домѣ жениха все прибирается и, наконецъ, къ нему съѣзжаются друзья и пріятели на пирушку, которая длится обыкновенно три дня. На четвертый является невѣста, везомая въ крытой маджарѣ, предшествуемой двумя молодыми парнями, съ шестами, на концахъ которыхъ навязаны платки.

Женихъ съ своими гостями встрѣчаетъ невѣсту на половинѣ дороги. Въ женикову деревню поѣздъ въѣзжаетъ при звукахъ музыки и останавливается около первой избы. Жители требуютъ, чтобы заплатили за въѣздъ и запрашиваютъ обыкновенно очень много, рублей 500, а соглашаются на 5. По уплатѣ этой суммы, поѣздъ приближается къ жениковой хижинѣ. Невѣстина маджара подъѣзжаетъ какъ можно ближе. Старухи выносятъ изъ маджары невѣсту, закутанную съ ногъ до головы въ покрывало, и отправляются съ нею во внутренніе покои. Весь вечеръ невѣста никому не показывается, и пирушка идетъ безъ нея.

Положеніе женщины въ татарской семьѣ печально. Пріобрѣтенная за деньги, она трактуется мужемъ, какъ рабыня, а по смерти его не имѣетъ даже права участвовать при раздѣлѣ имущества, и если будетъ обижена, то даже не имѣетъ права жаловаться. Передъ закономъ, по магометанскимъ обычаямъ, женщина голоса не имѣетъ. Единственное право, принадлежащее женѣ,

(1) Случается нерѣдко, что женихъ, наскучивъ долгими переговорами съ требовательнымъ отцемъ, увозитъ невѣсту тайно. При похищеніи, дѣвушка обязана вскрикнуть три раза и послѣ этаго считается правою. На другой день къ похитителю является отецъ дѣвушки и если тотъ соглашается удовлетворить его требованію, то бракъ считается законнымъ.

заключается въ томъ, что она въ случаѣ худого обхожденія съ нею мужа, можетъ его оставить. Это, впрочемъ, случается рѣдко, и если браки иногда расторгаются, то это бываетъ обыкновенно по требованію мужей.

Образованіе. Что касается до умственнаго образованія Крымскихъ Татаръ, то оно очень мало распространено между ними. У Крымскихъ Татаръ публичныхъ училищъ вовсе не существуетъ, и если отецъ хочетъ научить сына уму-разуму, то отдаетъ его муллѣ. Срокъ ученія продолжается отъ двухъ до пяти лѣтъ и всегда зависитъ отъ средствъ отца. У муллъ учатся нерѣдко взрослые люди, желающіе поступить въ духовный санъ. Вся мудрость татарскаго образованія, ограничивается умѣньемъ читать куранъ и писать по арабски. О прочихъ наукахъ Татары не имѣютъ никакого понятія. Ремесла и земледѣліе изучаются практически. Отъ того въ хозяйствѣ Крымскихъ Татаръ не замѣтно никакого улучшенія, а все дѣлается такъ, какъ дѣлалось это еще десятки лѣтъ назадъ.

Времена богатства и блеска восточной поэзіи для Крыма давно уже миновали и теперь въ народѣ существуютъ только жалкіе остатки стихотвореній, въ которыхъ очень мало поэтическаго. Лучше всего сохранились поговорки и многія изъ нихъ очень замысловаты Вотъ для примѣра нѣкоторыя:

«Кто Бога боится—ничего не боится». «Тотъ мудръ, кто разъ говоритъ, а два слушаетъ». «Величіе души и справедливость — признаки высокаго происхожденія». «Умный врагъ лучше глупаго друга». «Тысячи друзей мало, одного врага много.» «Разумъ не въ годахъ, а въ головѣ».

Этою общечеловѣческою истиною, мы оканчиваемъ

характеристику Крымскихъ Татаръ и переходимъ къ разсмотрѣнію ихъ сосѣдей — Ногайцевъ.

Ногайцы. Происхожденіе Ногайцевъ опредѣлить довольно трудно тѣмъ болѣе, что для этого не сохранилось никакихъ историческихъ фактовъ. Сами Ногайцы говорятъ о какой-то книгѣ «*Таврикъ*», въ которой будто бы повѣствуется объ ихъ первоначальной судьбѣ; но этой книги никто не видалъ.

Ногайцы признаютъ своимъ родоначальникомъ Сима и говорятъ, что въ прежнее время они, вмѣстѣ съ Узбеками, жили въ большой Татаріи. Въ послѣдствіи, Узбеки, выведенные изъ терпѣнія постоянными грабежами Ногайцевъ, заставили ихъ удалиться и дали имъ имя — Neangai, что значитъ: *вѣчно будешь ты несчастливъ.* При ханѣ Джанибекѣ (1267) Ногайцы перешли на берега Волги и кочевали здѣсь довольно долго. Отъ этаго времени у нихъ сохранилось много преданій о походахъ, предпринимыхъ на западъ. Разсказываютъ они также о Литовцахъ и объ ихъ князѣ Витовтѣ, а также о большомъ замкѣ Маріенбургѣ, расположенномъ на Вислѣ. Въ послѣдствіи Ногайскіе Татары раздѣлились на двѣ части. Одна изъ нихъ прикочевала къ берегамъ Кубани и Терека, а другая перешедши Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ, поселилась въ Бессарабіи. Здѣсь, впрочемъ, Ногайцы оставались не долго. Они не могли ужиться съ Турками и Молдаванами, а потому, раздѣлившись на нѣсколько небольшихъ ордъ, отправились на берега Кубани и въ Крымъ. Вотъ какова первоначальная судьба Ногайцевъ. Въ настоящее время они разсѣяны по огромному пространству, расположенному между Бессарабіею, Кавказомъ и Астраханью, а также встрѣчаются на Дону, на Кавказѣ, въ Бессарабіи и даже на правомъ берегу Дуная.

Наружность. Ногайскіе Татары средняго роста, приземисты, но не толсты, держатся прямо, походка ихъ лѣнива, движенія непринужденныя. Цвѣтъ кожи коричневый, а у нѣкоторыхъ почти совершенно черный, что считается признакомъ благородной крови. Чернымъ цвѣтомъ кожи отличается племя, живущее на нѣкоторыхъ островахъ, расположенныхъ въ устьяхъ Волги, и у прочихъ извѣстно подъ именемъ *Кара-Ногай*, то есть черные Ногайцы. Глаза у Ногайцевъ черные и живые, носъ и ротъ красивые, борода черная, но очень рѣдкая. Ногайцы рѣдко достигаютъ преклонной старости. Господствующія между ними болѣзни — оспа и горячка. Онѣ дѣйствуютъ опустошительно, тѣмъ болѣе потому, что Ногайцы почти вовсе незнакомы съ лѣкарственными средствами и гораздо болѣе до-

вѣряютъ какимъ нибудь талисманамъ, чѣмъ медицинѣ. Такъ напримѣръ, кусочекъ бумаги съ какими нибудь каракулями, прикрѣпленный къ шапкѣ, или повѣшанный на шею, считается лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ лихорадки.

Костюмъ. Одежда Ногайскихъ Татаръ и красива, и удобна. У мужчинъ она состоитъ изъ узкаго суконнаго кафтана, подпоясаннаго кушакомъ. Поверхъ кафтана въ непогоду надѣвается *шехбунъ*, т. е. широкій плащъ изъ верблюжьяго волоса, имѣющій свойство не пропускать сырости. Ноги обуты въ башмаки, а голова покрыта маленькою шапочкою, на которую зимою надѣвается еще другая, большая, овчинная. Женская одежда также состоитъ изъ кафтана. Необходимую принадлежность женскаго костюма составляетъ покрывало, которымъ онѣ, при встрѣчѣ съ незнакомыми, закрываютъ лице. Волосы заплетаются въ косы, а голова обвертывается кускомъ краснаго сукна. Дѣвушки покрывала не носятъ, а вмѣсто него надѣваютъ на голову высокую красную шапку, обшитую блестками и монетками. Главное и самое любимое украшеніе ногайскихъ Татарокъ составляютъ кольца. Ихъ онѣ носятъ не только на пальцахъ, но также на рукахъ, въ ушахъ и даже въ носу. Лобъ и шея украшаются повязками, на которыя нанизаны серебрянныя пластинки, стеклышки и другія бездѣлушки.

Жилища. Дома ногайскихъ Татаръ строятся обыкновенно изъ землянныхъ кирпичей и имѣютъ около четырехъ сажень въ длину и немного менѣе двухъ въ ширину. Дверь и крыша деревянныя, а гдѣ дерево дорого, какъ, напримѣръ, на берегу Днѣпра, тамъ крыша дѣлается изъ тростника, поверхъ котораго кладется кустарникъ, а потомъ земля, смѣшанная съ водою. Внутри домъ раздѣляется на два отдѣленія. Одно изъ нихъ служитъ спальнею, а въ другомъ устраивается кухня и жилье. Убранство спальни ограничивается матрацомъ, кожанными подушками, набитыми овечьею шерстью, ковромъ, разостланномъ на полу, и небольшимъ сундукомъ, гдѣ хранятся деньги и различныя украшенія. Въ другомъ отдѣленіи на полу стоитъ котелъ, а на полкахъ, прибитыхъ по стѣнамъ, разставлены деревянныя тарелки, сосуды для молока, ведра и прочая домашняя утварь.

Пища. Главную и самую любимую пищу для Ногайцевъ составляетъ лошадиное мясо. Его они ѣдятъ съ гораздо большимъ удовольствіемъ, чѣмъ бычачье, баранье, или какое нибудь другое. Такое предпочтеніе лошадиному мясу удивительно тѣмъ болѣе потому, что оно очень жестко, приторно и, вообще, не вкусно, особенно если не очень свѣжо, а Ногайцы только и ѣдятъ такое. Любимымъ напиткомъ для нихъ служитъ буза, при-

готовляемая изъ проса, и кумысъ, Кирпичный чай считается лакомствомъ. Его варятъ обыкновенно съ молокомъ, водою, масломъ и солью. До табаку Ногайцы также большіе охотники.

Семейная жизнь. Въ семейной жизни Ногайцевъ немного интереснаго. Невѣстъ они выбираютъ себѣ обыкновенно изъ дальнихъ деревень и всегда стараются жениться на совершенно незнакомой дѣвушкѣ, полагаясь въ этомъ случаѣ на рекомендацію пріятелей и знакомыхъ. Тридцать коровъ составляютъ обыкновенную цѣну, платимую Ногайцемъ за невѣсту. Молодыя вдовы цѣнятся дешевле, а старыя пріобрѣтаются даромъ. Брачныя церемоніи ограничиваются только тѣмъ, что въ день свадьбы невѣста, подъ покрываломъ, въ сопровожденіи родственницъ и знакомыхъ, отправляется въ домъ своего будущаго супруга, гдѣ, разумѣется, устроивается пиршество. Въ первый годъ своего замужства молодая имѣетъ право разговаривать только съ своимъ м[illegible]ъ, съ родителями и близкими родственниками, и то въ [illegible]оса; для постороннихъ же она должна сдѣлаться нѣмою и [illegible] объясняться только знаками. По прошествіи года устро[illegible]ется семейный праздникъ, и съ этого дня Татаркѣ развязывается языкъ для каждаго. Впрочемъ, въ отношеніяхъ къ постороннимъ она всегда застѣнчива и робка.

Между Ногайцами въ обычаѣ многоженство, что даже необходимо для хозяйства. Рабовъ они имѣть не смѣютъ, а нанять работницу нѣтъ возможности. Ногайская дѣвушка служитъ только у себя дома, а русская, конечно, не пойдетъ въ услуженіе къ Магометанину. Является значитъ необходимость обзавестись другою женою, какъ помощницею первой, которая, большею частію, остается полною хозяйкою въ домѣ.

Взглядъ на женщину Ногайцы имѣютъ совершенно восточный. Женщина — полная собственность мужчины. Отецъ располагаетъ своими дочерьми, какъ ему угодно. Онѣ составляютъ часть имущества, которое переходитъ въ наслѣдіе къ братьямъ, а братья обращаютъ это имущество въ деньги.

Умретъ мужъ — женъ его наслѣдуютъ братья, или ближайшіе родственники и оставляютъ ихъ себѣ, или же продаютъ. Только мужъ не имѣетъ права продать свою жену, но за то можетъ прогнать ее, когда вздумается, и позволить ей вступить въ новый бракъ только въ томъ случаѣ, если она возвратитъ заплаченный за нея калымъ. Жена обязана безпрекословнымъ повиновеніемъ мужу и не смѣетъ безъ него посѣтить не только кого нибудь изъ знакомыхъ, но даже своихъ родителей; не смѣетъ ѣсть изъ одной тарелки съ мужемъ и обязана держать себя въ почтительномъ отдаленіи отъ него.

Религія и образованіе. Ногайцы исповѣдуютъ магометанскую религію, но, кажется, далеко не съ тою ревностью исполняютъ ея обряды, какъ Татары, особенно Крымскіе. Что же касается до умственнаго образованія, то въ этомъ отношеніи Ногайцы стоятъ на очень низкой степени развитія. Во многихъ деревняхъ есть школы, но ихъ посѣщаютъ только готовящіеся въ муллы. Курсъ ученія ограничивается чтеніемъ и выучиваніемъ нѣкоторыхъ молитвъ, безъ пониманія ихъ смысла. Арабскій языкъ, необходимый для каждаго магометанина незнакомъ даже мулламъ. Женщины не получаютъ никакого образованія.

Этою краткою характеристикою Ногайцевъ мы оканчиваемъ этнографическій очеркъ Европейской Россіи. Изъ представленнаго разсмотрѣнія племенъ и на видно, что населеніе Европейской Россіи чрезв разнообразно; но, такъ какъ число чуждыхъ п очень незначительно, въ сравненіи съ коренным вянскимъ населеніемъ, то можно сказать, что Европейской Россіи, по своему происхожденію, представляютъ такое единство, подобное которому трудно найти въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ. Кромѣ этаго, надо замѣтить еще слѣдующее обстоятельство: такъ какъ Славяне занимаютъ лучшую часть государства, способствующую успѣхамъ всякаго рода промышленности и представляющую богатыя средства къ существованію, то число ихъ должно постоянно увеличиваться и, наконецъ, поглотить въ себя племена чуждыя.

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

1) L'Emp[illegible]e de Tsars — Шнитцлера. 2) Der Ugrische Volksstamm — Мюллера. 3) Уральскій хребетъ — Щуровскаго. 4) Das Stro[illegible]tem der Wolga — Мюллера. 5) Магазинъ землевѣдeнія и п[illegible]ствій — Флорова, 1 т. 6) Hydrographie des Russischen Rei[illegible] Шкукенберга, т. 1, 3, 4, 5 и 6. 7) Коммерческая библіо[illegible]X. 8) Studien über Russland — Гакстгаузена. 9) Судоход[illegible]рожникъ. изд. Гл. Управл. Пут. Сообщ. 10) Записки о Чу[illegible]хъ и Черемисахъ — Г-жи Фуксъ. 1[illegible] Reisen in Südrussland — Коля. 12) Reiseerinnerungen, Reiseberichte und Briefe — Кастрена. 13) Самоѣды — Иславина. 14) Калмыки — Небольсина. 15) Киргизы — Левшина.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
1	12 снизу	37,000 кв. м.	370,000 кв. м.
5	10 сверху	заливомъ	проливомъ
—	2 снизу	Deugis	Dengis
33	2 сверху	Падитахъ	Падишахъ
44	4 снизу	Вышеры	Вытегры
46	19 —	находящейся	находившейся
47	5 сверху	тепеперь	теперь
50	21 —	судувъ	судовъ
57	1 —	должно составлять	должно было с[illegible]
59	2 —	сѣверосточное	сѣверовосточное
60	6 снизу	съ рѣкъ	съ береговъ рѣк[illegible]
62	13 сверху	лѣтніе	лѣтнее
74	10 —	собираюся	собираются
75	— —	который	который,
78	20 —	обънявъ	обнявъ
—	1 снизу	садися	садится
80	6 —	и,	и
94	14 —	придачномъ	приданомъ
96	22 —	народовъ	народовъ,
105	2 —	со	до
110	7 —	происхожденія	происхожденіе
111	10 снизу	здоровымъ	здоровьемъ
118	18 сверху	повергаютъ	подвергаютъ
133	3 снизу	да Москаль:	да Москаль;
140	7 —	синяхъ	синей
143	3 —	жмурить	жмуритъ
144	7 сверху	помічъ	помочь
—	10 снизу	косовиць	косовицы
156	3 —	россы они.	рассы. Они

